AYLIK MECMUA

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ŞİMALÎ·KAFKASYA
СЕВЕРНЫЙ·КАВКАЗ

LE CAUCASE DU NORD

NORTH CAUCASIA

№ 42-43 1-ci teşrin—2-ci teşrin—1937—октябрь—ноябрь № 42-43

İÇİNDEKİLER — СОДЕРЖАНИЕ

„ŞİMALÎ KAFKASYA"
MECMUASININ ABONE ŞARTI:

	6 aylık	1 yıl
Avrupanın her memleketinde . . .	0,75 dol.	1,5 dol.
Yakın ve Uzak Şarkta, Afrika ve Amerikada.	1 dol.	2 dol.

Tek nushası 3 fransız frankı.

Abone hakları mecmua müdürünün aşağiki adresine gönderilmelidir: Al. Niepodległości 158 m. 6a. Warszawa 12, Pologne.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА ЗА ЖУРНАЛ
„СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ" СОСТАВЛЯЕТ:

	на 6 мес	на год.
Во всех странах Европы	0,75 долл.	1,5 долл.
В странах Ближнего и Дальнего Востока, Америки и Африки . . .	1 долл.	2 долл

Цена отдельного номера 3 фр. фр.

Подписную плату следует посылать по адресу редактора журнала: Al. Niepodległości 158 m. 6a. Warszawa 12, Pologne.

ŞİMALÎ ◆ KAFKASYA
СЕВЕРНЫЙ ◆ КАВКАЗ

LE CAUCASE DU NORD | ОРГАН НАРОДНОЙ ПАРТИИ ГОРЦЕВ КАВКАЗА | NORTH CAUCASIA

№ 42—43 1-ci TEŞRİN - 2-ci TEŞRİN — 1937 — ОКТЯБРЬ-НОЯБРЬ № 42—43

KABARDİN-BALKARİYA'DA BAKSAN NEHRİ KIYISI

ДОЛИНА Р. БАКСАН (КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ)

MÜCADELE CEPHESİNDE

Şimalî Kafkasya halk kütlesinin sovyet istilâsina karşı göstermiş olduğu müsallah mukavemetin sonocağı, kızıl ordunun faik kuvveti neticesinde 1921-in ilk baharında Dağıstan dağlarında sönmüştü. Bu andan itibaren bolşevizm hakimiyeti ülkemizin her tarafında yerleşmiş oldu. Gene ayni andan itibaren dirki, halkımız tam manasile Moskva'nın tazyik ve bozucu tesiri altında bulunuyor ve Moskva bu halkı „tek sovyet milleti„nin standar bir kismi haline ge-tirmege gayret ediyor.

Bu suretle mücadele ihtiyacı, eski kuvvetini muhafaza etmiş demektir. Ve millî şeref, ecdadın toprakları üzerinde hür yaşamak uğrunda yapılan mücadele dinmemiş, daha başka şekiller alarak, millî ruhun diger kuvvetlerini de kendi koynuna çekmiştir.

Bu mücadele şimdi 16 uzun yildırki devam ediyor. 16 yıldırki, kızıl moskva'nın merkeziyetçilik idesi, Millî Şimalî Kafkasya idesini ve onun ayrılmaz bir parçası olan kafkasya milletlerinin Hür Kardeşlik idesini imha etmege çalışıyor.

Bu mücadelenin yekûnu ve menaziri nasıldır? Yeni şekil almış rus emperyalizmi zaferle ögüne bilirmi, yahud onun bu yakın zamanlarda çöküşünümü beklemek lazım? İlk suale şimdiden menfi olarak cevab verebiliriz. İkincisin tahakkuku ise hemen hemen gayri kabildir. Onaltı yıllık yekûn, bolşevizme hiç te zaferle ögünmesi için bir sebeb vermiyor.

Uzun yıllar devam eden merkeziyetcilik ve milliyetçiliği boğmak gayretleri neticesinde Şimalî Kafkasya, eskisine nazaran daha fazla milliyetçi olmuştur. Millî ide her tarafa hülul etmiştir: mektebe, ötedenberi ruslaştırma siyasetinin kal'esi olan dile; sık sık kontrol edilen şiir ve edebiyata; kendi doğma milletinin manevî hakikatlerini müstakil olarak tesbit etmeğe başlıyan genç şimalî kafkasyalı münevverlerin harsî faaliyetlerine; sovyet idare aparatında çalışan muhtelif mutahassisler içerisine ve nihayet hatta, fırka aparatına, şayani itimat olması tahmin edilen rejim köpekleri, tazyik ve esaretin muti hafiyeleri arasında bile millliyetçilik göze çarpmaktadır.

İptidai mektebde, şimalî kafkasya aul mektebinde, halk kütlesinin mektebinde sovyet hükûmeti, bugüne kadar rus dilinin pozisyonunu kuvvetlendirmege muvaffak olmamıştır. Zahiren millî tahammül prensipine sadik bulunan sovyet hükûmeti açık ruslaştırma yoluna giremiyor ve mekteblerden ana dilini çıkartamıyor. Hukukî esasın bu şekli halk kütlesine iptidaî mekteblerde ana dilini oldukca kuvvetle muhafaza etmek ve rus dilinin hakimiyetine her vesile ile engel olmak imkânını bahşediyor. İcabında, aul tazyik karşısında bile egilmiyor. Sovyet matbuatı şimalî kafkasya aullarında rus muallimlerinin takib edildiklerine dair sık sık vak'aler kaydetmektedir. Ruslaştırma işile uğraşanlar için, kadim kafkasya müsafirperverliği kanunlarının hükmü yoktur. Neticede, Şimalî Kafkasya'da sovyet mektebi zahiren millî mekteb şeklini muhafaza ediyor. Ekser ehvalde cesur muallimler kadrosu, mektebi imkân olduğu yerde millî ruhun bir ifadesi haline getiriyorlar. Şimalî Kafkasya muallimler kadrosu içerisindeki „burjua milliyetçiler"i kütlevî bir şekilde ifşa ediş keyfiyeti, bu ciheti teyid etmektedir.

Harsî kuruluş denilen sahanın mühim kısmi olan dil vadisinde dahi milliyetçilik ruh ve faaliyetinin kuvvetli akislerini görmekteyiz. Müşterek dil, idare ve kabileler arasındaki rabıta dili, Şimalî Kafkasya millî hayatının en zarurî unsurlarından biridir. Şimdiki şerait içerisinde bu dil mes'elesini kendi millî arzusuna göre halletmek imkanından mahrum olan Şimalî Kafkasya, ileride, başka siyasî şerait tahaddüs ettigi zaman bu mes'elenin hallini kolaylaştırmak için çalışmaktadır. Dağıstanın uzun seneler müşterek dil uğrunda yürüttüğü mücadele ve tekmil Şimalî Kafkasya'nın tek bir alfabe yolunda yürüttüğü savaş, nihayet, Moskva'nın bu faaliyete karşı mukavemeti, hep bu sahadaki faaliyeti teyid eden hemlelerdir.

Sayca mahdud olan Süleyman Stalskiler tarafından yazılarak Stalin ve diger „rehberlere" ithaf edilen kasideler hesaba alınmazsa, Şimalî Kafkasya şiir ve edebiyatta bugüne kadar „sınıfî bakımdan şayani itimat" hiç bir eser vermiş değildir. Sovyet tenkidi tarafından bugün medhedilen bir eser, yarın „ortadan kaldırılarak" zararli adlanıyor. Hakikî ilham, sovyetlerin karanlık hayatını terennüm etmege hiç te yanaşmıyor.

Millî husumetin ayni şekline milletin diger manevi hayat sahalarında dahi rastlamaktayiz. Karadeniz sahillerinde Şapsuk millî mıntakası da dahil olmak üzre, bütün cumhuriyet ve eyaletlerde mevcud ülkeyi ögrenme ilmî—tetkik enistituları ve ülkeçilik cemiyetleri hep burjua milliyetçileri„nin yuvasından başka bir şey değildir. Bu müesseselerde çalışan kadro daima degiştirilmektedir. Daha fazlasını söyliyelim: şimalî kafkasyalı müellifler tarafından kaleme alınan hiç bir tarihî tetkik eseri Sovyetler İttihadı hudutları dahilinde bugün serbest dolaşmak imkânında değildir. Burada da her yerde olduğu gibi — „burjua milliyetçiliği" vardır.

Fakat, en şayani dikkat şey, Moskva'nın Şimalî Kafkasya'yi temamile bir koloni haline getirmek için yardımlarından istifade ettiği şimalî kafkasya komünist başçılarının etvar ve harekâtıdır. Bolşevizm onları daima „imha etmek" ihtiyacını hissetmektedir. İlk kurban gidenler Kabarda—Balkar „eski bolşevik"-lerinden Nazır Kathanov, Gemuev, Midov ve digerleri oldu. Sonra İnguşetiya da Ziyazikov, Şim. Osetiya'da Mansurov ve Takoyev, Dağıstan'da Korkmazov v. s. onların arkasınca gitti. Bunların hepsi ya kurşuna dizilmiş yahud da mesela Moskva'da dışarı çıkmasına müsaade edilmeyen Korkmazov gibi, „iftiharî sürgün„-de bulunmaktadırlar. Burada da kabahat hep „burjua milliyetçiligi„ndedir. İleri gelen komünistlerden İnguşetiya eyalet icra komitesi reisi Ziyazikov merkezden gönderilen mes'ul komünistlere karşı sui kast işi teşkil etmiş ve kollektivize işinin hararetle tatbik edildiği zamanlarda İnguşetiya'da ondan fazla ileri gelen rus komünisti öldürülmüştü. Komşu Osetiya'da gene yerli eyalet icra komitesi reisi ve bolşeviklerin Şimalî Kafkasya'ya gelişlerine filen yardım etmiş olanlardan Mansurov da Ziyazikov'u müdafaa etmişti. Dağıstand'a Lenin'in yakın iş arkadaşlarından ve hakikaten 1903-den itibaren „eski bolşevik" olan Korkma-

zov, ruslaştırma gayesini güden dil siyasetine işle karşı çıktığı için gözden düşmüş ve „iftiharî sürgünü" boylamıştı.

Bununla beraber, sonradan komünist olanlar bile sovyet hükûmetinin itimadını kazanamadılar. Bir kaç ay evvelisi Karaçay ve Çerkes muhtar eyaletlerinin reisleri Kurciyev ve Kambiyev tevkıf edilmiş ve kurşuna dizilmiştir. Dağıstan'da maarif „halk komiseri" Astemirov ve diger bir çok ileri gelen komünistler tevkif edilmiştir. Ayni suretle bütün cumhuriyet ve eyaletlerdeki nisbeten daha küçük komünistler arasında dahi külliyetli tevkifler yapılmıştır.

İş bununla bitmiyor. Sovyet matbuatının tonuna bakılırsa, tevkif ve „temizlik" işine bundan sonra dahi devam edilecegine hükmetmek lazımdır. Çünkü, şimalî kafkasya millî fırka teşkilatlarının sedakatından şüphe edilmektedir. Şimalî kafkasya komünistlerinin hemen hemen hepsi „burjua milliyetçisi" olduğu için şayani itimat değillerdir. İşte, bu vaziyet, Şimalî Kafkasya'da milliyetçilik idesinin ne derece kuvvetli ve ne kadar zinde olduğunu göstermege kâfidir.

Mücadele, ancak yukarıda bahsettiğimiz sahalara munhasır degildir. Şimalî Kafkasya dağlarında eski çarlık zamanında olduğu gibi rejimle şiddetli ihtilâf halinde olan sayısız insanlar bulunmaktadır. Onlar ecdadlarının izile giderek bu ihtilafi elde silâh olarak hallediyorlar. Hemen hemen hergün yabancı hakimiyetin mümessilleri mektul düşüyor, sovhozlar ateş alıyor, hükûmet tarafından ehaliden yağma edilmiş mal davar dağlara kovalanıyor. Bu cesur kahramanları her adımda ölüm bekliyor. Fakat „muzaffer, mücadeleye ve yüzde yüz ölüme kendi ruh ve bedenini kurban verendir".

Millî Şimalî Kafkasya'nın millî varlığı ve ecdadının toprağı üzerinde kendisinin efendi olması uğrunda yürüttüğü mücedele hiç zayiflamadan devam etmektedir. Düşmanın tazyıkı arttıkca, ona yapılan mukavemetin de kuvveti artmaktadır.

Bu şerait içerisinde, Şimalî Kafkasya'nın millî işi mahvolmaz. O muhakkak galib gelmelidir.

Doguj

Ondördüncü Dağıstan fırka konfransında Samurskinin maruzası

Mayısın sonları ile Haziranın ilk yarısında Şimalî Kafkasyada nahiye, vilayet (eyaletlerde ve cumhuriyetlerde) ve ölke komünist teşkilatlarının konfransı vuku bulmuştur. Bütün bu fırka konfransları muhtelif „ziyançılıkları" ifşa şiarı altında devam edib SSSR in yolgösterenlik mehafillerindeki ruhî haleti izhara yaramıştır. „Ziyançılık" işleri hakkında en karakteristik malumatı 14 ncü Dağıstan fırka konfransında maruzada bulunan bütün sovyetler komünist fırkasının Dağıstan vilayet şubesi kâtibi Necmettin Samurski vermiştir. Muavini Sorokinin daimî murakabası altında bulunan Necmettin Samurskinin „Dagestanskaya Pravda" gazetesinin on sayısını işgal eden maruzası (Haziran 24, 26, 27, 29, 30 ve Temmuz 2, 3, 5, 9, 10 sayılarında), „ziyançılık" fonu üzerinde son üç yılın, yâni kendisinin Dağıstan „hâkimi" bulunduğu müddet esnasındaki „muvaffakiyetleri" dahi kabartmak esası üzerine kurulmuştur. Bu devir maruzanın başında dahi bilhassa kaydedilmektedir, gerçi maruzaçı kendi şahsiyetini sükûtle geçerek bütün „muvaffakiyetleri" Dağıstan fırka komitesinin hesabına yazıyor.

Samurski diyor, ki:

„Dağıstan fırka teşkilatının büyük üç yıllık işini eyi tasavvur etmek için üç yıl evvel, 1934-ün başında, Dağıstanın bulunduğu siyasî ve iktisadî—medenî vaziyeti tasavvur etmek lâzımdır".

Bu „vaz'iyeti" karakterize ederken Samurski koyu boyaları hiç te esirgemiyor. Meğerse Samurskinin idare Olimpine gelmesine kadar „Dağıstan sanayii berbat vaziyette olub planları yerine yetirmiyormuş. Cam imalathanesi 1933 planını 59,6%, deri imalathanesi 67,5%, yun eğirme fabrikası 75,3%, tamir—mehanik imalathanesi 79,3% nisbet ikmal ediyormuş. 1927—28 seneleri başında Gergebil hidroelektrik istasyonu inşaatı konserve edilmiş, 182 sayılı muazzem imalathanenin inşaatında ehemmiyetsiz mıkdarda amele varmış ve filen inşaat yapılmıyormuş. Kuvvetleri istihsal prağramından iki defa yüksek bulunan dört konservo imalathanesi 1933 programını 61% nisbetinde ikmal edebilmişlerdir. Amele kuvvetinin akması (işten kaçması) sanayi müesseselerinde 226% nisbeti bulmuştur. Yerli milletlerden olan amele 1929 de 55,7% nisbet iken 1934 de 30,9% nisbete inmiştir. Kolhoz kuruluşu ise asla ileriliyemiyormuş mevcud kolhoz ise „kabile prensipi üzerine" kurulmuş imişler. 1929 de bağlar 10.000 hektar yer işgal ederlerken 1933 de 4500 hektara düşmüştür. Üzüm bagalarıda 50% nisbetinde azalmış imiş. Koyun ve keçi gibi hayvanların sayısı üç defa azalmış, „sag opportunist hatalar", „dağlık mıntakadaki hayvançılığı imhadan ve koluçomaklarla ruhanilerin tahakkümünü artırmaktan başka bir işe yaramamış imiş".

Bir sözle iktisadiyat sahasında bolşeviklerin bütün emekleri boşa gitmiştir. Medenî kuruluş denilen sahada dahi bolşevizatorlar maksadı elde etmemişlerdir. Millî savaşın muvaffakiyeti için bu hakikatı nazara alacak olursak Samurskinin ettiği itirafların ehemmiyeti kendi kendiliğinden anlaşılmış olur. Bizim için bilhassa değerli ve sevindirici cihet sovyet hükûmetinin ruslaştirma siyasetinin iflas ettiği hakkındaki itiraflardır. Samurskinin bu hususta verdiği geniş izahatı nakletmeği çok faydalı buluyoruz. Samurski demiştir, ki:

„Halk maarifi sahasında çok ciddî siyasî hatalar işletilmiştir. Dağıstan komünist teşkilatının 1930 senesinde Dağıstan halklarının geniş emekçi kitlesine ilk mekteblerin ikinci yılından itibaren türk ve rus dillerinden birini seçmek hakkındaki kararı haddi za-

tında pantürkçilere ve burjua milliyetçilerine güzeşt-ten başka bir şey değildi. Bu karar fırka teşkilatını dezoryentire eden ve rus dilinin ehemmiyetini hiçe indiren bir karar idi. Ayni zamanda, ilk hazırlık yapılmadan, ana dilinde mekteb kitabları, mekteb levazımı ve muallim kadrosu hazırlanmadan orta mekteblerin ana diline geçirilmesi dahi, mektebi konterrevolusyon emelleri için istifade etmek istiyen koluçomak, ruhani ve arabçı münevverlerin burjua milliyetçi temayüllerini ifade ediyordu. Onlar bununla Dağıstan halkının şekilce millî, mahiyetce sosyalistik millî kültürünün inkişafına mâni olmak istiyorlardı.

Bütün bunların neticesinde millî mekteblerin ekseriyetinde rus dili okutulmamış, mektebler muallim cihetce temin edilmemiş ve ilk mektebler orta mektebde okuya bilmek için rus dilini en minimal derecede bilen talebe yetiştirememişdir. Orta mektebler de yüksek mekteblere girebilecek talebe hazırlıya bilmemiştir. Bunlar bir taraftan Dağıstan millî mekteblerinin çıkmaza girmesine, öte taraftan da yerli milletlerden mütehassis ve siyasî işçiler hazırlanmasına mâni olmuştur. Rus muallimleri devam eden mekteblerde ise bu muallimler takib olunmuşlardır (meselâ: Tlyarotin, Levaşin, Lak, Buynak, Hasavyurt, Babayurt v. s. kazalerde).

Rus diline ve rus dili muallimlerine karşı gösterilen bu alaka kültür kuruluşu cephesinde millyetçi unsurlarla mücadele yapılmadığına ve burjua milliyetçilerine cezasız olarak faaliyet imkânı verilmiş olduğuna bir delildir. Millî mekteblerde (yâni yerli milletlere mahsus mekteblerde) muallimlerin sırası zibillenmiş, muallimlerin ekseriyeti ruhaniler arasından çıkma arabçılardan ibaret olmuştur...”

Dil uğrundaki Savaş mekteb haricinde dahi devam etmiştir. Bu hususta Samurski, sözüne devamla demiştir, ki:

„Dağıstan dillerinde geniş kitlevî—siyasî hazırlık ve umumî malumat edebiyatı yaratmak işinde açık ziyançılık mevcud olmuştur. Mahallî dillerin işlenmemiş olmasından, ortak terminoloji mevcud olmamasından ve luğat yokluğundan istifade eden yerli milliyetçilerle arabçılar bir taraftan, şöven rus milliyetçileri de diğer taraftan, yerli dillerin geniş halk kitlesince anlaşılmaması için kendi işlerini yürütmüşlerdir. Onlar Dağıstan dillerine tercüme edilen kitab ve broşürlerin münderecatını tahrif etmek suretile matbu bolşevizmin halk kitlesine nüfuzunu paralize etmişlerdir...”

Bu son sözleri bir kadar izah etmek lâzımdır. Yerli dillerin „geniş halk kitlesince anlaşılmaması için” tahrif edilmesinden bahseden Samurskinin sözleri yalnız rus şövenlerine nisbeten doğrudur. Bunlar yerli dillere rus sözleri doldurmak ve dilleri ruslaştırmak suretile bu dilleri geniş halk kitlesine anlaşılmaz bir hale sokıyorlar. Arabizm ise yalnız Dağıstan dillerine değil, arab medeniyeti nüfuzunun çok kuvvetli olduğu diğer Şimalî Kafkasya dillerine dahi çok dahil olmuş ve umumîleşmiştir. Bolşevik „kültürtregerleri” ise bu arab sözlerini „sovyet sözlerile (meselâ: „inkilâb yerine—revolusya, „fırka” yerine—partiya ve ilh.) değişmeğe sayediyorlar. İşte Samurskiye hoş gelmiyen de „yerli milliyetçilerle arabistlerin” bu ruslaştırmaya karşı olan mukavemetleridir. Rus şövenlerinin hareketi ise resmiyet için tekdir olunuyor; onların hareketi hakikatta ise hükûmetin mukavemetini değil bilakis takdirini ve teşvikini görmektedir.

Bundan sonra Samurski „sovyet apparatının“ vaziyetini tahlile geçiyor. Köy sovyetlerinde „mühim mıkdarda köy zenğilnlerile din üleması” varmış. Mahkeme ve adlî müesseseler „başından ayağına kadar düşman unsurlar elinde” imiş. Burada baş mahkeme reisi Nahıbaşevin fırkadan ihraç edildiğini, ondan sonra da „bir trotskist gibi ifşa ve tevkif edilmiş olduğunu“ da öğreniyoruz (anlaşılan Nahıbaşevin tevkifi bu yakında vuku bulmuştur). Kazalerdeki fırka teşkilatlari da düşman unsurlar elinde imiş. „Dağıstan vilayet komitesi, merkez komitenin yardlmile otuza kadar kazada fırka rehberliğini değişmek mecburiyetinde kalmıştır. Bunlar hep sınıf duyğusunu itirenler, burjua milliyetçilerile kaynaşanlardır.”

Samurski maruzasının bu kısmını bitirirken ilave ediyor, ki:

„1934 ün başında vaziyet bu şekilde idi. Bu vaziyeti nazara aldığımız zaman üç yıllık faaliyetin neticeleri aydın meydana çıkıyor.”

Fakat Samurski bu „aydınlığı” meydana koyamamıştır. Doğrudur, gazetenin bir kaç sayılarında „muvaffakiyetleri” ciddiyetle reklam etmeğe çalışıyor, fakat hakikî vaziyet yeni „ziyançılıklara” daha çok satır hasretmeğe mecbur ediyor, ki onların da hepsi son üç yıllık faaliyet esnasında vuku bulmuştur.

Samurski kaydediyor, ki:

„1933 de 60 milyon rublelik mahsul veren sanayimiz 1936 de 108 milyon rublelik mahsul vermiş, 1937 senesinin planı ise 152 milyon rubledir (rakamlar hep 1926—27 kursu ile veriliyor).”

Bundan sonra maruzaçı sanayiin ayrı-ayrı şubelerine, nakliyata, köy iktisadiyatına v. s. geçiyor. Ve hemen her sahada „büyük muvaffakiyetler” vardır. Konservo sanayiinin mamulatı, 1933-e nisbeten, 1936 de 313% nisbet, şarab sanayii 437% nisbet artmıştır. Sanayiin arttığına dair rakamlar bunlarla bitiyor ve bundan sonra Samurski hep ihtimal şeklinde konuşarak diyor, ki: „daha bu yıl Dağıstan neftçileri memlekete bir milyon ton neft v e r m e l i d i r l e r...”

„Gergebil hidroelektrik istasyonu bitmek üzredir ve Oktobr inkılâbının 20 ncı yılında dağlara elektrik enerjisi v e r e c e k t i r”... „1937 de ilk iş olarak Mahaç—Kalada neft limanı inşaatı b i t m e l i d i r”... v. s. v. s.

Ayni „muvaffakiyetler” köy iktisadiyatında dahi görünmektedir. Kolhozlarda 147.000 aile vardır, ki umum Dağıstan ekeneğinin 75% nisbetini teşkil ediyormuş. 1933 de 1.249.000 koyun ve keçi varken bu yılın başında 1 950.000 baş olmuştur (harbdan evvel Hasavyurt mıntakası hariç olmak üzre, yalnız sabik Dağıstan vilayetinde 4 000.000 baş koyun ve keçi vardı); buynuzlu kara mal 1934 ün başında 526.000 iken bu yıl 663.300 başı bulmuştur (harbden evvel tek Dağıstan vilayetinde 1.500.000 baş idi); 1935-in başında 87 bin at varken 1936 de 94 bin olmuştur, yâni orta hesabla her iki ekeneğe bir at düşüyor, hakikatta ise daha az, çünkü bu hesaba yalnız kolhoz ve hususî ekinçilerin atları değil, umumiyetle Dağıstandaki bütün atlar dahildir.

„Sosyalist kuruluşunun” başka sahalerinde de ayni „artım” vardır. Samurski gururla kaydediyor, ki 1931 de sıtma hastalığına tutulanlar 122.000 iken

1936 de 31.000-e inmiştir, fakat harbden evvel bu memleketin sıtmadan haberi olmadığını hatırlatmıyor. Mekteb sahasında 151.000 ilk ve orta mekteb talebesi gösteriyor, fakat mektebli çocukların alelumum mekteb yaşındaki çocuklardan az olduklarını kaydetmiyor (1935 de bütün çocukları ihate etmedikleri halde Dağıstan mekteblerinde 147.000 çocuk okuyordu, iki yıl sonra mekteb çocukları yalnız 4.000 artmıştır). „Muvaffakiyetlerden" bahsederken maruzaçi „kültür işlerindeki büyük noksanları da" itirafa mecbur olmuştur. Neticede „üç yıllık faaliyet" esnasında bu sahada hiç bir şeyin değişmediği meydana çıkıyor.

Samurski diyor, ki:

„Kültür kuruluşu sahasında büyük noksanlarımız vardır (var idi değil, vardır—D.). Mekteblerde program temamile geçilmiyor, muallim kadrosu zaiftir, mekteb kitabları neşriyatı rezaletcesine bozuluyor, rus dili açıkcasına ihmal olunuyor, yerli dillerin ehemmiyeti kasten takdir olunmıyor."

Yâni 1934-e kadar mevcud olan „noksanlar" aynile berdevamdır. Maruzasının „muvvaffakiyetlerden" bahseden kısmını Samurski şöyle bitiriyor:

„Sonda şunu demek lâzımdır, ki eğer biz trotski, zinovyev,, casus, sağ, kontrrevolusyon burjua milliyetçilere siyasî körlük ve abdalca sayıklık göstermiş olmasaydık, eğer teşkilatımızda tam bolşevik tenkidi ve kendi kendini tenkid hareketi açılmış olsaydı, eğer yolbaşçımız yoldaşStalinin istediği gibi inkılabçılık dikkatı icabeden yüksekliğe kaldırılmış olsaydı Dağıstanın iktisadî ve kültür sahasındaki muvaffakiyetlerimiz daha çok olacaktı."

Böyle bir netice çıkardıktan sonra Samurski maruzasının „Halk düşmanlarının bozgunçu faaliyeti ve siyasî körlügü likvide mes'eleleri" başlığını taşıyan kısmına geçiyor. Gerek bu kısım, gerekse on sayıdan yedisini işgal eden maruzanın öteki kısımları mahiyet itibarile „ziyançılara" ve onlarla vuruşmak tedbirlerine ayrılmıştır. Bu suretle „muvaffakiyetlere" iki gazete kâfî gelmişken bütün öteki sayılar hep ziyançılara ve sovyet hükûmetile komünist fırkası karşısına çıkan engellere tahsis edilmiştir. Yalnız bu hakıkat Sovyet hükûmetinin karşısına çıkan mania ve engellerin kuvvet ve ehemmiyetini göstermeğe kâfidir.

Samurskinin bu kısımda saydığı „ziyançılıklar" ekseren geçen yazılarımızla okuyuculara malumdur. Burada dahi „sosyalizm kuruluşunun" muhtelif sahalerinde çalışan Astemirof, Şovkrinski, Leleviç, Olşevski, ve başkaları gibi tanış isimlerle karşılaşıyoruz. Fakat bunlar arasında bâzı yeni isimler de vardır. Meselâ: Gunib yarım orta mektebi müdürü Mahaçof Selmanın „türkofil ve trotskist olduğu" meydana çıkmıştır (söz yok, ki rus dilile vuruştuğu için), eski komünistlerden olan Debir Saidof, Magdiyef Mehmed, Ruşkuyef, Saidof Saypu, yukarıda ismi geçen baş mahkeme reisi Nahibaşef, G. Ştançayef, Uzayliyef ve başkaları. Karakteristik olan cihet şudur, ki Samurski maruzası esnasında üçüncü defa olarak burada da „kültür cephesindeki kontrrevolusyon faaliyetten" bahsediyor. Bu defa sovyet hükûmetini bu sahada telaşa düşüren şeyleri daha sarih söyliyor. Samurski diyor, ki:

„Kültür cephesinde burjua milliyetçilerin trotskiçilerle ve kapitalizmi ihya etmek istiyen sağlarla birleştikleri bugün daha açık görünmektedir.

Trotskiçilerle birleşen Şovkrinski kültür kuruluşu cephesinde kontrrevolusyon faaliyet gösteriyordu. O, fırka hattı aleyhinde trotskist tezi şiarı altında mücadele yürütüb sosyalizm kuruluşuna inanmamıştır. O, Dağıstanın bolşeviklerin girmesi mümkün olmıyan bir kal'a olduğunu, „dağlarda sosyalizm kurulamıyacıgını" iddia etmiş, yüzü millî içi sosyalizm kültürü yaratıla bileceğini inkâr etmiştir. (Bütün bunların neden trotskizm olduğu anlaşılmıyor—D.),

Şovkrinski gösteriyor, ki (Şovkrinski öldürülmüştür bile—D.):

„Burjua milliyetçi Astemirofun idare ettiği maarif komiserliği köy mekteblerinde rus dili tedrisini temamile proğramdan çıkarmış, „rus kültüründen ve Moskvadan uzak „şiari altında hareket etmiştir."

Kültür cephesindeki burjua milliyetçlilerle trotskiçiler işi „mekteb çıkmazlarına" getirib durdurmuştur. Onlar okuma dili meselesini de karıştırmışlar. Burjua miliyetçiler millî mekteblerde bir taraftan rus diline karşı çarpışmışlar, öte taraftan da yerli dilleri ignore etmişlerdir".

Samurski burda bu işin nasıl ceryan ettiğini anlatıyor:

„Bizim şeraitimizde rus dili SSSR milletlerinin internasyonal anlaşma dilidir. Rus dilini bilmek suretile biz büyük kültür degerlerine kavuşmus oluyoruz. Yalnız koyu burjua milliyetçileridir, ki cumhuriyetlerin halkındaki rus dilini öğrenmeğe olan tabiî hevesin aleyhinde ola bilirler.

Onlar öyle de hareket ettiler. Rus dilinin ignore edildiğine dair bizde çok deliller vardır. Yerli dillerin SSSR dillerinden, ilk nöbede ise rus dilinden ayırmak teşebbüsleri çok karakteristiktir (maruzaçı burada bile hakikatı söylemeğe cesaret etmemiştîr: ilk nöbede değil, ancak rus dilinden—D.). Bu da bütün halka malum olan internasyonal sözlerin (yâni „sovyet sözleri'nin) yazılış tarzını tahrif etmek suretile yapılıyor. Düşmanlar sovyet termin ve sözlere karşı yabancı arab sözlerini koyuyor ve yeni söz ve terminler çıkarıyorlar (arab sözleri şarkta her halde sovyet sözlerinden daha çok internasyonaldır.—D).

Bu, hilhassa dil sahasında çalışan yerli burjua milliyetçilerin faaliyetlerinde görünmüştür. (Çarinof, Gitinayef, Şahnazarof ve başkaları).

Öte taraftan yerli diller açıktan açıga ihmal ediliyor. Aktivlerimizin bir kısmı arasında öyle bir „teori" vardır, ki güya yerli diller emekçi halkın medenî yükselişi için bir silah olamaz, yerli diller, onlarca yoksuldur ve istikbale malik değillerdir. (Dağıstanda her bir köy için bile „millî dil" yaratılmış olduğu unutulmasın—D). Ona göre yerli dillerin işlenmesine para ve emek sarfedilmesine lüzum yokmuş. Bu gibi „teori"lerin müellifleri unutuyorlar, ki yerli dil olmadan yerli halkları sosyalizm kültürüne kavuşturmak imkânsız olur ve kendi dilinden başka dil bilmiyen halk arasında propaganda işi yoluna koyulamaz. Onlar bizim halk kitlesile olan münasebetimizde dilin fevkalâde ehemmiyetini anlayamiyorlar.

Şayani dikkattir, ki bu mes'elede rus şövenlerile yerli milliyetçiler birleşiyorlar. Birinciler yerli ana dillerinin unutulmasını istiyorlar. İkinciler ise evvelâ kontrrevolusyon panislamist ve pantürkist ideden hareket ediyorlar, sonra da sosyalistik millî kültürü inkâr eden trotskistliğe yuvarlanmışlardır..."

Bu rus şövenliğile „yerli milliyetçiler" arasındaki

benzeyişi Samurski adî bolşevik sısile bürüyor. Mes'elenin asıl mahiyeti şudur, ki rus şövenliği, rus olmıyan milletlere rus dilini kabul ettirmek istiyen sovyet hükûmetinin resmî dil siyasetidir. Samurski bu siyaseti gösteriş olsun diye tenkid ediyor. Hakikatte ise bu siyaset sovyet hükûmetinin resmî temayüllerile temamile mutabiktir. Buna mukabil „yerli milliyetçiler" „pantürkistirler", çünkü rus diline karşı, kabileler arası dili olmak üzre, türk dillerinden birini vaz'ediyorlar.

Samurski sözlerine devamla diyor, ki:

„Dil mes'elesindeki sabotaj ve ziyançılıklarını düşmanlar Dağıstan millî kültür enstitüsünde dahi göstermişlerdir. Onlar isbat etmek istiyorlardı, ki umumiyetle dil mes'elesini sosyalizm faydasına halletmek mümküm değildir. Onlar tercüme ettikleri eserlerde ve mekteb kitablarında bir çok kontrrevolusyon tahrifler yapmışlar, (Samurski maruzasının başka bir yerinde diyor, ki geçen yıl Dağıstan millî kültür enstitüsü tarafından tab'edilmiş 150 isimde kitabın okunması men'edilmiştir—D.). Ve bütün bunlar Dağıstan dillerinin yoksulluğu ve darlığı „teorisi" ile perdelenmiştir. Halk düşmanı Şovkrinshi ve onun eli altında olanlar işte böyle hareket etmişlerdir".

Neticede ise diyor, ki:

„Düşman şebekesi çok genişti. Mekteb sahasında Astemirof, Olşevski ve Nikonofdan başka bir çok kazalerde ve mekteblerde Dibirof—Kulin kazasında, faşist Stenger—Luksenburg kazasında, ve başkaları gibi unsurlar da çalışmıştır.

Bu ziyancılar mekteblerde trotskist ve burjua milliyetçi kaçakçılığı yapmağa çalışmış, ana dillerini ihmal ve değerlendirmemek siyaseti yürütmüşler, rus dilini mekteblerden çıkarmağa calışmışlar, çocukları antisovyet ruhta terbiye etmişlerdir".

Bütün bu geniş malumat sovyet hükûmetinin Şimalî Kafkasya millî hususiyetine olan sistematik taarruzunu, ruslaştırma tazıyıkını ve buna karşı arası kesilmiyen millî mukavemetin kuvvetini gösterir. Samurski kendi maruzasında Dağıstanda „en yakın zamanda latın alfabesinden rus alfabesine geçmek mes'elesini halletmeği" teklıf ediyor. Bu teklif fırka konfransının kabul ettiği karara salınmıştir.*)

Bundan sonra gelen üçüncü faslın başlığı: „ideoloji—siyasî ve teşkilat—fırka faaliyeti„dir. Burda da Samurski bir çok mühim itiraflarda bulunuyor.

Evvela fırka azaleri değil, ki artmiyor, bilâkis keskin surette düşüyor. 1934 ün bir son kânununda Dağıstan fırka teşkilatında 11.328 adam varmış. Bunlardan 6 026 adam fırka azası, 5.302 namzed imişler. Hali hazırda ise fırka sıralarında 7.196 adam vardır, ki bunlardan fırka azası 4.361, namzed ise 2835 dir. Dağıstanın yerli ahalisinden olan komünistlerin sayısı 4 871 dir. Maruzaçı, berayi ihtiyat, 1934 ün başına kadar Dağıstan komünist teşkilatanın millî bünyesini zikretmiyor. Bunun da mânası aşikârdır, çünkü son „temizlemeler" hep yerli komünistler hesabına yapılmıştır. Komünistlerin 12% nisbeti (852) alfabe bile bilmiyor. Komsomol teşkilatında 21.390 genç vardır, ki bunların da 4.225-i, yâni 20% nisbeti kızdır. Bu heyetin milliyeti hakkında ise malumat yoktur.

Fırkanın propaganda teşkilatı çok aksıyor. Bilhassa „geride" kalan din aleyhinde propagandadır. Samurski „neden?" diye soruyor. „Çünkü din aleyhindeki faaliyet işleri unutulmuştur. Sonra da keşişler, mollalar, şeyhler hali hazırda aktivitelerini kuvvetlandirmişlerdir."

Samurski devam ederek diyor, ki:

„bir çok misal zikredile bilir. Yalnız bu kadarı kâfidir, ki mollalar dağlarda kur'anı latın alfabesine geçiriyorlar ve bu suretle kur'anın halk arasına girmesini kolaylaştırmak istiyorlar."

Bundan sonra ise:

„Kaydetmek lâzımdır, ki ruhaniler bugün görünmemiş bir şekilde aktiviteye geçmişlerdir. Ruhaniler eskiden de bizde kuvvetli idiler, fakat biz çoktandır, ki son günlerdeki aktivizeye şahit olmamıştık. Çoktandır hiç bir şey eşidilmiyen en eyi kolhozlarda mollalar ön safa geçiyorlar. Hatta Buynak (Temir-Han-Şura) nahiyesinde en birinci kolhozlarda mollalar başa geçmiştir. Hatta zengin hayat geçiren ve bütün öteki kolhozlar için emeğin teşkili bakımından örnek olan Stalin—aluada (Muselim — aul) bile son zamanlardal kolhozçuların bir kısmı mescide gidiyor."

Maruzanın netice kısmı „Vazifelerimiz" başlığını taşıyor. Bu vazifelerden çoğu üçüncü beşylılıkta yapılması icabeden inşaat planlarını tekrardan ibarettir. Fakat bu kısımda dahi „burjua milliyetçiler" ile mücadele lüzumundan bahsedilmektedir. Bu „burjua milliyetçiler" intihabata" kuduzcasına hazırlanmakta imişler".

Dağıstan komünist teşkilatının 14 ncü konfransında Samurskinin söylediklerinin kısa hülâsası işte budur. Bir çok yerlerinde komünist satrapına olan medhiyelere ragmen bu bilançoyu kızıl rus imperyaizmi için passiv addetmek icabeder.

*) Bu karar hakkında gelecek sayımızda bahsedecegiz

S. B.

ELİŞBİ TARAMOF VE ARKADAŞLARI

Bir müddet evvel (bu yılın Haziranında) Dağıstan muhtar sovyet cumhuriyetinin yüksek mahkemesi tarafından intihab edilen hususî heyet, Şiperofun riyaseti ve Ramazanofla Hasanofun azalıkları, Dağıstan müddeiumum muavini Hüsnettinofun iştiraklarile „Taramof çetesinin bakiyesi" işine bakmıştır. „Uzun müddet Hasavyurt mıntakasında faaliyet gösteren" 26 kişiden ibaret çete 10 gün muhakeme edilmiştır.

„Dağestanskaya Pravda"nın 11, 12, 15, 16, 17, 18, 20 ve 23 Haziran 1937 tarihli sayılarındaki mahkeme tafsilatına göre „bandit" tamgası vurulan bu adamlar, faaliyetlerinin mahiyeti itibarile çar devrinin şanlı abreklerinden hiç de farklı değillerdir. Gerek bunların, gerekse çar devrinde Şimalî Kafkasyada faaliyet gösteren abreklerin hareket noktaları yabancı hakimiyetinin mümessil ve ajanlarile silahlı savaştan ibaret olmuştur. Abrek ve „bandit", Şimalî Kafkasyada on yıllardan beridir millî iradeyi bogan cebir ve

zulüm şeraitinin mahsuludurlar.

Talih, Elişbi Taramofun kendisine muhakeme olunmayı kısmet etmemiştir. O, bir kaç arkadaşlarile beraber, çekistler tarafından tevkif edilmek istenirken, maruf Selimhan gibi, kendisini müdafaa ederek kahramancasına ölmüştür. Fakat canını teslim edinceye kadar 15 yıl bolşevik mezalimile amansız surette çarpıştı.

Elişbi Taramof savaşa 1922 de başlamıştır. O yıl Elişbi dağlara çekilib ve gizli hayata girmiştir. O zamana kadar Elişbi Hasavyurt nahiyesindeki doğma bir çeçen aulunda ziraatle meşgul idi.

Çok hasis olan „Dağestanskaya Pravda" gazetesi yalnız „bandit Taramofun" 15 yıllık faaliyeti hakkında değil, muhakeme hususunda dahi çok solğun ve kısa bir tasvir veriyor Bu gösteriyor, ki Dağıstan muhakemesi SSSR de ceryan eden muhakemelerin hiç birine benzemem̈iştir. „Taramof bandası" azaları kendilerini ittiham etmemiş, itiraflarda bulunmamış ve manasız suçlarla kendi kendilerini lekelememişlerdir. Burada öğünmeden söyliye biliriz, ki bolşevik hakimiyetinin 17 yılı esnasında Şimalî Kafkasyada ceryan eden mahkemelerde maznun Şimalî Kafkasyalılar şimdıki mahkemedekinden az bir metenet ve cesaret göstermemişlerdir. Muhakemelerin çoğu kapalı, „çeka" zindanlarında ceryan etmiştir, fakat açık ceryan eden mahkemelerden hiç birinde milletimiz Ramzinler ve Zinovyefler çıkarmamıştır.

Mâmafi bizde de hainler çıkmıştır. „Taramof bandası" işinde dahi hain buluna bilmiştir. 26 lardan birı olan Pura Kaçalof „banda ile terki alaka ederek NKVD (GPU nu yeni adı) idaresine gelmiş ve yalnız samimiyetle cinayetlerini itiraf etmekle kalmıyarak Taramof bandası bakiyesini likvide etmekte bizzat iştirak etmıştir." „Dag. Pravda„nın muhakeme hakkındaki yazısında böyle deniliyer. Pura Kaçalof ihanet bahasına mahkemede beraet kazanmıştır. Fakat o milletin muhakemesinden, adilane mükâfattan kaçamıyacaktır. Bunun zımanı „Taramof bandasının" 15 yıllık faaliyeti, halkın Elişbi Taramofa, onun zalimlerle savaşında gösterdikleri 15 yıllık müzahereti ve yardımıdır. Doğrudan da halk kitlesinin yardımı olmadan „Çeka" gibi kuvvetli bir teşkilatla 15 yıl mücadele edilmezdi.

Elişbi Taramof halkın kalbini nasıl kazana bildi? Onun „banditizmi" neden ibaretti? Gazate bu hususta çok ketum davranıyor. Bununla beraber „Taramof bandasının" sovhozlara, kooperativlere v. s. devlet müesseselerine baskın yaptığını, „bu çetenin, 41 sayılı kitlevî sovhozun siyasî şube müdürü Sitnikoviçi aktivistlerden: Hadisof Ahmed, Şaipof Vishacı ve başka bir çoklarını öldürmüş olduğunu „öğreniyoruz. Ve bu „başka bir çokları" hakikaten de bir çok isimleri ihtiva ediyor, zira daha bir yıl evvel Bammat—yurta giden altı milisionere baskın yapılmıştı.

„Bütün bu altı milisioner banditlerin kurbanı oldu" diye yazılıyordu. Gazetenin muhakeme tafsilatından şunu da öğreniyoruz, ki „mahkemede bulunanlar mezkûr bandanın cinayetlerini heyecanla dinliyorlardı." Maznunlardan Abuhan Abakaroftan bahsederken gazete diyor, ki: „o, başka banditlerle birlikte ormanda posu, kuruyor ve gelib geçen sovyet ve fırka memurlarını öldürüyordu." Muhakemenin ikinci günü „cinayetler" daha ziyade kabartılıyor. „Mahkeme trotskist banditlerin sovyet ve fırka işçilerini imhaya karar verdiklerini meydana çıkarıyor."

İşte, bütün bu „müthiş ve çirkin cinayetlerin" mevcudiyetine rağmen Elişbi Taramof ve onun arkadaşları 15 yıl esnasında „çeka" nın eline geçmiyor Ve bu da ahalisi çok kesif olan bir memlekette ceryan ediyor. Öyle bir yerde, ki ahali hakikî banditlere, hatta daha tehlikeli müsellâh bir kuvvete karşı. lüzumunda mukavemet göstermek imkânındadır.

Ahali Taramofla arkadaşlarını himaye ediyor. Mahkemenin iddeanamesi de bunu isbat etmektedir. Maznunlardan ekseriyet teşkil eden bir kısım doğrudan doğruya Taramof grupu hareketinde iştirak ettikleri için ittiham edilmiyorlar, onların suçu banditleri gizletmekten, onları erzak, elbise, hatta silah v. s. cihetten temin etmekten ibarettir. Meselâ: âlim arabist Bihacı Dukaçayef, Taramof grupunda kat'iyen iştirak etmemiş, fakat onu ahali arasında himaye etmiştir. Mahkeme tafsilatında deniliyor, ki: „o haydud çetesini cinayetlere teşvik eden askerî bir molla idi. O, propagandalarında Taramofun Allah tarafından bolşevikleri imha için gönderilmiş olduğunu söyliyordu. O diyordu, ki: Taramofa yardım ediniz ve onun arkasınca yürüyünüz. Ve kurşun onları yaralamsın „ diye molla onlara dua yazıyordu."

Veyahud, Goçkarof Geyrski. Gazete yazıyor, ki: „60 yaşında olan Goçkarof, Banayaul köy sovyetinın itimadından istifade ederek ve onun mümessili iken, banda için istihbarat işlerini idare ediyordu. O köylerde olub biteni bandaya haber veriyor ve beklenen tehlikeleri bildiriyordu. Goçkarof çok zaman banditleri evinde kabul edib bol—bol izaz ve ikram ediyordu."

Satıbala Baçarof de ayni rolu ifa etmiştir. Onun teşebbüsü ile „sabik kızıl partizanlardan, köy aktivisti yoldaş Hanukayef Zuku katıedilmiştir." Baçarof Taramoftan „Hanukayefin çapuk öldürülmesini taleb etmiştir, çünkü Hanukayef bandanın likvide edilmesi için hükûmete yardım ediyordu."

Yukarıda ismi geçen Goşkarofun oğlu Mehmed Goçkarof da, İsrapil Kuçuyef ve başkaları da bu yardımçılar arasındadır.

Hain Pura Kaçalof demiş, ki: „Banditlerden: Tahirof Vishan, Haciyef Ahmed, Baçarof, Dukaçayef, Batayef silah temininde aktiv surette iştirak ediyorlardı. İslamhanof Hadis, İslamhanof İlyas, Arshanof—bandanın erzakını temin ediyor ve onlari gizletme işine bakıyorlardı." Alelumum köy hayatını bilenler, bilhassa Şimalî Kafkasya aul hayatını tanıyanlar „banditlerle alakadar" bulunanların daha fazla olması icabettiğini, ahalinin şu veya bu nisbette „gizletmede" iştirak ettiklerini, veyahud kimlerin yardım edib gizlettiklerini bileceklerını kabul ederler.

Bundan başka iddeaname, Bütün Sovyetler komünist fırkasının Hasavyurt nahiye komitesi kâtibi Mamaş Şahmurzayefin de „bandaya" yardım ettiğini yazmaktadır. Mamaşın „trotskist ve burjua milliyetçi sıfatile ifşa edildiği „Şimalî Kafkasya" mecmusının geçen sayılarından birinde haber verilmişti. Sultahanof Batırsultan adlı mes'ul bir sovyet memuru da maznunlar sırasındadır. Maliye idaresinde çalışan bu adam ahaliden toplanmış olan verği paralarının ne zaman ve hangi tarikle merkeze gönderileceğini Taramofa haber veriyormuş.

Bu suretle, yalnız ahali değil, bâzı hükûmet mümessilleri dahi „banditlere" yardım ediyormuşlar. Yalnız böyle bir şerait içindedir, ki Şimalî Kafkasyanın muhtelif mıntakalarında bir çok isyançı grupları devam ede bilmiş ve o cümleden olmak üzre Elişbi Taramofun grupu 15 yıl çalışa bilmiştir.

Muhakeme 21 Haziranda bitmiştir. Ölüm cezasına ve emlaklerinin müsaderesine mahkûm edilen 9 kişi: Abakarof Abuhan, Kirsipof Vismurad, Balatayef Miliço, Hadırsultanof Nadırsultan, Goçkarof Geyrsbi, Goçkarof Mehmed, Dukaçayef Bihacı, Temirbiyef Vismurad ve Baçarof satıbala'dan ibarettir.

Oner yıl hapse ve 5-er yıl hukuktan mahrumiyete mahkûm edilenler: Sultahanof Batırsultan, Saihaciyef, Kuçuyef, Bekiyef Taso, Tahriyef Vishan, Haciyef Ahmed, Batayef, İslamhanof İlyas, Bayrakof, Arshanof, Umarof, ve Salimsultanof Abdul-Muslim.

Bekirbihaciyef ve İslamhanof Hadis 8-er yıl „çeka karargâhlarında islaha" ve üçer yıl hukuktan mahrumiyete mahkûm olmuşlardır. Estemir of Taştemir üçi yıl hapse 2 yıl hukuktan mahrumiyete, Ashabof Alişeyh bir buçuk sene hapse mahkûm olmuşlar. Hain Pura Kaçalof ise „beraet etmiş ve serbest bırakılmıştır."

Zalimlerin ve vahşilerin hakimiyetine karşı Elişbi Taramofun 15 yıllık fedakârane savaşının sonu işte böyle bitmiştir.

MATBUAT ARASINDA

İtalya matbuatı ve „Promete" milletleri

Faşist İtalya efkâri umûmiyesi eskide olduğu gibi, şimdi de Rusya mahkûmu milletler mes'elesine canlı bir alakadarlık göstermektedir. İtalya matbuat sayfalarında bu mes'elenin tenvirine dair yer bulan mütaaddid mekaleler bu alakadarlığa kâfi bir misaldır. Roma'da münteşir haftalık „Fronte Unico" nam gazetenin agustos nushalarında derc edilmiş bulunan iki büyük mekale de bu meyana dahil bulunmaktadır. („F. U". 21 Ağustos 1937, № 14—15).

Birinci mekalenin muharriri, okuyucularımızca belli, Rusya mahkûmu milletlerin kurtuluşu idesinin, „Promete" idesinin İtalya'daki yorulmaz mürevviclerinden Françesko Taddei'dir. Mekale „Moskva'nın agonisi" — „L'agonia di Mosca" başlığını taşımaktadır.

Muharrir, S.S.S.R. deki millî mes'elenin dünya antibolşevik kuvvetleri için ne derecede ehemmiyetli olması lazım geldiği işini pek alâ kavramıştır. Mekalesinin başında diyorki: „Sovyetler İttihadındaki bütün antisovyet kuvvetlerin asıl ehemmiyetini anlamak için rusları ehalinin mütebakı kısmından tafrik etmek gerektir. Ruslar, bolşevik karakterini muhafaza etmek yahut da sosyal-demokratik bir rejim tesis etmek emelile ancak şimdiki rejimin bâzi cihetlerini degişmek arzusunu besledikleri halde, İttihad ehalisinin takriben yarısını teşkil eden diger milletler ise, rejime karşı olduğu gibi Moskva'ya karşı dahi mücadele yürütmektedirler".

Taddei diyorki: „Birinciye karşı mücadele ediyorlar, çünkü rejim onlara hakikaten de cehennemî bir hayat vermek istiyor; Moskva'ya karşı çarpışıyorlar, çünkü, onların eskide ve şimdiki halde korkunc istirablarına sebebiyet veren Moskva'dır".

Müellif temamen doğru bir neticeye vararak, rus milletinin mahkûm milletleri daima kendi hakimiyeti altında bulundurmağa can atacağını, mahkûm milleterin de temamen kurtuluncaya kadar mücadeleden az geçmiyeceklerini kaydetmekte ve bu husumetin sebebini nerde aramalıdır diye bir sual tevcih etmek edir. Sualın cevabını da kendisi vererek şöyle bir mülahaza ileri sürmektedir:

„Moskva emperatorluğunun vücude geliş ameiyesini iyice düşünürsek bu sebebi bula biliriz.

XVI-ci asır bidayetinde rus etnografik erazisin teşkil eden Moskva, 400,000 murabba kilometroluk bir yer işgal ettiği bir zamanda, bugün sovyet hudutları dahilinde bulunan diger milletler temamen hür ve müstakil bir hayat yaşıyorlardı. Bu milletlerin kendi dillerinden başka, kendi kültürleri, dinleri, kendilerine mahsus idare sistemleri ve her taraftan gele bilecek tehlikeye karşı kendi istiklâllerini müdafaaya kâfi gelecek kuvvetleri vardı.

Bütün bu milletlerin başlıca ayırıcı vasıflarını sathî bir bakışla bile tetkik edecek olursak, karellilerin ve diger ugrofin kabilelerin o zamanlarda, maruf fin dastani „Kalevala" da ifadesini bulan fin—iskandinav ırkının an'anevî hayat tarzından hiç te ayrılmadıklarına şahid oluruz.

Akruslar (belorus), bilhassa XIV ve XV ci asırlarda kendi inkişaflarının altın devrini yaşıyan Lehistan ve Litvany'nın tesiri altında bulundukları için, hiristiyan Roma'nın kültürünü daha geniş bir şekilde almış bir millettir.

Ukraynalılar kendi kültürlerinin büyük bir kısmını Roma, Bizans, Genua ve Venedikten almışlardır. Kiyev XIII-ci asırda kendi kemalini bulmuştu ki, beklenmeden Çingiz Han ordusu ortaya çıkmış bulundu. Bu andan itibaren ukraynalılar bir çok defa Avrupa'nın halâsına fedakârcasına yardım etmişlerdir.

Kadim Yunanistan'la karşılıklı münasebatta bulunduklarını klasik devir edebiyatından Kolhida (Gürcüstan'ın cenub kısmı) tasvirlerinden, Promete menkabelerinden ve Altun Run masallarından öğrendiğimiz Gürcüler—Roma ile sıkı surette bağlanmış, Mukaddes eraziyi halâs için ehli salib seferlerine bile iştirak etmişlerdir. Sonraları, Kafkasya'nın bir çok yerlerinde parlak koloniler tesis etmiş cenevizli'lerle münasebet tesisine muvaffak olmuşlardır.

İlk evel Emperatorluk Roma'sının sadik tab'aleri olmuş ermeniler, bilahere Şarkta hıristiyanlığın en bariz bir noktası olmuşlardır.

Marko Polo ve digerlerinin, zenginliginden bahsettikleri Kafkasya ve Türküstan Türk-Tatar kabileleri, müslümanlğın ve İran'ın oldukca büyük bir tesiri altında bulunmuşlardı.

Aceba Moskva kınyazlığı ne gibi bir evsafı haizdi? Müverrih Barbagallo bize diyorki, Moskva, bir şehir olmak itibarile XIII asrın ikinci yarısından evvel kat'iyen belli degildi. O, Moskva kınyazlığının ehemmiyetsiz bir kasabası idi. Bu kınyazlığın vahşi idarecileri, mütebaki ruslar karşısında Hanı kendi vassalları vasıtasile temsil ediyorlardı, onlara büyük kınyaz lakabini veriyor, geniş salahiyet ve hakimiyet haklarını tanıyorlardı. Onlar da diger tâbi milletlerden gasb edilmiş servet içerisinde yüzüyorlardi. Bu suretle (hanın hizmetçisi vazifesinde) bir asırdan daha az bir müddette, karanlık, küçük vassallık devleti en büyük islav kınyazlıklarından biri haline geliyor. Bu da tatar siyasî sisteminin ancak menfi cihetlerini benimsiyerek bilahere, emperatorluğu işğala kadar varıyor"...

Bir az daha aşağıda muharrir şunları ilave ediyor:

„IV-cü Müthiş İvan'dan sonra işgal edilen yerler, etnoğrafik rus erazisine aid olmuyub, diger milletlerin malı idi. Bu milletlerden bazıları da zaman geçtikce şu ve ya bu derecede zorla ruslaştırılmıştı".

Mekale sahibi, bolşevizmin bu yakınlarda sona erecegini ve S.S.S.R. in çökecegini haber vermektedir. „Çarlık hakimiyeti zamanında sayısız kanlı isyanlar yapmak suretile bir çok defalar kurtuluş hamlesi göstermiş bulunan" bir çok milletlerin yakın geçmişteki kurtuluş mücadelesinde muvvaffak olmayışının sebebini—müellife göre—„Avrupa mason sosyal-demokratlarının büyük ve kuvvetli bir Rusya'nın muhafazası için bir sürü sebebi haiz oluşunda" aramalıdır.

Bolşevik mahkûmu milletlerin kurtuluş mücadelesini mekale sahibi dört devire ayırıyor. Birinci devir—müstakil millî cumhuriyetlerin müdafaası maksadile yapılan açık müsallah mücadele devridir. Bu devir bolşevizmin zaferile kapanmıştır.

İkinci devir—yalnız mukavemet değil, ayni zamanda kütle içerisinde millî şuurun da kuvvet bulduğu devirdir. Bu devirde bolşevizm fedakârlığa gitmek mecburiyetini hisediyor. Dil, kültür v.s. sahasında milletlerin muhtelif hakları tanılıyor. Milletler kendi millî pozisyonlarını takviye için bu devirden her vesile ile azemî istifade ediyorlar.

Üçünçü devir—yeni isyanlar devridir. Bu devir, yıl itibarile rus olmıyan eyaletlerin köylüleri tarafından şiddetli mukavemete maruz kalan icbarî kollektivize yıllarına tesadüf etmektedir. Bu devirde rus komünistleri bile, komünizm yüksek mekamının derin ve feci bir hata işledigini düşünerek kendilerinde çarizm devrine has bir emperyalizm ruhu hissediyorlar. Ruslarla rus olmıyanlar arasındaki ihtilaf daha fazla derinleşiyor.

Şimdiki halde dördüncü devir başlamıştır. Mücadele artık müteşekkil bir evsafı haiz olub muayyen ve iyice tertib edilmiş bir plan üzre yürütülmektedir. Bu mücadele yüksek bir fedâkârlıkla yapılıyor ve mahkûmların geniş halk kütlelerini ihate ediyor. Kendi hatalarını anlamış gayri rus komünistler bile bu mücadeleye iştirak ediyorlar. Mekale sahibi bu fikrini, mücadelenin şiddet ve kuvvetini tasvir eden bir sürü vak'alerle teyide çalışmaktadır.

Muharrir yazısının sonunda diyorki:

„Geniş bir şekilde yayılmış bu reyel hareket (rus aleyhdarlığı) sayesinde, neden bugün Moskva'daki rejimin günleri sayılı olduğunu ve mukadderatının belli bulunduğunu kolayca izah edebiliriz.

Bolşevizm, hesabında yanılmıştır, lâkin istiklâlci milletlerin kahramanca hareketleri de müthiş rejimin sona ermesi işini tesri ve tacil etmiştir.

Sovyet idaresi tahrib olununca dünyayi inkiraz tehdidi altında bulunduran tahribkâr ve bozucu tesirlerin de sonu gelecektir. Çünkü, komünist liderleri bolşevizmin bir faraziye olduğunu vaktile anlamış olmalarına ragmen, emperyalist enternasyonalizmi nede olsa bu ideoloji ile taarrüze geçmektedir. Bu ideoloji daha fazla kuvvet bulmak imkânındadır. Dahilde, ruslar arasında vaziyet böyledir. Çünkü, rejimin onları feci bir vaziyete sokmasına rağmen onlar hala da, haddi zatında çarlık zamanında bile canlı siyasî bir doktrin olan enternasyonalizme karşı kuvvetli bir incizab duyuyorlardır. S S S.R. deki 200 millet bu hususta muayyen bir tecrübeye sahibdir. Hariçte de muvaffakiyet kazanmak mümkündür, çünkü kendi hafifliği ve zayifliği yüzünden Moskva'nın bol keseden gelecek yardımına ihtiyac duyacak bir milleti her zaman bulmak kabildir. Bunu biz, çarlar için aziz olan panislavizm nazariyesine her zaman zafiyet duymuş, şimdi ise bolşevik enternasyonalizmine hususî bir bağlılık gösteren Fransa ve Çek misalında görmüş olduk.

Bütün bunlara Komintern tarafından ustaca istifade edilen karışık sosyal vaziyeti ve dünya harbini provake etmek emelile Moskva'nın bütün kuvvetini sarf ettiği siyasî vaziyeti de ilave edersek tablo tamamlanmış olur.

Fakat, istiklâlci hareketin zaferi dünyayi değil yalnız Moskva kâbusundan halâs edecek, ayni zamanda sağlam çağdaş kültürün mümesilleri bulunan milletlere vatandaşlik idaresi misyonu için de yol açmış olacaktır. Bu misyonu taşıyan milletler asırlar boyunca kendi Vatanlarından vazgeçmiyen, onu kazanan milletlerin ihtıyacını her kesten daha iyi anlıya bilir ve bu ihtiyacları tatmin ede bilirler.

* * *

İkinci mekale, Lauro Maynardi (Lauro Mainardi) tarafından yazılmıştır. Mekalenin başlığı „İngiltere ve Kafkasya petrolu" — „L'İnghilterra e i petroli de- Caucaso" dır. Mekale sahibi yalnız kafkasya petrol menbalerini ele geçirmek emelile ilikli olarak İngiltere siyasetini değil, ilave olarak dahilî kafkasya münasebetlerini dahi tetkik ediyor ve bunu yaparken kendi noktayi nazarının italyan faşizmi arzularına bir dereceye kadar tevafük ettigini dahi beyan etmekten çekinmiyor.

O da Sovyet İttihadının yakın bir zamanda çökecegine kanidir. Maynardi diyorki:

„Moskva'ya tâbi bulunan gayri rus milletler tarafından yapılan istiklâlçılık hamle ve gayretlerinin—öyle bir hamle ve gayret ki S.S S.R. temamen ve hakikaten çöktükten sonra Şarkî Avrupa ve rus Asya'sı coğrafî harıtasında, 1917 rus ihtilâlından, çar emperatorluğunun çöküşünden sonraki şeklin aynini vere-

cektir — büyük ehemmiyeti hatta Sovyet ittihadının dahilî vaziyetini sathî bir nazarla tetkik edenlerce bile âşikârdır. Sovyetlerin çöküşünden sonra, Ukrayna, Kazaklık, Kafkasya milletleri ve Türküstan millî devletlerinin, kuruluşuna, diger tabirle umumî sayca 80 milyona yakın bir ehaliyi ihtiva eden ve 5.5 milyon murabba kilometroluk bir saha işğal eden bir devletî teşekkül manzarasına şahid olacağızdır. Bugün Rusya'nın elinde bulunan kömür, çelik, platin, cive, demir, marganez, petrol, bakır, altın, bugday, pamuk v.s, gibi servetlerin bu ülkelerin kendi malı olduğunu göz önünde bulundurursak, mahkûm milletlerin ayrılmaları neticesinde Moskva Rusya'sının bir ölüm darbesi yiyecegini ve neticede Avrupa piyasası bilhassa akdeniz bazarları için geniş imkânlar elde edileceğini kolayca tahmin edebiliriz.

Fakat, bu imkânların hipotek humulesi altında bulunmaması ve her hangi bir „kapitalist" kuvveti tarafından işgal edilmemesi lazımdır. Aksi takdirde Avrupa iktisadiyatı büyük bir ziyana girmiş olur".

Mekale sahibi, burada yazısının, İtalya'da tahakkuk ettirilmesi elzem olan planlara „bir takım ilaveler" yapmak ve „hareket halinde olan bâzi manevraları" izah etmek ve bundan gelerek „yukarıda mevzuu bahs" işgale „imkân vermemek emelile ne gibi kuvvetleri tutmak icab edecegini" tayin etmek gayesile kaleme alındığını söylemektedir.

Muharriri en fazla, petrol menbalerini işgal tehlikesi endişeye düşürmektedir. Mekale sahibi diyorki: „S.S.S.R. in en degerli bir mahsulu olan petrol," „kara altın" dan hiç bir zaman doymak bilmeyenlerin iştihasını gıcıklamaktadır". Ve daha sonra:

„Sovyet petrolunun — Ukrayna ve Kazakiya'da da (kazaklar ülkesi) varsa da — en kuvvetli menbaleri Kafkasya'dadır".

Bundan sonra, mekalenin kafkasya petroluna tahsis edilmiş faslı geliyor. Mekale sahibi bu hususta oldukca vukuf sahibi olduğunu göstermektedir. Bu fasılda muharrir yalnız petrol sanayiinin bugünkü vaziyetini hülasa etmek ve petrol servetinin coğrafyasını vermekle kalmamış, bu sanayiin inkişaf tarihini dahi hülasa etmiştir.

Maynardiye göre:

„Sovyetler İttihadında elde edilen petrolun yüzde 98 nisbeti Kafkasya mıntakasında istihsal edilmektedir. En kuvvetli petrol menbaleri „yağlı su" yüzünden daima yanğın halinde olmasına göre, kadim zamanda „ateş ülkesi" adını alan Azerbaycan'da, daha doğrusu Bakû mıntakasındadır. Bundan sonra ikinci yeri Şimalî Kafkasya'da (dağlılar ülkesi) Suyunc — Kala ve Maykop mıntakaları işgal etmektedir".

Burada mekale sahibi „Azerbaycan'ın petrol mahsuluna daha fazla sahib oluşu Şimalî Kafkasya petrol servetinin ehemmiyetini hiç te azaltmamalıdır, çünkü burada Sovyet hükûmeti teknik müşkülat yüzünden (kuvvetli petrol nakliyat borusu v.s nin yokluğu) Şimalî Kafkasya'dan petrol ihracı zor olduğundan mahsulun inkişafını kasten durdurmaktadır" diyor.

Bu fasılda bizim dikkatımızı çeken bir cihet de, mekale sahibinin rus coğrafî tabirlerini değil de. Suyunc-Kala, Garbî Adige v s. gibi şimalî kafkasya tabirlerini kullanması, ayni zamanda vaktile mecmuamızda derc edilen bazi havadisten de istifade etmiş olmasıdır.

Bundan sonraki fasılda, Kafkasya harbı sıralarında İngilterenin çerkesdostluğu siyasetinden ve bu yolda yapılan işlerden bahsedilmektedir. Mekale sahibi, David Urkhart ve diger Şimalî Kafkasya dostlarının faaliyetinden bahsettiği gibi ingiltere hükûmetinin hotkâmca siyaseti yüzünden bu faaliyetin hiç bir netice vermediğini de kaydetmektedir.

Bu fasılda şunları okuyoruz:

„Tabiî, Kafkasya'nın granitten dağları içerisinde haps edilmiş muazzam petrol serveti, Deterdink ve birleşik krallığın şu ve ya bu derecede kapalı muhtelif „Offices" leri tarafından bütün teferrüatile tetkik edilmişti. Milletlerin varlığı için bugün en elzem bir şey olan petrolu kendi inhisarında bulundurmak için İngilterenin yapmış olduğu ve bugün yapmakta olduğu amansız mücadele göz önüne getirilirse, İngiltere'nin Kafkasya'da cereyan eden hadiseleri ne gibi bir alâka ile takib etmiş olduğunu ve bu işi daha fazla bir dikkatle bugün bile takib ettigini tasavvur etmek pek te zor olmaz.

XIX-ci asırda İngiltere'nin Kafkasya ile alakadarlığı sırf kontinental sebeblerden ileri gelerek, Asya'da nüfuz ve tesir zemini üzerinde vücude gelen rus — ingiliz antogonizmine bağlı bulunuyordu Geçen asırda müsaid bir devirde kendi istiklâlinin muhafazası için Rusya'ya karşı mücadele eden Kafkasya, ingiltere hükûmeti için icabında diversiyon yapa bilecek münasib bir piyade idi. Bununla beraber, ingiltere efkâri umumiyesinde, ingiltere siyasetinin geçici zaruretlerini bir tarafa bırakarak Kafkasya mes'elesini büyük bir sempati ile karşılıyan geniş bir cereyan da yok değildi. Efkâri umûmiyenin bu cereyani, Adıge'ye seyhati zamanında ingiltere kıralı için yerli başcıların iyi temennilerini kazanmış ve „Portfolio" nam mecmuasile „çerkeslerin istiklâli" ni müdafaa etmiş Mister David Urkhart tarafından idare olunuyordu. (Burada mekale sahibi, muharrirlerimizden Canbek Havjoko nun mecmuamızın 5—6 nomralı nushasında, bilahere 1936-ın Martında „Promete" mecmuasında dercedilmiş" XIX-ci asırda İngiltere ve Şimalî Kafkasya „başlıklı" ve şayani dikkat bir tetkik" — „interesi sante studio" diye adlandırdığı mekalesini mahez olarak göstermektedir.).

1840-de „Foreign Office", Kafkasya mes'elesin-Rusya mahkûmu milletler ve Lehistan istiklâlı mes'elesile sıkı surette bağlı bir mes'ele gibi telâkki ediyordu. Fakat, etnografik hudutlara göre bölünmüş bir Rusyadan ziyade „bölünmez Rusya" nın şahsında en iyi bir müşteri gören Mançestr sanayi sahiblerinin tazyiki, ingiltere hükûmetinin Kafkasya mes'elesindeki alâkadarlığını gevşetmiş oldu, neticede lord Palmerston'un arşivinin en fazla toz konmuş dolabları lüzumsuz, faydasız müracaatler ve şimalîkafkasya halkı ve onun dostları tarafından yazılan muhtelif davetlerle doldu.

Bununla beraber, ingiliz — rus antogonizmi yolunda hüsule gelen degişiklik neticesinde, ingilizler Kafkasya ehalisi ile münasebetlerini devam ettirmişlerdir. Bu cümleden olarak, rus emperatorluğunu 30 sene tehlike altında bulunduran kahraman Şamil, meşhur İmam'ın nezdine miralay Uılyams bilahere 1855 de Urkhart'ın dostu mister Longuort'un şahsında da ikinci bir adam gönderilmiştir.

Küçük fakat cesur Piyemont'un da iştirak ettiği

Kırım harbı esnasında ingilizler, dolayisile bütün müttefikler kafkasya patriyotlarından büyük bir yardım görmüşlerdi. Lord Malsberi'nin Lordlar kamarasındaki çıkışından ögreniyoruzki, müttefikler „çerkeslerden çok büyük yardım görmüşlerdir". Fakat, İngiltere hükûmeti, lord Malsberi, Urkhart ve başka kafkasya dostlarının davetini kala almıyarak, ingilizlerin vaidlerine ümid bağlamış safdil çerkesleri kendi başına bıraktı. Ve cesur adıgeler, 1864-de hakıkaten de dastanî bir harbten sonra moskof silahi karşısında mağlub oldular. İngiltere de, mahkûmların yeğane dostu olan Urkhartın „Free Press" i matem kapağı ile intişar etti!..."

Bundan sonraki üçüncü fasılda mekale sahibi Bâkû—Batum petrol borusu ve Batum limanının ehemmiyetini tetkik etmektedir. Harbi umûmiyi müteakib Batum'un ingilizler tarafından işgalı hep bu ehemmiyetden ileri gelmiş bulunuyordu. Bu devirdeki ingiliz siyaseti bakû petrolunu ele geçirmek ve Batumu kendi elinde bulundurmak suretile, petrolu Kara deniz sahiline engelsiz nakletmek işini emniyet altına almak gayesini güdüyordu. Bu plan, ilk evvel Denikin'iin bilahere Denikin dövüldükten sonra da bolşeviklerin—ki Kafkasya'yi işgal işinde İngiltereden kolaylık görmüşlerdi—yardımile tahakkuk ettiriliyordu.

Maynardi diyorki:

„Bugün, hadiselerden anlaşıldığı vechile sovyet rejiminin bünyece çürük olduğu meydana çıktığı ve Kafkasya'da cezrî bir tebeddülün vuku bulacağını tahmin etmek zor olmadığı bir zamanda, İngiltere, yeniden kafkasya milletlerinin mükadderatile alakadar olmaktadır. Büyük Britanya yeniden Bakû petrolunu ele geçirmege hazırlanmaktadır.

İngiltere, bu gayesine ulaşmak için dört yoldan yürümekte ve hiç olmazsa bu yollardan biri vasıtasile maksada ulaşacağını ümid etmektedir. Yollar ise şunlardır:

1 — Moskva şark ve garb hudutlarında harb çıktığı zaman, kendi işgal kuvvetlerini bu harb cephelerine sevk etmek zaruretile Kafkasyayi terk etmek mecburıyetinde kaldığı sırada, Kafkasya'yi sulh yolile işgal etmek için sovyet hükûmetile anlaşmak.

2 — Yukarıda kaydedilen sebebler zaruretile Rusya Kafkasya'yi terk etmek mecburiyetinde kaldığı zaman, Kafkasya'nın sovyet kısmında nüfuz mıntakalarını bölüştürmek hususunda Türkiye ile anlaşmak.

3 — Azerbaycan'ın İrana iltihakına muvafakat ederek kendisini Azerbaycan'ın kültürel ve idarî muhtariyetinin bir kefili sıfatile ileri sürmek (mükâfatın bu şeklini kolayca tasavvur edebiliriz)

4 — Müstakbel Kafkasya Konfederasyonu'nun siyasî ve iktisadî hayatını kontrol etmekle muvazzaf olacak Ermeni — Gürcü Birligine (Unione Armeno—Georgiana) muvafakat etmek. Bu takdirde, İngiltere anglikan kilisasile sempati ile bağlanmış bulunan ortodoks ermeni kilisasının yardımile ermeni—gürcü devlet adamları üzerinde müessir bir rol oynıya bilir".

Maynardi, İngilterenın Kafkasya'daki niyetleri hakkında ne de olsa sensasyon mahiyetini haiz bu malumatları verdikten sonra, ingiliz planlarının tenkidine geçiyor. Mekalenin bu kısmı „İngiliz hesabı ve hakikî vaziyet" başlığını taşımaktadır. Bu kısmi aynen naklediyoruz.

„Mamafi, Kafkasya'daki vaziyete dikkatle bakılırsa, yukarıda bahsi geçen dört yolun hiç te dogru olmadığı görülür. „İntelligence Office" yahud bir başkası, bugün için ehemmiyetsiz gözüken, lakin ilerideki hadiselerin inkişafı için mühim olan unsurları hesaba katmamıştır: Şimdilik hatasız olarak şunu söyliyebilirizki, Sovyet ordusunun Kafkasya'dan geri çekilecegine ve bunu müteakib İngiltere yahud İngiltere ile Türkiyenin bir arada polis ameliyatı yapacağına imkân tasavvur edemiyoruz. Çünkü, Sovyet hükûmeti, hakikaten şarktan Japonya, garbten de avrupa kuvvetlerinin taarrüzüne maruz kalınca Sovyetler ittihadı değil yalnız istiklâlci hareketlerin tesiri altında, ayni zamanda „trotskizm", „çarizm" „sosyal-demokrat" gibi muhtelif rus muhalefet cereyanları yüzünden de derhal altı üstüne gelmiş bir vaziyet almış olacaktır. Bu vaziyette Moskofluların Maverayi Kafkasya'yi sakince terk etmek için vakıt bulub bulmıyacakları mes'elesinden sarfı nazar, kafkasya halklarının ötedenleri emelini beslediği yeni devletî teşekküllerin derhal kendini göstermesi, diger devletler tarafından kafkasyayi su'hen işgal mes'elesini günün mes'elesi halinden çıkarmış olacaktır.

İngilterenin göze aldığı üçüncü imkân—Azerbaycan'n İran'a iltihakı mes'elesi — ancak, Kafkasya devletleri istiklâllerini geri aldıktan sonra kendi aralarında bir harbe girişecekleri taktirde reyel ola bilir. Bu utandırıcı takdirde, kültürü ve kendi zihniyeti itibarile Türkiye ve bilhassa İran gibi cenubtaki müslüman ülkelerle, federatif ittihad işine sempati besliyen Azerbaycan'ın, kendi mukadderatını müslüman İran yahud Ankara'nın mukadderatile bağlamak maksadile kafkasya siyasî birliginden ayrılacağına ihtimal verilebilir. Çok ihtimal bu kabil bir ittihad, azerbaycan'ın hars ve kültür itibarile daha sıkı bağlı bulunduğu İranla daha hevesle yapılabilir. Hiç şüphesiz, bu şekilde bir hall sureti iran emellerinin tahakkuku olmuş olurdu; çünkü, „iranlılar için Bakû vilâyeti tam manasile bir Alzas-Lotaringiya'dır". (Muharrir tırnak içerisine alınmış bu parçayı Emil Lesüye'nin „Les Anglais en Perse" kitabından iktibas etmiştir). Eger, kafkasya milletleri Şimal ve Cenubtan gelecek muhtemel tehlikeye karşı tam bir emniyet sahibi olurlarsa eger, sırf dahilî mahiyeti haiz bâzi mes'eleleri müşterek menfaat namına feda etseler, eger hiristiyan ve müslüman kavmî gruplarının menfaati arasında hakikî bir müvazene vücude getirmiş olurlarsa—Azerbaycan, millî haysiyetini oldukca tahkir edebilecek gayri Kafkasyalı milletlerle muhtelif şekilde federatif yaşamaya hiç te ihtiyac görmeden, samimî, müşterek kafkasya işbirligine dayanan geniş hürriyet ve refahtan istifade edebilir.

Britanya yayının dördüncü oku, Ermeni-Gürcü Birligine tesir, büyük bir engel mevcud olmasaydı hakikaten de ingiliz planlarının tahakkuku için iyi bir vasıta olurdu. Bizi cidden temin ediyorlarki, böyle bir Birlik teşekkül etmiş mevcuttur, yalnız ögrendigimize göre bu Birlik, ortodoks ermeni kilisasının tesirinden temamen uzaktır. Bu ciheti, ileride vesaike dayanarak teyide çalışacağızdır".

Muharrir, İngiltereye hamlettigi planların reyel olduğuna şüphe ettigini kaydetmekle beraber, beşinci fasılda kendisi kafkasya istiklâli için daha fazla şüpheli olan bir emniyet teklifini ileri sürmektedir. O, ingiliz programının dördüncü maddesine dogrudan

dogruya muvafakat ediyor, yalnız yazılış şeklini degişiyor.

Bununla beraber, o, maruf „Ermeni-Gürcü Birligi" ni açıkca himaye etmekte ve bu Birligin ileri sürdügü „hiristiyanlık" zihniyetini daha fazla kabartmaktadır. Ehemmiyetinden dolayi bu faslı dahi aynen naklediyoruz. Faslın başlığı da şayanı dıkkattır: „Ermeni-Gürcü Birligi, hakikî Kafkasya istiklâlinin zimanıdır".—„L'Union Armeno-Georgiana garanzia dela effettiva independenza caucasica".

Muharrir bu fasılda diyorki:

„Şunu kaydetmek lazımdırkı, Kafkasya'nın servetini işgale mahel vermemek için, kafkasya devletlerinin hakikaten de müstakil olmaları yahud diger tabirle, rus, türk ve ingiliz—iran tesir ve nüfuzundan azad olmaları elzemdir. Şu cihetleri kaydetmek zarureti vardır:

1 — Maverayi Kafkasya'nın tam manasile bir şimal istihkâmi olan Ukrayna ve kazak Ülkesinin istiklâli temin edilirse, kafkasya istiklâli Rusya'ya karşı emniyetini temin etmiş olacaktır.

2 — Ancak Tiflis-Erivan (Gürcüstan-Ermenistan) mihrevi vücude getirmek suretiledirki, müslüman devletlerinin, binaenaleyh İngiltere'nin (bilvasıta) de Kafkasya üzerine yapacağı tesir ve nüfuza meydan verilmiş olmaz. Kafkasya hıristiyan halklarının tekmil kuvvet ve enerjisini eli altında bulunduracak bu mihver, Türkiye ve İrana kafkasya cumhuriyetlerinin işine müdahele etmek imkânını bahşetmiyecek bir şekilde mükemmel bir tevazün hüsule getirmek suretile kafkasya müslüman dünyasının tefevvükünün önüne geçebilir.

3 — Ermeni-Gürcü Birliği, ingiliz nüfuz ve tesiri altına girmemesi için, mütekâmil siyasî—iktisadî esaslara dayanmalı ve bir taraftan sağ mehafilin yardımile ortodoks ermeni ve anglikan kilisalarından istifade eden İngiltere nüfuzuna meydan vermemek, diger taraftan da Birlige, hiç süphesiz ve haklı olarak Azerbaycan ve Şimalî Kafkasya müslümanlarının şüphesini celbedecek oldukca dinî mahiyet vermemek maksadile kilisalerin nüfuz ve tesirinden uzak olmalıdır.

Buraya kadar tahammül gösteren okuyucuyu temin edebilirizki yukarıda işaret elilen üç esasın tahakkuku mümkündür ve bunlar bugün tahakkuk safhasına girmek üzredir.

Hür devlet hayatına girmesi için artık temamen rüştünü bulmuş büyük Ukrayna Milletinin istiklâli ve çekilmez istirablar ve hareketler içerisinde millî şuurunu muhafaaza etmiş ve bugün bir devlet hayatı yaşamağa hazır bulunan cesur kazakların istiklâli olmadan, Kafkasya müstakil olamaz. Artık söz götürmez bir hakikatdir ki, beynelmilel hayatta hüsüle gelecek ilk karışıklık neticesinde S.S.S.R., şimdi təb'ası olan hür milletlere yerini bırakmak için iskambilden yapılmış bir ev gibi dağılacaktır. Kafkasya, rus tecavüzünün millî şuura malik düşmanları (Ukrayna ve Kazakiya) bulunduğuna inana bilir.

Ermeni ihtilalci fırkası „Daşnaktsutun" un—ki ideolojik esasları faşizme yakındır—teşebbüsile, Kafkasya'yi şimdiye kadar parçalıyan bütün ihtilâfları karşılıklı anlaşma ve işbirligi yolu ile ortadan kaldırmak gayesini güden bir „Ermeni-Gürcü Birligı" vücude getirilmiştir. Bugünkü şerait içerisinde bu hat, ancak ermeni ve gürcü muhaceret merkezlerinde bir eser gösterebilir. Fakat „Daşnaktsutun" un ehemmiyet ve nüfuzu nazara alınırsa, bu hattın yakın gelecekte icab eden ülkelerde ve bütün Mav. Kafkasya'da müvazene ve birlik vücuda getirmeye yarıyacak faaliyetini ilerletecegi kolayca tahmin edile bilir.

Bu Ermeni-Gürcü Birliği, akla şu ihtimalı ğetirdi: Aceba, Birlik, „İntellgence Office" in ermeni ortodoks kilisasi üzerine yapacağı tesir neticesinde" ingiliz oyununu müdafaa edemezmi? Böyle bir tahmine ihtimal verilemez, çünkü „Daşnaktsutun" fırkasile ermeni kilisası arasındaki münasebati iyi bilenlerce bellidirki, bu münasebat son derecede gergin bir şekil almıştır. Buna göredirki, yukarıda bahsi geçen siyasî esaslara dayanan Ermeni-Gürcü Birliği, muhtemel britanya tesir ve nüfuzuna karşı en iyi bir emniyet zimanıdır".

Son fasılda, muharrir bu fikrini isbata çalışıyor. O, daşnak matbuatından parçalar almak suretile fırka ile Eçmiyadzin arasındaki gerginliği kabartmağa çalıştığı gibi, katolikosun ermeni halk kütlesi üzerine tesirinin ehemmiyetsizliğini ve katolikosun bolşeviklerle münasebette bulunduğunu daha ileri sürüyor.

Bütün bunları söyledikten sonra muharrir kaydediyor ki:

„Aldığımız parçalar, ermeni kilisasi ile zarurî olan Ermeni-Gürcü Birliğini vücude getirmek teşebbüsünü üzerine alan ve bunu kafkasya işine her türlü yabancı müdaheleyi imkânsız bırakacak Karadeniz Hıristiyan Milletleri Birliği (Ermenistan, Gürcüstan, Ukrayna, Kazakiya) ile (bu „Birlik" te malum olduğu üzre muhacir kahvehanelerinin „siyasîleri" tarafından teşkil ediliyor) ile tekmil eden ermeni fırkası arasındaki gerginligin ne derecede kuvvetli olduğunu isbat bakımından sensasyoneldir.

Mekale şu cümlelerle nihayet bulmaktadır:

„Kafkasya problemini ve petrol mes'elesini temamen doğru olarak izah ve tenvir ettikten sonra, söylediklerimizi mantıkî, bila-vasıta—ilave edelim, şahsî, oldukca şahsî bir neticeye bağlamak işi kalıyor.

Faşist ve binaenaleyh, Roma Ruhunun Işıklandırdığı Beynelmilel Adaletin muhafizleri sıfatile biz, Kafkasya Milletleri tarafından hürriyet için yapılan kahramanca mücadeleyi bir sempati hissile seyr ediyoruz. Temenni ediyoruz ki onların müstakbel istiklâli ihateli, tam olsun ve haricin hotkâm tesirlerinin lekesini taşımasın. Faşizmin bütün tarihî ve fikrî mahiyetini canlandıran Adalet fikri, arzu ediyorki, Kafkasya'nın tabiî servetleri bu meyanda bilhassa petrol, hakikaten de hotkâm menfaatların inhisarı altına değil, insanî bir konsortisium'un idaresi altına verilsin. Bunu arzu etmek, istemek demek—petrol ve Mav. Kafkasya'nın diger servetinin gayrî insanî inhisar altına alınmasına engel olarak Kafkasya istiklâlinin çabuk elde edilmesini ve emniyet altında bulunmasını temin edecek olan tekmil manevî ve siyasî kuvvetlere karşı sempati beslemek demektır."

İşte, muharrir mekalesini bu temenni ile bitiriyor. Mekalede ileri sürülen fikirler üzerinde tafsilatile durmayi gelecek nushaya bırakıyoruz. Şimdilik, şu kadar söyliyelimki, matbuata da şamil bulunan faşizm totalitarizm esasları, mekaleye, muharrririn „şahsî" diye kaydettiginden daha fazla bir ehemmiyet kazandırmaktadır.

Б. Билатти

СОВЕТСКИЕ ВЫБОРЫ

Сталин решил превратить Советский союз в „самое демократическое государство в мире". И вот, вслед за „самой демократической" конституцией, преподнесенной „советскому народу" в прошлом году, появляется в текущем году (9-го июля) не менее „демократическая" избирательная система и назначаются на 12 декабря „самые демократические" выборы в высшие органы государственной власти и управления.

Выборы, под знаменем коих проходит сейчас вся жизнь в СССР, являются ничем иным, как очередным блефом, при помощи которого Кремль собирается произвести двойной обман. С одной стороны, пользуясь демократической фразеологией, советские заправилы пытаются обмануть многонациональное бесправное население СССР, лишенное до сих пор возможности всякой самодеятельности. С другой стороны, афишируя количеством голосов вынужденных избирателей, идущих к урнам в порядке принудительной „политической нагрузки", Москва хочет поразить мировое общественное мнение степенью своей популярности в народных массах и восстановить свой международный престиж, основательно подорванный, в связи с массовыми расстрелами последнего времени, даже среди наиболее оголтелых поклонников „единых фронтов" в Европе.

Но чем по существу являются советские выбоборы, выборы à la Staline?

Избирательный закон, появившийся в форме „положений о выборах в верховный совет СССР", ничего нового, непредвиденного не содержит. Как и следовало ожидать, он является логическим дополнением „сталинской конституции" и во многих случаях ограничивается повторением положений, установленных последней относительно избирательного права. Правы поэтому советские интерпретаторы избирательного закона, когда говорят, что он находится в полном согласии с конституцией (Вышинский в „Большевике" — №14). Ибо основные принципы советской избирательной системы содержатся в ст. ст. 134—141 конституции, а избирательный закон ограничивается в сущности их интерпретацией и содержит технические детали избирательной процедуры, которые почти не отличаются от обычных и общепринятых шаблонов.

Формально, советская избирательная система основана на принципе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования (ст. 134 кон-ции), и все граждане, достигшие 18-летнего возраста и не лишенные в судебном порядке избирательных прав или же не признанные умственно ненормальными, имеют право избирать и быть избранными (135 ст. кон-ции и 2 ст. „положения о выборах"). Даже многочисленные категории всякого рода „лишенцев", перечисляемые в предыдущих конституциях, перестали фигурировать в новой, „сталинской" конституции. Не фигурируют они и в новом избирательном законе, утвержденном 9 июля с. года.

Такова форма, но это не значит, что ей соответствует и содержание, ибо в действительности советское избирательное право не является ни всеобщим, ни равным, ни прямым и ни тайным.

Если мы учтем советскую судебную практику, при которой подсудимые с небывалой легкостью лишаются политических прав, а также практику партийных органов, также обладающих правом квалификации политической благонадежности граждан, то мы смело можем утверждать, что институт „лишенцев", формально не фигурирующий в конституции, в действительности отнюдь не потерял своего значения. По-прежнему сотни тысяч и миллионы граждан, несмотря на сталиновское крылатое „сын за отца не отвечает", продолжают пребывать в положении бесправных париев, не имея на ход советской жизни никакого влияния. Миллионные массы б. „кулаков", духовенство различных вероисповеданий, бывшие и настоящие узники концентрационных лагерей, жертвы партийных и прочих „чисток", как равно и массовых процессов, особенно частых во время „предвыборной" кампании, — все это является результатом системы, которая понятие „всеобщий" в области политических и гражданских прав превращает в формулу без всякого содержания.

Миф о демократизме советского избирательного права рассеивается и статьями, где говорится о процедуре выставления кандидатов в депутаты, методах комплектования избирательных комиссий (окружных и центральной), порядке ведения собраний или заседаний (намечающих кандидатов), характере предвыборной агитационной кампании и т. д. Они смывают с избирательного закона наружную, показную окраску либерального демократизма и обнажают подлинное лицо сталиновского деспотизма.

Фактическими избирателями, согласно действительному положению вещей, являются члены коммунистических организаций, прошедшие через многочисленные партийные фильтры и осуществляющие свои права согласно воле и директивам центра. Широкие же массы „избирателей" должны по существу исполнять декоративную роль статистов, придавая выборам „народный" характер.

141 ст. конституции гласит: „Право выставления кандидатов обеспечивается за общественными организациями и обществами трудящихся: коммунистическими партийными организациями, профессиональными союзами, кооперативами, организациями молодежи, культурными обществами". 57 ст. избирательного закона вносит в это некоторые дополнения, расширяя право выставления кандидатов на общие собрания рабочих и служащих предприятий, красноармейцев воинских частей, колхозников отдельных колхозов, рабочих и служащих совхозов. Таким образом, демократический базис избирательной системы,как бы, еще

более усиливается. Но это оптический обман. Ибо ни в организациях, о которых говорится в 141 ст. конституции, ни тем более в тех организациях, которые дополнительно перечисляются 57 ст. избирательного закона, рядовой член, пусть даже и партиец, не имеет никакого влияния. Все вопросы решаются здесь партийным руководством, ответственным перед высшими инстанциями партии и, конечно, перед органами НКВД.

Картина советского „демократизма" станет еще более ясной, если мы учтем, что права выставлять кандидатов лишены крестьяне-единоличники, хотя бы и организованные, затем т. н. „церковники", сектанты и т. п. Особо подчеркивается положение религиозных обществ (в СССР, несмотря на преследования, насчитывается их свыше 30000), которые прокурором СССР Вышинским называются „антиобщественными и антикультурными". Лица этой категории исчисляются в СССР миллионами, и, таким образом, многие миллионы граждан даже номинально лишены права „прямого и равного" голосования. Хотя, как мы видели, в сомнительной степени обладают этим правом и те, кто входит в организации, признанные „общественными" и полезными.

В национальных областях и республиках, а следовательно и на Северном Кавказе, положение еще более печально, т. к. здесь все т. н. общественные организации, не исключая и партийных, обладающие правом выставлять кандидатов, имеют русское большинство и никоим образом не представляют местных народов, составляющих преобладающую часть населения и по-прежнему относящихся с нескрываемой враждебностью ко всему русскому.

Но даже в этих условиях сталиновский избирательный закон предвидит еще одну инстанцию контроля кандидатов в депутаты. Такими контрольными пунктами являются окружные или участковые избирательные комиссии. Они делигируются теми же организациями, коим предоставляется право выставлять кандидатов, т. е., фактически, коммунистической партией. Но самое главное это то, что функции их заключаются не только в техническом проведении выборов, но и в праве выбора кандидатов (из числа нескольких кандидатов одного и того же округа) и в праве их регистрации.Иначе говоря, окружные избирательные комиссии обладают правом селекции и контроля депутатов, низводя этим еще более на нет права „избирателей", гарантированные конституцией.

Наконец, остается еще рассмотреть четвертое условие „демократичности" выборов, предусматриваемое конституцией — их „тайность". Уже явность, при которой происходят выборы кандидатов (голосование происходит при помощи поднимания рук), лишает этот принцип всякого значения. Но „Правда", например, идет еще далее. В одном из своих ноябрьских номеров она доказывает, что избирательные карточки должны быть подписаны избирателями и что это совсем не нарушает принцип тайности выборов. А мы знаем, что написанное в „Правде" имеет в СССР большее значение, чем все конституции союзных и автономных республик, во главе с конституцией СССР.

Таким образом, в Советском союзе нет ни всеобщих, ни равных, ни прямых, ни тайных выборов, а имеются выборы по назначению, выборы политически безцветных лиц, готовых всячески выполнять волю диктатора и правящей клики.

Но несморя на это, тысячи квалифицированных агитаторов, „лучших сынов родины, политически активных и закаленных в борьбе с врагами социализма", тысячи т. н. „доверенных лиц предвыборных окружных совещаний", тысячи коммунистов и беспартийных, но „преданных советской власти и делу социализма" — мобилизованы для „кропотливой предвыборной агитационной работы" и получили директивы: „всей силой большевистской правды и всеми методами" добиваться того, чтобы в их избирательных участках абсолютный успех имели правительственные и партийные кандидаты. Эта „гигантская работа" должна быть проведена при „полном содействии" партийных организаций заводов, совхозов, колхозов, машино-тракт. станций, территориальных низовых коммунистических организаций, политотделов железных дорог, водного траспорта и т. д., которые „должны выделить для этой цели специальные активы". Все это будет охранятся бдительным оком „гепистов" из ведомства Ежова. Весь правительственный и партийный аппарат, печать и все „свободы", перечисляемые в конституции, как равно все типографские станки, бумага, общественные и частные здания, улицы и площади, средства передвижения и связи и т. д., и т. д. — всё это предоставлено аппарату пропаганды, всё это должно способствовать успеху выборов и вести борьбу с врагами режима. И это, не забудем, в условиях, где частной инициативе не оставлено никакого места, где свобода контр-пропаганды сведена на нет, исключена совершенно. Разве это не является наилучшим свидетельством мощи оппозиционных настроений и одновременно, слабости режима диктатуры?!

Посредственно факт этот признается и самой сталинской кликой. Так например, в „Правде" читаем: „Только политическая тупица может полагать, что избирательная кампания, как и подготовка к ней, пройдет без яростных попыток врагов советской власти навредить, напакостить нашей родине. Остатки разгромленных и сошедших с политической арены партий меньшевиков, эсеров и троцкистско - бухаринских агентов фашизма, буржуазные националисты, вся эта мразь, ненавидимая народом, стремится сорвать успех подготовки к выборам". А посему — „нужно разоблачать контрреволюционную суть этих вражьих попыток".

Оказывается, ни конституция, ни избирательный закон, ни вся мрачная система чекистского ссыска не являются достаточной гарантией победы режима в предстоящих выборах. Нужна еще предвыборная истерия, нужно постоянное запугивание воображаемых и действительных врагов, нужны чекистские методы принуждения и страха.

Сталин, несомненно, достигнет необходимого

Али Султан

Бессмертная поэма и ее автор

В текущем году исполняется 750 лет со дня рождения Шота Руставели, автора „Вепхвис Ткаосани" („Носящий барсовую шкуру"), бессмертной поэмы о верной любви и непоколебимой дружбе. Событие это является торжеством не только для братской Грузии, давшей человечеству Шота, но и для всего Кавказа, народы коего черпали основы своих культур из общего с грузинским народом источника.

Кем же является гениальный классик грузинской литературы? Прошлое не сохранило ни одного бесспорного исторического документа о биографии Шота Руставели. Единственным источником, не возбуждающим больших сомнений, является сама поэма, хотя и в этом случае первоначальный текст не дошел до наших времен.

Источник этот не отличается обилием сведений. В двух строфах вступления и в двух эпилога поэмы сказано, что пишущий ее называется Руставели.

Затем первая строфа эпилога в словах — «пишу это я, некий месх» (у Бальмонта: «Месх безвестный, Руставели, написал я этот сказ») — поясняет, что поэт родом из Месхетии, культурнейшей провинции древней Грузии.

Третье, на что указывается в поэме, это время деятельности автора — эпоха царицы Тамары, конец XII и начало XIII столетий. Это отмечается в ряде строф вступления, в которых поэт восхваляет Тамару, как ее современник.

Но, несмотря на такую скудность относительно достоверных биографических сведений о Шота Руставели, существует официальные жизнеописания поэта, в основу которых легли народные сказания.

Согласно одного из таких жизнеописаний, Шота родился в селении Рустави, что в Месхетии, которое в те отдаленные времена было известным и значительным городом. Отец его, Чахруха (Шах-Рух), был правителем Месхетии. Предание гласит, что и суровому феодалу не были чужды поэтические увлечения. И он отличался одаренностью, писал стихи и был известен современникам, как «сладкопесневый певец и ядовитый стихотворец». В момент рождения Шота, Чахруха находился на свадьбе в селении Патарашени, куда был приглашен Иэсэ-Батони, соседним феодалом. Радостная весть о рождении сына застала его здесь. Однако, видеть Шота ему не удалось. Говорят, что он был отравлен на свадебном пиршестве завистливыми соперниками. Таким образом, с первого же дня появления на свет будущий поэт остался сиротой.

Воспитывал поэта по-началу его дядя, живший в Тбетском монастыре. Затем поэт в течении трех лет жил у своего родственника со стороны матери — атабега в Зарзма.

Блестящие способности, обнаруженные Шота, заставили родственников отправить его в Икалтойскую академию в Кахетии, где он обучался четыре года. В академии поэтическое дарование Шота достигло полного разцвета. Неотразимая прелесть его стиха восхищала всех окружающих. Слухи о талантливом поэте дошли до царицы Тамары, и он очутился в числе тех 30-ти молодых людей, которые отправлялись ежегодно блестящей правительницей в Грецию для получения философского образования.

В Греции поэт пробыл 6 лет. По возвращении в Грузию, Шота проживал некоторое время в Месхетии, а затем был вызван царицей Тамарой ко двору и назначен на какую то должность: не то государственного казначея, не то секретаря. Вскоре с его старшим братом, Автандилом, случилось несчастие. Автандил любил царицу Тамару и имел намерение на ней жениться. Однако, повелительница Грузии пренебрегла любовью Автандила и вышла замуж за русского царевича Юрия, сына Андрея Боголюбского (брак, как известно, не принесший счастья Тамаре и чреватый для нее и Грузии многими бедствиями). Полный отчаяния и тоски, Автандил бросает родину, бежит в чужие края и погибает во время скитаний. Трагический конец брата послужил, якобы, для Шота поводом для написания „Вепхвис Ткаосани", обессмертившей его имя.

Когда поэма была написана, автор прочел ее своей повелительнице в присутствии придворных. Царица Тамара, восхищенная гениальным произведением, щедро награждает поэта. А затем следует наиболее романтическая часть сказания о жизни Шота. Предание говорит, что Шота, женатый уже на Нино Тмогвели, забывая печальную участь брата, сам влюбляется в прекрасную царицу Грузии. Безнадежная любовь заставляет его выехать в Византию, где он поселяется в одном из монастырей. Предание добавляет, что отсюда он переезжает в Иерусалим и умирает здесь, дожив до глубокой старости.

Такова вкратце одна из официальных версий биографии Шота Руставели, составленная на основе народных преданий.*)

* * *

Как мы отметили, „Вепхвис Ткаосани" не дошла до нас в своем первоначальном виде. На протяже-

*) См. статью Михаила Чиковани — „Шота Руставели и народное творчество" („Правда", 7-X-1937).

ему количественного эфекта. Советский „плебисцит" получит возможность афишировать десятками миллионов голосов — участников в выборах. Но этим ни подневольные народы, ни мировое общественное мнение обмануть не удастся. Ибо выборы под пистолетами ежовских молодцов являются наиболее убедительной иллюстрацией коммунистического деспотизма, и только злая воля может видеть в них предмет подражания и восхищения.

нии многих веков разные интерполяторы дополняли или же урезывали поэму. Отклонениям от первоначального текста способствовало то, что до начала XVIII ст. поэма распространялась в рукописном виде. Но несмотря на это — говорит проф. А. Дудучава, директор Инст. литературы им. Ш. Руставели в Тифлисе, — „в рукописях поэма Руставели представлена более широко и полно, чем во всех печатных изданиях."*)

Царь Вахтанг VI, сам поэт и переводчик знаменитой „Калилы и Димны," подготовил первое печатное издание поэмы, и в 1712 г., через 5 столетий после своего написания, поэма вышла из под типографского станка. Новейшие исследования установили, что царь отнесся довольно легкомысленно к взятой на себя задаче, выкинув из поэмы, наряду с сомнительными, и бесспорно принадлежащие Руставели строфы.

Вахтанговское издание легло в основу всех последующих. Текстологические ошибки этих изданий об'ясняются именно недостатками вахтанговского текста. Недостатки эти, говорит проф. Дудучава, сведены до минимума в новейшем издании поэмы (грузинском) под редакцией К. Чичинадзе.

Интересные сведения, для всех занимающихся текстологией поэмы, приводятся газ. „З. В." от 11-II-1935 г. Газета сообщает, что в 1934 г. в архиве Воронцовых найдена новая, никем до сих пор не изученная рукопись поэмы. Газета, вслед за ректором Тифлисского университета проф. Л. Агниашвили, называет ее „лучшим списком величайшего произведения".

Давность рукописи относится к 60-м годам XVII столетия. Она прекрасно оформлена графически и, как установлено, принадлежала первоначально известному феодалу и военачальнику середины XVII века Заза Цицишвили, которым была заказана у поэта Иосифа Тбилели, автора популярной поэмы „Дид-Моуравиани".

Затем рукопись попала к царевичу Левану, сыну Вахтанга V (Шах-Наваза) и отцу Вахтанга VI, первого издателя „Вепхвис Ткаосани". Последним ее владельцем был известный писатель Александр Орбелиани, сын царевны Теклы, дочери Ираклия II, который поручил историку Платону Иоселиани преподнести ее главнокомандующему русскими войсками на Кавказе М. С. Воронцову. Об этом последнем обстоятельстве свидетельствует собственноручная надпись на рукописи Платона Иоселиани, датированная в 1853 году.

В рукописи недостает нескольких листов, несколько страниц сохранились в клочках. В ней содержатся 190 страниц, заключающих в себе 1900 строф. Если учесть недостающие листы, то, надо предполагать, количество строф в ней превышало 2000. Проф. Агниашвили утверждает, что обнаруженная рукопись является именно той, откуда был вырван портрет Руставели второй половины XV века, известный под названием гагаринского. Установлено также, что некоторые вставки в тексте принадлежат перу Иосифа Тбилели, как равно и поэту Нануча Цицишвили, о чем в рукописи имеются соответствующие указания.

К этому сообщению „З. Востока" следует еще добавить, что при Институте литературы им. Шота Руставели существует специальная комиссия, задача коей состоит в очищении поэмы от всяких произвольных вставок и в установлении такого текста, который наиболее приближался бы к подлиннику. Комиссия собрала и разработала богатейший материал размерами в несколько томов. Но работы комиссии, еще не изданные, уже вызывают сомнения. К числу сомневающихся принадлежит и проф. Дудучава, директор упомянутого института, который в цитируемой нами выше статье говорит, что комиссия в некоторых случаях действует неосмотрительно, отвергая без достаточных оснований отдельные строфы и даже целые главы поэмы (как напр., т. н. индохатайский рассказ), как не принадлежащие Руставели, и этим сама допускает текстологические ошибки.

* * *

Сюжетная канва поэмы говорит нам о ее близком родстве с романтической литературой тогдашнего мусульманского Востока, и, прежде всего, с блестящей литературой Ирана средних веков, виднейшие представители которой, ширванцы Хакани и Низами, родились всего лишь на три десятка лет раньше Руставели.

Стройной цепью художественных образов, героических эпизодов, приключений и интриг развертывается богатый сюжет поэмы Руставели.

В первой главе описывается пышное торжество у Ростэвана, царя Арабии: престарелый Ростэван возводит на престол свою дочь, блистающую умом и красотой Тинатин. Автандил, молодой и отважный полководец Ростэвана, любит Тинатин и пользуется ее взаимностью. Ростэван согласен на брак дочери с любимым полководцем своих войск. Казалось, ничто не способно воспрепятствовать счастью двух любящих молодых существ.

Но однажды, будучи на охоте, Ростэван и Автандил встретили печального витязя в тигровой шкуре, который, при попытке расспросить его, скрылся бесследно на своем быстром вороном коне.

Таинственный незнакомец овладевает мыслями престарелого Ростэвана. Послушный воле своего повелителя, Автандил отправляется на поиски незнакомого рыцаря. Долго скитается он по далеким странам, переживая разнобразные приключения, и, наконец, после трехлетних странствований в дикой пещере он находит печального рыцаря в тигровой шкуре.

Незнакомец оказывается Тариэлом, приемным сыном и начальником всех войск индийского царя Фарсадана. Он любил дочь Фарсадана, прекрасную Нестан Дареджан. Но суровый отец предназначил ее сыну повелителя Хварезма. Тариэл убивает соперника. Гнев свой царь обрушивает на Давар, сестру свою, которой поручено было воспитание Нестан Дареджан. Пылая местью, Давар грозит царевне вечной разлукой с возлюбленным. Выполняя свою угрозу, она организовывает похищение Дареджан и в утлой ладье отправляет ее в неизвестную даль. С этого времени Тариэл, сопровождаемый

*) „Заря Востока", 1-VI-1936.

любящей сестрой Асмат, ведет бесплодные поиски исчезнувшей Дареджан.

Трагедия Тариэла произвела сильное впечатление на Автандила. Заверив Тариэла в своей дружбе, он возвращается к Ростэвану и докладывает царю о виденном и слышанном. Благородный Автандил решил помочь новообретенному другу. Он откладывает свадьбу с любимой Тинатин и отправляется на поиски возлюбленной друга. После многих героических приключений, ему удается узнать местопребывание Нестан Дареджан. Царевна находится в плену у народа „кадж", в Каджетской крепости. Тариэл, Автандили Нураддин-Фридон, царь Мулгазанзара и друг Тариэла, отправляются к каджам с целью освободить царевну. После отважного штурма, крепость была взята и Дареджан освобождена. Торжествующие друзья возвращаются в свои страны.

Поэма завершается свадьбами Тариэла с Нестан Дареджан и Автандила—с Тинатин. Так заканчивается эта эпопея любви и мужественной дружбы, воспетая Руставели.

* * *

Произведение Шота имело огромное влияние на все последующие поколения грузинских поэтов. „Поэты XVI и XVII вв. в первых строфах своих произведений обращаются к нему (к Шота), словно к музе, и испрашивают у него разрешения писать стихи" — говорит в одной из своих статей К. Чичинадзе.*)

Эта популярность об'ясняется выдающимися достоинствами поэмы. Чичинадзе видит в ней: „силу и глубину чувств, переживаемых действующими лицами, увлекательность фабулы, тонкую сюжетную обработку и, наконец, блестящую форму стиха".

Все эти свойства уловимы и для лиц, не знающих грузинский язык, знакомых с поэмой по переводам.

Но есть другие достоинства, оценить которые в полной мере можно лишь читая поэму в оригинале. Это — ее афористичность и метафоричность.

„Некоторые главы поэмы—пишет Чичинадзе—буквально пестрят афоризмами, затмевающими лучшие народные поговорки чеканной лаконичностью своей словесной формы. Передать эти афоризмы на другом языке крайне трудно".

В неменьшей степени богат язык Руставели метафорами. И в этом случае никакой перевод не может воспроизвести всего благозвучия поэмы.

Поэма глубоко вошла в быт грузинского народа. Она является, в буквальном смысле, национальным сокровищем. И это влияние об'ясняется „народностью" поэмы. Созидая новые стихотворные формы, Шота широко черпал из сокровищницы устного народного творчества не только отдельные слова и сравнения, но и целые сюжеты. Поэтому-то многие отрывки поэмы, уже облагороженные звучными рифмами руставелевского стиха, легко совершили обратный путь: от подножий трона величайшей правительницы Грузии в толщу народных масс. Говорят, в руках исследователей творчества Руставели имеется свыше 70-ти различных народны вариантов поэмы „Вепхвис Ткаосани".

*) „З. В.", 23-X-1934.

* * *

Распространенная биография поэта (см. выше) исключает, как будто бы, всякое непосредственное влияние на него мусульманского Востока. Этой же точки зрения придерживаются и некоторые комментаторы поэмы, предоставляя этим влияниям в ней в лучшем случае второстепенную роль. Не боясь впасть в противоположную крайность, мы склонны утверждать, что гениальное произведение Руставели является типичной восточной поэмой своей эпохи.

Одним из обоснований „западнической" ориентации комментаторов Руставели является глубокое знакомство с античной философией, которое проявляет он в своей поэме. Кто знает, не был ли этот момент главным источником легенды о греческом образовании поэта?! Из такой логики исходит, например, автор редакционного предисловия к советскому изданию перевода Бальмонта, доказывая правдивость легенды о греческом образовании поэта этим, именно, фактом знакомства его с античной философией. Но не следует забывать, что мусульманский Восток эпохи Аббасидов был, в сущности, единственным представителем мировой цивилизации своего времени. Им не могла быть Византия времен своего наиболее глубокого падения, находящаяся накануне подчинения полчищам крестоносцев, грубых варваров в рыцарских латах, пришедших с Запада.

Античную философия мог Руставели познать и в арабских переводах Халида-ибн-Иезида, Аль-Балебекки, Хунаина-бен-Исхака и Исхака-бен-Хунаина—отца и сына—и многих других. Ведь многие произведения философов античной эпохи дошли до нас лишь в арабских переводах. Более того, именно мусульманский Восток открыл Европе средних веков сокровищницу античной мудрости.

Но Руставели был знатоком не только греческой философии. Он был образованнейшим человеком своего времени. Ему не были чужды все науки эпохи. Его кругозор распростирался далеко за пределы Грузии. Он ясно представлял себе тот мир, который был известен тогдашнему культурному человечеству. Персонажи его поэмы действуют на обширнейшей арене от Китая до Египта и от Рима до Индии. Но и в данном случае за всеми этими познаниями поэту не надо было ехать в Византию. Они были известны в Грузии и без передаточной станции — из первоисточника: обширнейшего культурного наследия, оставленного на Востоке эпохой Аббасидов.

Марр-отец считал, что поэма Руставели имеет свой источник в „грузинском прозаическом изложении персидской повести".*) Марр-сын советовал восстанавливать содержание утерянных поэм Онсори путем знакомства „с памятниками грузинской свет-

*) Н. Я. Марр — „Грузинская поэма Витязь в барсовой шкуре Шота из Руставa и новая культурно-историческая проблема"; Изв. Ак. Наук, 1917.

ской литературы и в первую очередь с «Витязем в барсовой шкуре»".*)

Хотя научные гипотезы этих двух ученых, в особенности Марра-отца, часто грешат известной экстравагантностью, в данном случае, однако, мы не можем не согласиться с ними — постольку, конечно, поскольку иранские мотивы в творчестве Руставели являются отображением многовековой ирано-кавказской культурной общности. Не только в недошедшей до нас в оригинале поэме „Вамек и Азра" Онсори, но и в „Шах-Намэ" Фирдевси, „Веис и Рамин" Фахрэддина Гюркани, „Пятерице" Низами — всюду мы можем проследить родство с поэмой Руставели. И иначе быть не могло, ибо разцвет грузинской литературы в XII—XIII ст. ст. является естественным продолжением „золотого века" литературы арабо-иранской.

Но это не умаляет национально-грузинского характера „Вепхвис Ткаосани". Оно лишь еще более расширяет культурную значимость поэмы, придает ей в еще большей степени ценность не только грузинского, но и общекавказского национального произведения. Ведь и Кавказ в целом развивался на тех же основах арабо-иранской культуры.

Тавриз, ноябрь 1937.

*) Ю. Н. Марр — „Персидский прототип поэмы «Некто в барсовой шкуре»"; сборник „Академия наук СССР академику Н. Я. Марру", 1935.

Проф. д-р Г. Иешке

Порабощенные Россией народы на Лозаннском конгрессе 1916 года*)

В 20-м номере журнала „Северный Кавказ" (декабрь 1935 г.), органе северокавказского национально-освободительного движения, мы читаем нижеследующее:

„Кавказские традиции освободительной борьбы среди нашей старой эмиграции глубоки и действенны. Мы не должны забывать, что первый „Кавказский Комитет" наших времен возник по инициативе старой эмиграции и что она играла руководящую роль и в первой политической акции международного характера, предпринятой в общекавказском масштабе. В декабре 1915 года в Берлин и Вену выехала специальная делегация „Кавказского Комитета" в составе: председателя делегации маршала Фуад паши (северокавказца) и членов — кн. Мачабели и Кямил бея Тогиридзе (оба грузины), Исса паши и Азиза Мекера (северокавказцы) и, наконец, Селим бея Бебутова (азербайджанец).

В январе 1916 г. делегация эта представила правительствам центральных держав меморандум,[1]) в котором, обрисовав положение народов Кавказа, обратилась с просьбой оказать „Кавказскому Комитету" моральную и материальную помощь в работе по освобождению Кавказа и организации Кавказской Конфедерации из 4-х государств.

Правда, вскоре после этого „Кавказский Комитет" прекратил свое существование, но это произошло помимо желания северокавказского партнера первого кавказского об'единения. В одном из изданий старой эмиграции факт этот об'ясняется следующим образом: „Так как во время мировой войны грузины и азербайджанцы выделились (из „Кавк Комит."), первые рассчитывая найти помощь в Германии, а вторые у турок, то комитет должен был переменить свое название на «Комитет политических эмигрантов Северного Кавказа в Турции»" .. Делегаты этого комитета приняли участие в с'езде 27 угнетаемых Россией народов в Лозанне в 1916 году. Видя в них носителей традиций Шамиля, с'езд устроил им бурную овацию."

Наряду с „Кавказским Комитетом", который работал в Берлине, Вене, Истанбуле и Швейцарии, в Истанбуле, по инициативе покойного Юсуф бея Акчура-оглы, создана была крупная организация под названием „Комитет защиты прав угнетаемых Россией тюрко-татар мусульман". В этот комитет от азербайджанских тюрков входил Али бей Хусейн-задэ, от Крыма — Мехмед Эсад бей Челеби-задэ и от бухарцев — Мукимеддин Бейджан бей. Кроме этих активных членов в деятельности комитета принимали участие и многие другие кавказские тюрки, в том числе азербайджанец Ахмед бей Ага-оглы. Члены комитета устраивали доклады в Турции, Болгарии, Германии, Австро-Венгрии и в Швейцарии и этим обращали внимание общественного мнения на трагическое положение угнетаемых Россией тюрков. В то время самым важным начинанием упомянутого комитета был меморандум, напечатанный в типографии газеты „Pester Lloyd" в декабре 1915 года. В меморандуме, который долгое время привлекал общественное мнение и обратил на себя внимание политических кругов, писалось между прочим, следующее:[2])

...„Россия насильственно отняла у своих подданных тюрков - мусульман их естественные, законные и священные права. Они лишены возможности сноситься и соприкасаться со своими кровными братьями. Так например, тюрок из Казани или с Кавказа не может приобрести участок земли или какое либо другое недвижимое имущество в Туркестане или в Киргизии. Тюрки в России лишены

*) Проф. д-р Готхард Иешке, автор печатаемого исследования, принадлежит к числу известнейших германских тюркологов. Основное внимание в своей исследовательской работе проф. Иешке уделяет порабощенным Россией мусульманским народам. Обстоятельные труды его, сохраняя необходимую научную об'ективность, проникнуты всегда чувством горячей симпатии к этим народам. Турецкий оригинал настоящей статьи помещен в одном из недавних номеров нашего журнала.—Р-ция.

[1]) К сожалению, мне до сих пор не удалось найти этот меморандум. В свое время столь важный документ появился, безусловно, в печати; по всей вероятности, найти его можно в архивах мин-ств иностр. дел центральных держав.

[2]) См. „Die Velt des Islams", т. IV, 25-IX-1916 г., стр. 33—34, где меморандум напечатан полностью.

возможности выполнять священные религиозные обряды, лишены всех культурных и национально-воспитательных прав"...

Меморандум заканчивался следующими словами:

..."Поднимая свои руки к небу, умоляем: освободите нас от русских цепей!"

Меморандум комитета Акчура — Хусейн-задэ, содержащий требование независимости, был представлен как всем воюющим и нейтральным державам Европы, так и правительству Сев.-Ам. Соедин. Штатов. Но деятельность комитета не ограничилась только этим меморандумом. Члены комитета, как мы отметили, устраивали доклады и пр. публичные выступления и еще больше углубляли заинтересованность общественности трагическим положением порабощенных Россией тюрков.

В своем докладе в Берлине 12 января 1916 года[3]) Юсуф бей Акчура-оглы обстоятельно изложил деятельность порабощенных Россией тюрков в социальной, экономической и культурной областях и рельефно обрисовал заслуги великих национальных деятелей: Шахабеддина Мерджани, Хасан бея Зердаби и Исмаил бея Гаспыралы.

Выдвигая идею освобождения российских тюрков, реализация которой в те времена не была легка, комитет Акчура-оглы был далек от представления практической политической концепции. Но вместе с этим, с точки зрения популяризации в международном масштабе стремления российских тюрков к независимости, акция комитета Акчура-оглы имела, несомненно, громадное значение.

Зато "Кавказский Комитет", работавший бок-о-бок с комитетом Ачкура — Хусейн-задэ, проводил свою деятельность в рамках определенной и сознательной программы. Комитет этот занимался исключительно вопросом освобождения Кавказа. В те времена такой важный вопрос, как вопрос независимости Кавказа, стоял, естественно, впереди всех политических предположений, был самой актуальной проблемой дня. Турция была непосредственно заинтересована этим вопросом. Партия "Иттихад ве Таракки" отлично знала, что из 11 миллионов кавказцев свыше 6 миллионов составляют тюрки и пр. мусульмане Азербайджана и Северного Кавказа (проживающие в количестве нескольких сот тысяч и в Грузии, и в Армении) и что все они ждали с нетерпением победы Турции над Россией. Хотя и все остальное население Кавказа, за исключением армян, но включая грузин, от души желало поражения России. Центральные державы, отлично осведомленные о внутреннем положении русского государства, не сомневались в падении царизма и ожидали больших потрясений в России. Ясно, конечно, что такое положение еще более актуализировало кавказскую проблему как в Турции, так и среди кавказцев. И исходя, именно, из такого реального политического положения, "Кавказский Комитет", работающий под председательством маршала Фуад паши, проявлял в Турции и Европе обдуманную деятельность и вел энергичную пропаганду. Издавая на венгерском, немецком, французском и др. языках работы, посвященные проблеме Кавказа, ведя прекрасно организованную пропаганду в печати, связываясь с влиятельными политическими кругами Европы, обращаясь к воюющим и нейтральным державам с требованием независимости Кавказа и, наконец, поддерживая тайную связь с Кавказом, — комитет Фуад паши и об'единенные вокруг него кавказцы[4]) не довольствовались лишь отделением Кавказа от России; они устанавливали и будущие формы государственного устройства независимого Кавказа, выдвигая программу политического об'единения народов Кавказа и пропагандируя знакомую нам сегодня идею конфедерации.

Азербайджанцы, как видим, работали не только в комитете Акчура-оглы (Хусейн-задэ Али бей), но и в "Кавказском Комитете". Член "Кавказского Комитета", азербайджанец Селим бей Бехбуд (Бебутов), находился в связи с тайными национальными организациями в Баку и Карабахе, а затем на подводной лодке доплыл до берегов Кавказа и пробрался в Азербайджан. Именно, в период деятельности "Кавказского Комитета" начался наплыв добровольцев в турецкую армию, особенно из Азербайджана. Известное восстание в Туркестане также совпадает с этим периодом.

Другой азербайджанец, Ахмед-бей Ага-оглы, хотя и не состоял членом "Кавказского Комитета", однако, во время своей поездки по Европе тоже вел пропапаганду идеи освобождения Кавказа. Как известно, во время войны Ага-оглы и Али бей Хусейн-задэ работали в Швейцарии, представляя здесь кавказских тюрков. Эти два азербайджанские тюрка, стремясь к освобождению своей родины, представляли европейским державам соответствующие меморандумы, стараясь в них осветить действительное положение своего народа.

В период деятельности "Кавказского Комитета" и комитета Акчура-оглы в Лозанне состоялся "Конгресс народов", о котором говорилось в начале этой статьи.

Как комитет Акчура — Хусейн-задэ, так и комитет Фуад паши сумели использовать, в процессе борьбы против России, "Лозаннский конгресс", сделав на нем ряд успешных выступлений. Эти выступления были первыми выступлениями в защиту независимости порабощенных Россией тюрков и мусульман в международном масштабе, перед широкой европейской аудиторией.

---

[3]) Этот доклад полностью напечатан в журнале "Das Grössere Deutschland" (№ 17, стр. 542—552), а в сокращенном виде в журнале "Die Welt des Islams" (т. IV, стр. 206).

[4]) В Германии, еще до войны, жило много азербайджанских и идел-уральских тюрков. Большая часть из них училась в высших учебных заведениях Германии, а остальные занимались торговыми делами. Среди них было не мало людей науки, как например, азербайджанец д-р Джавад Орудж-задэ, которого ценили и немецкие ученые. Впоследствии д-р Орудж-задэ был профессором медицины при Московском университете. Во время войны многие из упомянутых выше лиц остались в Германии и в организованном виде начали работать против общего для тюрков врага — России. Они одновременно сотрудничали и с "Кавказским Комитетом", и с комитетом Акчура — Хусейн-задэ. Одной из наиболее полезных сторон их деятельности была работа среди военнопленных тюрков, утверждение в них национального духа. Впоследствии эти военнопленные были отправлены в Турцию и в рядах братской турецкой армии приняли участие в борьбе против общего врага.

В чем, однако, состоит суть „Лозаннского конгресса"?

В 1911 году, для целей изучения национальной проблемы, директором Брюссельского библиографического института бельгийцем Полем Отлэ и литовцем Я. Габрисом была создана организация „Union des Nationalités". Организация эта имела собственный печатный орган на французском языке: „Annales des Nationalités". В 1912 году она устроила свой первый конгресс и, естественно, во время войны не могла оставаться вне идеологического влияния государств Антанты. Второй конгресс, который состоялся в 1915 г. под председательством французского министра Пэнлэвэ, был доказательством этого влияния. Вся деятельность этого конгресса, работавшего под лозунгом „освобождения малых народов", была всецело направлена против Германии и Австро-Венгрии. Но указанное положение не продолжалось долго. Организация, которая с первого дня своего основания официально об'явила о своем желании служить универсальной идее, должна была включить в программу своей деятельности и проблему угнетенных Россией народов. Но так как во время войны во Франции нельзя было, даже в осторожной форме, говорить о „национальном вопросе в России", осенью 1915 г. „Union des Nationalités" вынужден был перенести центр своей деятельности в Швейцарию, где в это время работали всевозможные организации по защите прав разнообразных „порабощенных народов". Обосновавшись в Швейцарии, „Union des Nationalités" созвал в Лозанне 27 июня 1916 г. третий конгресс порабощенных народов, на котором были представлены и угнетенные Россией народы.

В своем докладе, произнесенном на этом интересном собрании, председатель „Union des Nationalités" Поль Отлэ, говоря о деятельности своей организации, коснулся и вопроса угнетаемых народов в пределах России, сказав, между прочим, следующее:

„Пять различных наций в России: Польша, Литва, Латвия, Финляндия и Украина требуют для себя независимости... Несмотря на то, что договоры с Россией заставляют Францию молчать, Франция по-прежнему остается символом самых высших идеалов... Но одну истину мы открыто признаем: Россия есть тюрьмой народов" (подлинно: „La Russie est la prison des Nationalités").[5])

В доказательство своих слов Поль Отлэ привел речь члена государственной думы, азербайджанца Мехмед-Юсуфа Джафарова, впоследствии министра иностранных дел независимого Азербайджана в кабинете Насиб бея Юсуфбейли. Речь эта, произнесенная в первой половине августа 1915 г., выдвигала против России тяжкие обвинения. По словам Поля Отлэ, Мехмед Юсуф бей в этой исторической речи указал, каким ужасным преследованиям, грабежам и убийствам подвергаются тюрки Закавказья со стороны русского чиновничества. Он говорил, что бакинские тюрки терроризуются и массами выселяются в Сибирь, что тюрки районов Карса и Ардагана безжалостно уничтожаются огнем и мечем. Против всех этих проявлений русского варварства Мехмед Юсуф бей энергично протестовал с трибуны думы.

Продолжая свой доклад Поль Отлэ, перешел к словам члена государственной думы от Уфимской губ. Тевкелева, который на том же заседании выступил после Мехмед Юсуф бея с требованием равноправия для нерусских национальностей, особенно же для тюрков, и отмены особых положений, применяемых в отношении этих национальностей. Поль Отлэ отмечает, что на предложение Тевкелева дума высказалась следующим образом: за — 162 голоса, против — 191. В конце же концов была принята бессмысленная резолюция следующего содержания.

„Дума требует благожелательного отношения к верным России народам."[6])

Несмотря на столь убедительную часть своего доклада, Поль Отлэ не счел возможным обидеть союзницу своей родины, Россию, а потому, приветствовав представителей 23 народов, участвующих в конгрессе, нашел выход из положения в следующих словах:[7])

„Разве торжественная прокламация великого князя Николая Николаевича, изданная от имени царя, не дает больших надежд Польше?[8]) Почему поляки не должны надеяться, что по окончании мировой войны им будет дарована царем «гарантированная независимость»?"...

Всех, стоящих во главе конгресса, в том числе и П. Отлэ, об'единял общий страх. Все они считали нужным считаться с Францией и не выступать против России. Но последующие заседания конгресса в корне ниспровергли основы этого страха. Причиной было участие в конгрессе представителей порабощенных Россией народов, которые оказали на ход конгресса огромное влияние. И мы должны сказать, что общее и солидарное выступление народов на конгрессе и общая борьба их против русского империализма напоминают нам выступления „Прометейского фронта" наших времен перед такими международными организациями, как Лига Наций.

27 июня на конгрессе выступил представитель грузин Михаил Церетели, который закончил свою речь следующим образом:

„Если убийство одного человека вызывает протест и возмущение, то убиение целого народа также должно вызвать выступления и протесты. Каждая нация должна обладать правом на национальную самостоятельность"...

На второй день конгресса (28 июня) выступил представитель Финляндии Конни Зилиакус, отметивший факт насильственного присоединения Финляндии к русской деспотии, а также и то, что, несмотря на обещания Петербурга, фины лишены всех прав. В заключении он заявил следующее:

„Финляндия до сих пор требовала только автономию, а теперь требует полную независимость и свободу" (в оригинале: „la séparation définitive,

---

[5]) III-me Conférence des Nationalités—Documents préliminaires. Lausanne, 1916. Стр. 12.

[6]) „Korrespondenzblatt der Nachrichtenstelle für den Orient" (Berlin), т. 1, стр. 11.

[7]) „Compte-Rendu Sommaire de la III-me Conférence des Nationalités réunie à Lausanne 27—29 jiun 1916".

[8]) Вел. кн. Ник. Ник-ич был во время войны главнокомандующим русскими армиями.

la liberté"). М. Церетели также протестовал против нарушения Россией договора, заключенного с Грузией в 1799 году. С требованием независимости для своей родины выступал и представитель Литвы.

Третий и последний день конгресса (29 июня) отмечен был выступлениями, которые оставили глубокое впечатление. Темой дня и на этот раз была проблема порабощенных Россией народов. Царь, петербургское правительство, русская администрация, одним словом, деспотическая Россия в этот день конгресса была посажена на скамью подсудимых. Представитель Белоруссии Брошер заявил в этот день, что „вся история белоруссов, с начала до конца, является историей борьбы против России за независимость."

После него выступил член государственной думы поляк Лемпицкий. Речь свою он закончил так:

„Действительная цель и смысл русской политики по отношению к Польше заключаются в вечной борьбе с поляками. И это проявляется в виде „un régime de terreur"... Поведение русской армии в Галиции оставляет в тени даже описание адских мучений у Данте. Россия заслуживает того, чтобы у ворот ее границ находилось следующее изречение: "Lasciate ogni speranza!" — („Оставьте свои надежды!")... Без независимой Польши Европа никогда не достигнет мира".

После польского представителя очередь дошла до представителей порабощенных Россией тюрко-мусульман. В своем докладе председатель Поль Отлэ не говорил о них, так как эти представители не принимали участия в двух предыдущих конгресах „Union des Nationalités". Но на этом конгрессе они были представлены многочисленной делегацией. Только кавказские тюрко-мусульмане были представлены тремя лицами: азербайджанцем Али беем Хусейн-задэ и представителями Северного Кавказа — дагестанцем Сеид Тахиром-Эль-Хусейни и черкесом Исмаил беем Беденок. Тюрки Севера во главе с покойным Акчура-оглы были представлены более многочисленной делегацией.

Выступления этих представителей совершенно изменили характер конгресса. К сожалению, в сборнике „Compte-Rendu Sommaire de la III-me Conférence des Nationalités réunie à Lausanne", который является единственным источником материалов о конгрессе, речи представителей тюрко-татар значительно сокращены, а речь Али бея Хусейн-задэ совершенно отсутствует. Хотя и иные выступления, направленные против России, нашли в сборнике далеко не соответствующее место. Если учтем, что на председательских местах и в секретариате конгресса сидели сторонники Антанты и даже французы и бельгийцы, то легко поймем причину этого положения. Благодаря такому обстоятельству, деятельность тюрков на конгрессе не достаточно освещена. А потому, если многие из известных лиц, которые принимали участие в конгрессе или же работали во время войны в Берлине, Вене, Истанбуле и Швейцарии, пропагандируя идею освобождения порабощенных Россией тюрков, особенно азербайджанцы Ахмед бей Ага-оглы и Али бей Хусейн-задэ, опубликуют свои воспоминания, — этим они, несомненно, окажут большую услугу той священной борьбе за осуществление национальной идеи, коя продолжается до настоящего времени.

Если исходить из существующих документов, самое сильное впечатление на конгрессе произвела речь Юсуф бея Акчура-оглы.[9]) Выступая от имени казанских татар, Акчура-оглы Юсуф бей дал в начале исторические сведения о захвате Россией Казанского ханства, а затем осветил обрусительную политику русского правительства, особо остановившись на политике систематического уничтожения тюркского языка. Отметив, что первым требованием татар является культурная автономия, Акчура-оглы сказал, что в условиях такой свободы татары, живущие в бассейне Волги, могут дать человечеству культурные ценности.

После Юсуф бея слово взял представитель киргизов Мехмед Сафар Ахмедов, который резко осуждал политику России в отношении своего народа и добавил:

„Когда в 1861 году Россия взяла киргизов под свое покровительство, она обещала не вмешиваться в наши внутренние дела. Несмотря на это, вскоре начались преследования религии и в области школьного образования. Русский язык насильственно внедряется в киргисских школах. Проводится насильственная христианизация киргизов. Но самым трагическим является то, что киргизов лишают земли и сознательно подвергают голоду. Киргизы требуют равноправия с русским населением, требуют национальную и религиозную автономию и разрешение аграрного вопроса".

„Compte-Rendu" передает, что после киргисского представителя „выступил представитель чагаталов" на своем родном языке. Речь идет не о представитеие неведомых „чагаталов", а о представителе джагатайских тюрков, имя которого не упоминается. Выступление свое он закончил так:

„Все действия России, которые претендуют на название культурных деяний, представляют из себя большой тормоз нашему свободному развитию. Вот почему мы требуем полной независимости и возвращения отнятых у нас насильственно земель."

Здесь польский представитель Лемпинский опять взял слово, подтвердив обвинения двух вышеупомянутых ораторов, и добавил, что во время одного из своих путешествий он лично был свидетелем того варварского отношения к киргизам, о котором говорилось.

От Северного Кавказа выступали два оратора. Черкес Исмаил Беденок сказал:

„Черкесы находятся под вечной угрозой. Они ведут против московских деспотов кровавую борьбу. Сотрудничество с русским народом невозможно. Поэтому мы ждем от человечества, несущего ответственность, справедливости и спасения от русских когтей."

Второй оратор, дагестанец Сеид Тахир Эль-Хусейни, заявил:

„До оккупации Россией, Дагестан жил счастливо и мирно. Великий патриот Шейх Шамиль 25 лет боролся с Россией во имя свободы и независимости горцев. После него русские начали выселять

[9]) „Compte-Rendu", стр. 29.

горцев большими партиями в Россию. Дагестан, имеющий $1^1/_2$-миллионное население, представлен в государственной думе одним депутатом. Мы обращаемся к культурному миру с просьбой освободить наш несчастный народ от русского ига".

И после этого выступления представитель Польши Лемпицкий взял слово и при бурных апплодисментах конгресса сказал следующее:

„Каждая нация имеет своих национальных героев. А национальным героем всего Кавказа есть Шейх Шамиль. С уважением почтим память этого великого патриота, внук которого находится среди нас"...*)

Достойно внимания, что все ораторы-кавказцы, включая и грузина Церетели, ясно и определенно требовали отделения от России и восстановления национальной независимости, в то время как некоторые другие (например, Акчура-бей и Мехмед Сафар Ахмедов) ограничивались только автономией. К числу мусульмано-тюркских ораторов, требующих отделения от России, принадлежал и представитель Бухары Мукимеддин Бейджан бей.

Независимости требовал и представитель Украины Степанковский, выступавший последним из числа представителей порабощенных Россией народов.

Антантофильский президиум конгресса, после неожиданных выступлений представителей порабощенных Россией народов, произведших огромное впечатление, старался ослабить и рассеять создавшуюся антирусскую атмосферу.

С этой целью некий француз, по фамилии Рей, выступил в защиту русского царя. По мнению Рея, русский царь вовсе не был деспотом, т. к. по его инициативе „был созван гаагский мирный конгресс, организовавший свободу народов (какую свободу и каких народов? — Г. Иешке). И это не все: царь по собственной инициативе (?!!) в 1906 году издал конституцию. Вот почему — подобно тому, как Бог сотворил мир этапами—так и государственная дума доведет постепенно Россию до совершенства"...

По мнению оратора, этот неограниченный деспот имел и третью заслугу: он с большой отвагой запретил в начале войны... продажу водки.

Преклонение французского оратора перед русским царем и противопоставление им царского указа о запрещении продажи водки требованиям порабощенных народов о предоставлении свободы и независимости, вызвали общий хохот конгресса и заставили известного антантофила барона Де Ропп сказать следующее:

„Воины Франции, граждане Франции! Защищайте все, что считаете священным; защищайте Францию, страну красоты и радости.

Воины Англии и граждане Англии! Защищайте свою империю, которая вам и многим народам дает счастье и богатство. Но, французы и англичане, не проливайте ни капли крови ради укрепления и продолжения рабства угнетенных Россией народов! Постарайтесь, чтобы в новой Европе между народами установились справедливые взаимоотношения". (Шумные аплодисменты).

Даже председательствующий Поль Отлэ, под впечатлением приводимых слов, в заключительном выступлении отметил:

„Все те, кто вместе с нами были свидетелями этих исторических моментов, никогда не забудут крик совести, который мы тут слышали, мольбу о помощи, призывы к уважению права и договоров, историю той доблестной борьбы, которую ведут против угнетателей и эксплоататоров люди, желающие жить свободно".

Из числа 500 различных органов печати, писавших об этом историческом конгрессе, газета „Temps" от 2 июля 1916 г.[10]) заняла характерную позицию. В статье под заглавием „Бесполезное рассуждение" она старалась доказать, что „французские солдаты в Вердене и русские в Буковине сделали для свободы народов (?!) больше, чем конгресс".

Газета „L'Eclair", выходящая в Париже, проявила большую смелость, чем „Temps". В номере от 11 июля 1916 г., подчеркнув, что справедливое разрешение вопроса порабощенных народов представляет большие трудности, она добавила:

„Все требуют освобождения порабощенных народов, находящихся под властью вражеского государства, но никто не мыслит об отделении народов, находящихся под властью его собственного народа".

Другая газета под тем же названием (L'Eclair), выходящая в Монпейэ, в статье Жака Бенвилля (в номере от 5-VII-1916) замечает:

„Принцип освобождения порабощенных народов является для Франции опасным, т. к. этот принцип есть таким оружием, которое в один прекрасный день может повернуться или против нас самих, или против наших союзников".

В тот-же день (5-VII-1916 г.) „Frankfurter Zeitung" писала:

„Принцип освобождения порабощенных народов после войны станет на порядок дня. Только после мирного и справедливого разрешения этого вопроса у себя дома, государство может приобрести величайшую внутреннюю силу (das Maximum an innerer Kraft erlangen).

Второй немецкий орган „Korespondenzblatt der Nachrichtenstelle für den Orient" (Berlin)[11]), говоря о конгрессе, высказал следующее справедливое мнение:

„Голос мусульман, порабощенных Россией, впервые стал слышен в Западной Европе. Этот голос не заглохнет."

И в самом деле, голос порабощенных Россией народов не умолк, что нам показали последовавшие за Лозаннским конгрессом события. Большинство из участников конгресса — Польша, Финляндия, Эстония, Литва, Латвия, Азербайджан, Грузия, Северный Кавказ, Украина—через 2 года после событий в Лозанне об'явили свою независимость, организовали национальные государства и были признаны мировыми державами де-факто и де-юре.

Некоторые из этих государств были снова

*) Польский представитель имел в виду Саида Шамиля, тогда еще юношу, присутствовавшего на конгрессе — Р-ция.

[10]) „Compte—Rendu", стр. 63, 71, 73, 75.

[11]) № 39 (25-VII-1916).

оккупированы красным русским империализмом. Но те, которые признали независимость порабощенных Россией народов, уверены, что эта оккупация не будет продолжительной.

Начиная от известной „Мусульманской фракции" в государственной думе, от „Союза автономистов" и до „Кавказского Комитета", комитета Акчура — Хусейн-задэ, до дат 22 января, 11, 26 и 28 мая 1918 года[12]) и, наконец, „Прометейского фронта" и фронта „Кавказской Конфедерации" нашего времени, — все эти моменты являются в последний 30-летний период истории порабощенных Россией народов успешно выдержанными национальными экзаменами, блестяще пройденными и сознательными политическими этапами.

И поэтому-то недалек тот день, когда опять восстановится национальная независимость, как вознаграждение за всю эту героическую борьбу.

Per aspera ad astra!...

[12]) Даты об'явления независимости Украиной, Северным Кавказом, Грузией и Азербайджаном.

Полковник ген. шт. Хурш

АХУЛЬГО*)

Посвящаю светлой памяти Микаэль Халил Паши — Автор.

После Гамзат-Бека в торжественной обстановке в ауле Ашильта Имамом был провозглашен Шамиль — ближайший сподвижник двух предшествовавших Имамов.

Наследие, оставленное Гамзат - Беком, трагически погибшим в хунзахской мечети 19 сентября 1834 года, находилось в очень запутанном положении.

Уже сам факт посягательства на особу Имама в день пятницы и в мечети, являлся не только проявлением религиозного кощунства и распространенного обычая мести, но и тщательно подготовленной врагом измены, для реализации которой последний не скупился ни золотом, ни обещаниями, ни иными средствами подкупа.

Казалось, расчеты врага оправдаются и в горах на долгие годы воцарятся раздоры и анархия, созидая непреодолимые преграды делу об'единения.

Неслыханный доселе и позорный поступок посягал на успех борьбы за свободу, вносил в умы неуверенность и расстройство. Великое дело нанационального об'единения северокавказского народа, столь плодотворно начатое Имамом Мансуром, Магомедом-Эфенди Ярагинским, Гази-Магомедом и Гамзат-Беком, начинало давать трещины.

Опасность увеличивалась вторжением вражеских сил, беспрерывно возрастающих численно, которые со всех сторон двигались в наши земли, творя неслыханные зверства и разрушения. Враг, как бы, поставил себе целью снести с лица земли горский народ. *„В пограничной с Мехтулинским ханством части Акуши* — пишет русский историк ген. Власов, освещая события того времени — *не было оставлено ни живой души и камня на камне. Эта часть края, таким образом, была успокоена на долго"*. Но так „успокаивались" и многие другие районы Северного Кавказа.

В этот критический, переломный момент должен был найтись человек, кристалически безупречный, обладающий железной волей, гениальными способностями и беспримерной отвагой. Поэтому то взоры всех остановились на Шамиле, так как он наиболее отвечал всем этим качествам.

Но русские, между тем, воспользовавшись переходным временем, успели занять Хунзахское плато и сам Хунзах, соорудили там ряд укреплений и водворили всюду свои гарнизоны. Правителем в Хунзахе, за прекращением местного ханского рода хунзахских ханов, был назначен Хан Мехтулинский, находящийся на русской службе. Хаджи-Мурад, один из главных заговорщиков на жизнь Имама Гамзат - Бека, был награжден чином прапорщика и назначен помощником правителя.

* * *

Приняв верховную власть, Шамиль предстал перед дилеммой: с чего начать? Государство его не обладало ни постоянной вооруженной силой, ни прочными опорными пунктами, ни необходимыми материальными средствами. Общества, лежащие в непосредственной близости неприятеля, глухо волновались, готовые отпасть в любой момент. Тут действовали в равной степени как пропаганда, сильно уснащенная золотом, так и жестокость врага, не оставляющего на своем пути «камня на камне».

С'езд, созванный в ауле Ашильта, временной резиденции Шамиля, в начале 1835 года, громадным большинством высказался за невозможность продолжения борьбы в Аварии и за общее переселение в Чечню. Магомед-Тагир Карахский так пишет об этом:

«Наконец, он (Шамиль) *собрал большой совет из всех ученых и почетных людей для обсуждения создавшегося положения. Большинство подало голос за огульное переселение в Чечню для ведения оттуда дружного наступления на врагов Аллаха. Шамиль-же с меньшинством не согласился с этим мнением и находил более целесообразным, прочно укрепившись в родном крае, предаться газавату с неверными. Совет вынужден был согласиться с этим мнением поборника Ислама.*

Пунктом для кровавого отпора гяурам был избран Ахул-Гух».

*) Ахульго или, правильнее, *Ахул - Гух* означает поаварски — Гора тревоги.

Решение это диктовалось целым рядом соображений. Утвердившись в Ахульго, Имам Шамиль становился, как бы, вездесущ. Отсюда он был одинаково близок к Шамхальским и Мехтулинским владениям, Хунзаху и к Кумыкской плоскости. Словом, Ахульго являлся исходным пунктом для действий в любом направлении. Не могло не играть роли и то, что аул был расположен в самом сердце Койсубулу, население которого начинало поддаваться влиянию врага. Наконец, непосредственное соседство резиденции Имама с расположением врага и постоянное пребывание его в этом, как ни как, угрожаемом пункте, должно было действовать успокаивающе на народные массы, поднимая одновременно в их глазах авторитет Имама, ибо горцы, как никто на свете, почитают отвагу и смелость.

В том же 1835 году в Ахульго было приступлено к постройке замка и, не дожидаясь его окончания, Шамиль переселился туда из Ашильты с семейством и ближайшими соратниками.

*
* *

Перед новым Имамом предстали для разрешения два основные задания: 1) об'единение всех горских племен Северного Кавказа в одно политическое целое и воссоздание государственного аппарата; 2) создание военной силы, способной охранять суверенность Северного Кавказа и защищать его границы.

Несмотря на огромные трудности и полное несоответствие сил и возможностей воюющих сторон, Имам Шамиль, в течении 25 лет руководства судьбами Северного Кавказа, с железной непреклонностью стремился к достижению поставленной цели, ни разу не отклоняясь в сторону. Правлению его известны периоды наивысшей славы, когда влияние его распространялось и за пределы Северного Кавказа, а враги не раз приходили в трепет и смущение.

Приступив к выполнению поставленных себе задач, Имам Шамиль развил самую широкую пропаганду своих идей. Вместе с этим он начал постепенно организовывать регулярную армию и рядом последовательных мероприятий упорядочивать административное устройство подчиненной себе страны. Все это должно было заметно укрепить силы Имама и дать ему возможность вести борьбу с наступающим врагом в более широких размерах. Но пока Имам решил ограничиться «малой войной», которая, как известно, заключается в беспрерывном беспокойстве неприятеля небольшими силами, нападающими на него, где только возможно, и избегающими при этом решительных боев.

Впрочем, «малая война» или, иначе, война партизанская велась и до этого всюду на Северном Кавказе, и, нужно признать, горцы достигли в ней высокого совершенства.

У читателя может возникнуть вопрос: чем об'яснить такую тактику у наших вождей — тактику, которая не обеспечивала территорию страны, не могла оказать действительного сопротивления продвижению неприятеля вглубь наших пределов?

Отвлекаясь несколько от основной темы, я постараюсь ответить на этот вопрос и осветить причины тактики, которая играла весьма важную роль в истории горско - русской войны. Итак, причины эти были следующие:

1 — Отсутствие артиллерии. К описываемому времени и ни перед этим мы, горцы, не имели артиллерии и не умели ею пользоваться.

2 — Снабжение бойцов боевыми припасами не производилось. Боевых припасов в горах вообще и не было, если не считать незначительных запасов пороха кустарного производства, вырабатываемого в Дагестане, и свинцовых пуль, отливаемых в горских кузницах. Но, повторяем, все это имелось в весьма ограниченных количествах из-за недостатка сырья. Боевые припасы приходилось добывать у противника.

3 — Отсутствие регулярной армии, которая представлена была небольшим кадром мюридов.

4 — Возможность мобилизации народного ополчения находилась в тесной зависимости от времени года. Период сельско - хозяйственных работ является серьезным препятствием к массовым сборам ополчения.

5—Система самовооружения и самообмундирования, как равно и самоснабжения продовольствием и боевыми припасами во время сбора и походов также не могла способствовать количественному усилению наших войск.

Если принять во внимание, что подавляющее большинство бойцов были уроженцами нагорных районов, где своего хлеба не хватает и где материальная обеспеченность гораздо ниже, чем на плоскости, то тем более станет ясным, что армия наша никогда не могла быть собрана в достаточном количестве для противопоставления себя неприятелю, технически всегда нас превосходящему и действующему обыкновенно большими массами.

Таким образом, не может быть речи о «многотысячных скопищах горцев», как об этом сплошь и рядом гласят русские официальные реляции того времени, так как сосредоточение в одном месте больших масс войск было для нашего командования физически не выполнимо. Русскую «щедрость» в данном случае откровенно поясняет генерал Гейман, один из военачальников неприятельской армии. «*Пиши как можно больше, благо некому их считать*» — говорит он, вспоминая о способе писания реляций в войне с нами. (Воспоминания ген. В. А. Геймана, Кавк. сборник, т. III).

Вот эти условия и заставили Имама Шамиля избрать тактику малой войны. Тем более, что он имел перед собой, как мы уже отметили, могущественного врага, прекрасно вооруженного и снаряженного, который располагал в тылу у себя неисчерпаемыми рессурсами обширной и богатой страны. «*На каждый горский выстрел мы отвечали залпами*» — пишет тот-же генерал Гейман.

Несколько постоянных партизантских отрядов силою в 100—200 человек, в зависимости от обстановки иногда увеличивавших свой состав, успешно выполняли дело ведения малой войны. Они держали в постоянном напряжении более чем стотысячную русскую армию, не давая ей возможности

сосредоточиться и заставляя находиться в постоянном движении в нескольких направлениях.

Нередко бывали случаи, когда наши легкие отряды прорывались за линию неприятельских крепостей и делали большие опустошения в глубоком тылу противника.

Вполне понятно, что такие отряды не могли принимать открытого боя с значительными вражескими колоннами (группами), снабженными артиллерией и состоящими в большей части из пехоты. Но, зато, как только такую колонну обнаруживал какой-либо из наших отрядов, неприятель уже не знал покоя, будучи вынужден находиться в постоянной готовности, отовсюду ожидая нападения. Малоподвижные, благодаря колоссальным обозам, колонны противника, беспрерывно беспокоемые нами, нередко приходили в замешательство и даже панику. Так, в «Очерках положения военных дел на Кавказе» читаем: *«Ночное отступление от Игали сопровождалось такими-же беспорядками, как и поход в леса ичкеринские; между тем как число неприятеля, на этот раз, по уверению Ахмед-Хана Мехтулинского, не превосходило и 300 человек»* *).

Как видим, и враг, никогда не отличавшийся особенной об'ективностью, должен был иногда признавать превосходную работу наших партизан.

Малая война имела еще одну выгодную для нас сторону: наше командование знало о всех передвижениях неприятеля, следовательно и о его намерениях. Никогда и ничто не было для нас совершенной неожиданностью, ибо партизаны всюду имели свои уши и глаза.

*
*   *

В 1837 году замок Ахульго подвергся нападению русских и тогда выяснилось, что он, как опорный пункт, не отвечает в достаточной степени своему назначению. Поэтому в том же году было приступлено к его переустройству по планам, выработанным самим Шамилем, и под непосредственным руководством наиба - инжинера Закарии Чохского. Тогда же были положены основы регулярной армии и произведен ряд реформ административного характера.

План предварительной организации армии был рассчитан на 3 года. За этот период должны были быть созданы: 1) 20 хамси (баталионов) пехоты, каждый в составе 5-ти **) миат (сотен); 2) 5 улур (бригад) кавалерии, каждый из 2-х хамси (в данном случае каждое хамси было полком) в составе 5-ти миат; 3) 10 миат (5 конных и 5 пеших) муртазеков, т. е. жандармско - полицейских частей.

Наиболее слабым местом было отсутствие артиллерии и артиллеристов. Но и здесь Шамиль нашел выход из положения. Во второй половине 1837 года он послал 5 человек, под видом поездки в Мекку на богомолье, в Египет, Турцию и Персию для изучения «пушкарного и снарядного дела». Точно таким же образом был разрешен и вопрос о саперах. Для изучения саперного дела выехали в Турцию и Египет 3 человека.

Ко всему этому мы вернемся более подробно в другом месте. Здесь же мы хотели лишь подчеркнуть, что ничто не было забыто Имамом в плане создания регулярной армии.

Вопрос снабжения предполагалось по плану разрешить следующим образом:

Пороховые заводы должны были быть построены в аулах: Ихали, Анди, Карадахе, Гунибе, Сог ратле, Ирибе, Чиркате, Ахульго и Тилитле. В этих же пунктах предвиделись склады свинца и чугуна, для винтовочных пуль и артиллерийских снарядов *).

Задача, как видим, предстояла нелегкая и кропотливая. Нужны были прежде всего материальные средства, а казна Имама была пуста.

К концу 1838 года частично было налажено производство пороха. Пороховые заводы были построены в аулах Ихали, Чиркат, Тилитль и Ахульго. Оборудование их было примитивно, работы производились вручную, кустарным путем. В сутки каждый из них вырабатывал от 2 до $3^1/_2$ ратала (1 ратал = 6 русским фунтам).

Начали постепенно поступать средства и в казну, главным образом, из Тилитлинского, Андийского, Андаляльского, Карахского и Койсубулинского наибств. Организованы были и первые регулярные части. В начале 1838 года Имам уже имел 2 хамси пехоты, из которых один был размещен в Ахульго, а другой по сотням в пяти главных наибствах; сформированы были также 2 миат муртазеков — один конный, другой пеший. 50 конных муртазеков находились при Имаме, а остальные (по 10 пеших и 5 конных) при наибах.

Этот несложный, казалось бы, механизм стоил большого напряжения и трудов как самому Имаму, так и ближайшим его сотрудникам. Но настойчивость и непреклонная воля вождя побеждали все препятствия, увеличивая одновременно в массах и его авторитет. Имам Шамиль становился для северокавкасского народа символом бытия и свободы, защитником национальных прав, религии и семейного очага.

Народ под его водительством начинает верить в завтрашний день, в свою силу и правоту, проникаясь вместе с тем верой и в гений своего вождя и руководителя.

*
*   *

Приготовления Имама Шамиля не ускользнули от внимания русского главного командования. Последнее, естественно, не могло допустить усиления Шамиля и, тем более, реализации всех его планов. Неприятель уже предугадывал гениальные организаторские способности северокавказского вождя и учитывал ту огромную роль, которую он может сыграть не только в горской, но и общекавказской истории. Необходимо было раз-

---

*) Русский отряд в этом деле состоял из 11 баталионов, 600 чел. кавалерии и 20 орудий; командовал им ген. Граббе.

**) «Хамс» по арабски — 5.

*) Чугун обыкновенно собирался на поле битвы с русскими.

рушить его планы в зародке. Оплошность могла грозить для русских потерей всего Кавказа.

Неприятель решил предупредить удар, разрушив аул Ахульго, организационный центр предпринятой Имамом акции. С этой целью русские приступили к тщательной подготовке наступательной операции в сторону Ахульго.

Весть о подготовительных работах русских дошла и до Имама. Шамиль принял вызов. С 500 мюридов, без артиллерии и с весьма ограниченным запасом боевого снаряжения он решил защищать Ахульго.

,,Шамиль в Ахульго, хункар *) в Стамбуле" — гласит горская поговорка. Так говорят, если хотят подчеркнуть чью-либо мощь и силу. В этих словах народ воздал дань отваге и решимости Имама, постановившего, несмотря ни на что, защищать свою первую резиденцию, колыбель северо-кавказской государственности и правопорядка. В Ахульго выявился во всем величии дух Имама, его организаторский и военный гений.

(Продолжение следует).

*) Хункар (хунькяр) — турецкий султан. Слово это персидского происхождения и употреблялось на всем мусульманском Востоке, в том числе и на Северном Кавказе.

Коота

Вопрос, вызвавший живой отклик

Огромная и важная задача, связанная с идеей освобождения кавказских народов из-под невыносимого ига извечных поработителей, требует от нас настолько серьезной подготовительной работы, что никогда нельзя пренебрегать вопросами и фактами, имеющими то или иное касательство к нашей проблеме. Эти вопросы могут быть связаны с нашим прошлым, всплывать при разборе и оценке текущих событий или, наконец, могут нарождаться при обсуждении планов и расчетов на будущее.

Кавказские народы всеми доступными средствами ведут на своих исторических землях борьбу с красными оккупантами, абсолютно не страшась поносимых жертв и не стыдясь тех „позорных" ярлыков, которые навешиваются им гнусной рукой багрово-красных опричников (от „буржуазных националистов" до „бандитов" включительно). Подобное ущемление хищных захватчиков происходит во всех тех отраслях подневольной жизни наших народов, которые там именуются „фронтами", и будет продолжаться до тех пор, пока чаяния их не будут осуществлены в той форме и в таком размере, которые бы отвечали требованиям нашего исторического прошлого и неот'емлемому праву кавказских народов на самостоятельно-государственную жизнь. Какими бы жертвами и трудностями не были чреваты пути к достижению этой заветной цели, территория свободолюбивого Кавказа никогда не перестанет быть плацдармом этой борьбы с врагом, который наивно расчитывает на захваченных наших землях довести дело пресловутого „мирного строительства социализма" до конца. Что-же касается нас, находящихся в эмиграции, то мы в одинаковой мере переживаем все судороги и конвульсии наших народов, готовясь неустанно к тому дню, когда сможем примкнуть к их рядам, выступившим на поле генеральной схватки с кровавыми насильниками. Но пока нам судьба сулила иное назначение,— держать палец на пульсе жизни и борьбы своих народов, не выпускающих из рук тот меч, которым они постепенно очищают путь к своей независимости и национальной свободе.

Мы, пребывая временно вне родных земель, лишены возможности бороться с врагами Родины нашей при помощи меча, но отсутствие этой возможности не должно убивать в нас способности пользоваться иными средствами борьбы, средствами, сыгравшими в освободительном движении многих возродившихся на наших глазах народов немаловажную роль. Не все эти средства мы можем в настоящее время использовать надлежащим образом; но слово правды, которое является на нашей терзаемой Родине запрещенным орудием борьбы, мы должны довести до такой громкой огласки, чтобы оно превратилось в могущество. В данном случае наша роль, как глашатаев этой правды, сводится к тому, чтобы неустанно знакомить мир с незыблемыми и священными правами наших народов на самостоятельно - государственную жизнь, разоблачая истинное лицо, вернее мерзкую харю, поправших это право и до сих пор стремящихся закрепить свои позиции на чужих землях сатанинскими и варварскими методами. Эта задача выполняется эмиграцией довольно успешно, и мир не остается в положении профана в вопросах нашей проблемы. Но наряду с этим мы не останавливаемся и перед тем, чтобы стремиться в возможной мере, как-бы, разгрешить наше недавнее прошлое от ошибок и грехов, помешавших закреплению нашей заветной цели и лишивших нас возможности защитить опять обретенную государственную независимость. Обсуждение этих внутренних, в сущности, дел не раз ставилось среди нас, как говорится, на порядок дня. При этом мы никогда не смущались тем, что не всегда приходили к полному соглашению при оценке различных фактов из нашего скорбного прошлого, не боялись и того, что принято называть выношением сора из избы.

Польза подобных устных или печатных диспутов--несомненна, ибо всякий критический подход к фактам совершившимся, подход с разных точек зрения, приближает нас к горькой или отрадной правде; а прошлое тогда только не теряет своей поучительности и своей суровой назидательности, когда известна вся его правда, когда события прошлого справедливо оценены и достаточно освещены. Этого-же каждый искренно должен желать, кто хочет быть прилежным учеником исторического прошлого.

Но чтобы эта полезность всяческих наших дискуссий и споров не уменьшалась, нужно высказывать свое особое мнение не ради самого только спора, не во имя какой-то словесной эквилибристики и не с целью блеснуть своей аргументацией, но с убежденным и искренним желанием выявить правду и примирить наметившиеся разногласия. Мирабо всю силу Робеспьера видел в том, что он сам всегда верил в то, что говорил. Это хорошее качество — говорить только то, во что сам веришь—присуще было, конечно, не только одному Робеспьеру; этого качества особенно нужно придерживаться тогда, когда мы обсуждаем вопросы, от освещения и формулировки каковых будут в известной степени зависеть в будущем наши собственные поступки, неизбежно повлияющие на весь ход реализации наших национально - освободительных планов.

Мы были не только свидетелями (и жертвами) последнего упадка государственной независимости кавказских народов, но также и живыми свидетелями того, как иные народы, добившись своей независимости при затрате колоссальных общенародных усилий, настолько закрепили за собой обретенное право на самостоятельно - государственную жизнь, что им уже российская „тюрьма народов" никак угрожать не может. Таким образом, мы имеем в своем распоряжении и чужие примеры, достойные подражания, и перечень собственных неудач и ошибок, достойных не только порицания, но и тщательного изучения. А, ведь, путем выявления минусов прошлого известным образом приобретаются плюсы для будущего.

Но подобно тому, как нельзя убаюкивать себя светлыми фактами прошлого, так нельзя поддаваться унынию и чувству своего рода дефетизма под влиянием вольных или невольных ошибок и неудач, вызвавших катастрофу. Не каждого, конечно, можно заставить быть великодушным при „отпущении грехов" всем тем, кто к ним был причастен; но с другой стороны, проливание слез и излияние желчи тоже не являются желанным, так сказать, орошением для „древа познания добра и зла" нашего прошлого.

Вообще же говоря, нас никто не имеет права упрекнуть в том, что мы время от времени охотно вдаемся в обсуждение всех тех причин и фактов, которые создали невозможность закрепления за кавказскими народами раз навсегда их неот'емлемого права на свободу и независимость, каковыми благами они пользовались короткий период в недавнем прошлом. Недаром у всех почти народов в разной фразировке существует поговорка — „у кого что болит, тот о том и говорит"; а что еще более может болеть, как не потеря историческим народом своей политической свободы, к тому-же в условиях, когда этот народ находится под небывалым в истории человечества деспотическим режимом тех, кто упорно продолжает доказывать миру, что бешенную злобу, террор, кровожадность, насилие и цинизм тоже можно превратить в особый культ!..

Ввиду того, что теперешняя неописуемая трагедия исстрадавшихся народов наших является результатом того, что им не удалось защитить своей обретенной и уже крепнущей было независимости от вандалов большевистского империализма,— то изучение причин подобной неудачи должно быть для нас делом поучительным и всегда актуальным.

* * *

Вполне понятным является поэтому тот отклик, который был вызван среди кавказцев статьей генерального секретаря варшавского Восточного Института, профессора д-ра Гурка,—„Роль людей и условий при созидании Восточной Европы XX века" („Всхуд-Ориент" № 2-3, 1936 г.), помещенной в переводе на русский язык в № 28-29 нашего журнала. Эта статья, полная конкретных и отчетливых формулировок, богата также материалом и фактическими данными, позволяющими не только автору, но и читателю с известной легкостью делать сравнительную оценку недавних событий. Для нового читателя припомним тезу:—решающим фактором в истории народов являются личные качества, суб'ективные свойства действующих персонажей, а не т. н. об'ективные условия.

Ввиду того, что компетенция автора позволила ему для своих сравнительных параллелей коснуться и причин упадка государственной независимости кавказских народов, то это обстоятельство побудило многих из нашей среды внести для освещения этого вопроса свою посильную лепту. Кроме статьи д-ра Гурка, наш читатель мог ознакомиться со следующими статьями: „Что было и что есть" (В. Кавтарадзе, „С.К." № 28-29); „К проблеме северокавкасской нации" (А. Кундух, в том-же номере); в следующем номере „С.К." (30-ом) появился ответ г-на Азери, а в № 38-40 встречаем хорошо разработанные статьи г-на Г. Уратадзе („Роль людей и условий в истории падения кавказских республик") и г-на Барасби Байтугана („Историю творят люди"). Повторяю, — проявление такого живого интереса к вопросам, в перечисленных статьях разобранным, нужно безусловно считать явлением весьма отрадным и нужно проникнуться чувством признательности по отношению к профессору Гурка, посвятившему свою эрудицию (не впервые) нашим вопросам. Мы сознаем, что подобные вопросы являются всегда актуальными, хоть они связаны с прошлым, которое, однако, никак нельзя назвать „безвозвратным", т. к. исторические факты из жизни целого народа могут зачастую, именно, повторяться и, как говорится, весьма часто возвращаться.

В редакционном предисловии к русскому тексту статьи д-ра Гурка („С.К." № 28-29) располагающее впечатление производят следующие строки: „Помещая весь этот материал, мы допускаем, что он может встретить возражения и вызвать те или иные дополнения и поправки. Всему этому мы охотно предоставим место в последующих номерах нашего журнала, т. к. считаем, что свободный и дружеский обмен мнений будет способствовать еще большей кристализации кавказской национальной мысли".

Позволю себе охотно воспользоваться обещанным местом и высказаться по этому вопросу без специального желания с кем-то полемизировать и без каких либо претензий на эффект и глубокомыс

ленность. Не собираюсь также умышленно избегать собственных откровенных мыслей, могущих совпасть с уже высказанными по данному вопросу, равно как не думаю опасаться очутиться в конфликте с чьим либо „авторитетным" мнением. Мимоходом замечу, что в английских кругах весьма распространено мнение, что между настоящими джентльменами не должно существовать разницы взглядов при разборе голых фактов.

Соглашаясь с тем, что историю творят люди (Кромвель, Вашингтон, Наполеон, Бисмарк, Шамиль, Клемансо, Пилсудский, Масарик, Муссолини, Кемаль Ататюрк и т. д.), с такой же охотой соглашусь и с тем, что эта история (события, приобретающие историческое значение) в немалой степени зависит и от господствующих в данное время условий; если это событие имеет местное значение, то ход его зависит лишь от местных условий, а если данный исторический факт приобретает мировое значение, то на него непосредственно или косвенно должно было повлиять международное положение вещей. Событием мирового значения нельзя называть каждый крупный факт, который стал известен всем людям вселенной, а лишь такое событие, которое отражается на жизни, судьбе и политике многих народов. Например, исчезновение Абиссинии из списка самостоятельных государств было весьма крупным событием, но вопреки мнению многих крупных политиков оно не приобрело мирового значения в строгом смысле этого слова, и, добавим, после него довольно быстро изгладились даже шероховатости во взаимоотношениях заинтересованных государств.

Если торжественно заявляется о том, что историю творят отдельные личности, то, ведь, вообще все на свете создается человеком после того, как Всевышний „почил" от дела сотворения мира:—человек обуздал природные стихии, он же делает всевозможные открытия; люди проникли в недра земли; благодаря трудам отдельных личностей человек путешествует над и под водой, летает в стратосфере, на безлюдном острове может слушать концерты всех столиц мира и мудрые или глупые речи вершителей человеческих судеб; отдельные личности делают чудесные открытия в области медицины, работают над изобретением искусственного сердца и т. п. И даже в этих отраслях истории человечества об'ективные условия имеют подчас весьма важное значение, а иногда даже и простой случай, как напр., открытие элемента радий при анализе урановой руды. Рекордные полеты на аэропланах совершает человек-летчик, пожинающий триумфы и славу; а разве в этом случае кроме суб'ективных качеств летчика не играют колоссальную роль об'ективные условия (качество аппарата и мотора, не предвиденные атмосферические катаклизмы и т. п.)?...

История (исторические события) вовсе не ждет терпеливо появления на сцену своих творцов-спецов, без которых, как будто-бы, история человечества „застывает" на одном месте. Весьма часто на человека, обладающего, конечно, изветными качествами, выпадает, неожиданно для него самого, сперва маленькая роль, которая благодаря развертывающимся событиям тоже увеличивается; в результате растянувшихся на продолжительное время и развившихся событий, данное лицо, как говорится, делает карьеру, попадая из вахмистров прямо в маршалы (Буденный) или даже делается историческим лицом, как мы условились называть, — творцом истории.

Безусловно не каждый поручик артиллерии годится в Наполеоны, но нужно, ведь, согласиться и с тем, что Бонапарта побудили выйти на сцену тогдашних деяний только разыгрывающиеся события, которые этого корсиканца превратили из ненавистника Франции в пламенного ее патриота и возвели в императоры. Нужно согласиться с тем, что едва ли кто иной на его месте на острове Эльбе мог бы обмозговать план триумфального возврата во Францию (1815 г.) и заставить, так скажем, историю предоставить себе еще „100 дней" правления; но почему все-же этот гений и несомненный сверхчеловек допустил, чтобы 73-хлетний старец, Блюхер, сделался его победителем под Ватерлоо и виновником окончательного на сей раз конца его карьеры? Воспользуюсь этим примером, чтобы подчеркнуть важность обоих факторов (личность и условия) и просто сказать: Наполеона сделали творцом истории его личные качества + благоприятствующие условия; поражение его под Ватерлоо последовало благодаря сложившимся условиям, создавшейся кон'юнктуре на поле брани, которая оказалась сильнее человеческого гения; маршал же Блюхер сделался творцом истории при далеко меньших личных качествах (чем Наполеон) благодаря той же стратегической ситуации, оказавшейся для него столь же благоприятной, сколь для Наполеона гибельной.

Данное прославленное лицо иногда оказывается случайным виновником крупного исторического события, которому суждено было и так сбыться при этих обстоятельствах. Человек своими личными качествами может ускорить это событие, добиться цели при меньшей затрате сил, средств и людских жизней, или, наконец, придать данному достижению большую знаменательность. Говоря о фактах военных, мы вполне бываем правы, когда называем то или иное лицо героем какого либо удачного сражения. Не трудно согласиться и с тем, что военная обстановка на поле брани могла с таким же успехом выдвинуть в эти герои иного военноначальника со средними способностями. Чтобы в этой отрасли, взятой для подходящего сравнения, договориться до конца, нужно признать, что весьма часто плохое положение на фронте исправляется личными дарованиями командира, но нередки и случаи, когда неблагоприятные условия на поле брани не могут уже быть преодолены суб'ективными качествами полководца; равно как очень часто бездарная личность становится официальным виновником блестящей победы благодаря случайно сложившимся условиям или непростительному промаху противника, о значении которых он даже не подозревал. Если бы мысленно заменить всех государственных людей и военноначальников воюющих во время всемирной войны государств иными лицами, то смело можно предположить, что исход войны со всеми ее последствиями был бы тот же самый, только некоторые эпизоды могли бы быть немного иначе разыграны.

Тоже самое можно сказать, имея в виду все

те сдвиги, которые происходят в истории жизни народов. Смешно возражать против голой формулы, что историю творят люди, ибо решительно все в жизни мы приписываем людям, а не мертвым предметам; но к этому обязательно нужно добавлять, что данные условия им иногда настолько благоприятствуют, что можно и не быть при этом гениальным, или настолько им не содействуют, что нужно быть гением, чтобы сделаться творцом данного исторического сдвига, т. е. творцом истории. Нужно не забывать того, что многомилионная нация всегда способна дать из себя в соответствующую минуту для той или иной цели нужных людей; при чем эти люди могут сделаться народными героями или же при неблагоприятных условиях не выполняют возложенных на них нацией задач, сколько бы их не сменяли все новыми и новыми лицами; и в последнем случае мы не вправе сказать, что данная нация не в состоянии была иметь в данный период достойных людей, а только согласиться с тем, что условия этого периода не дали им возможности сыграть лучшую роль. Условия имеют иногда большее значение, чем личные качества человека, а иногда суб'ективные свойства человека играют первостепенную роль в сравнении со значением об'ективных условий. Не характерно разве то, что в течении десятков лет та или иная крупная нация правится различными людьми, одно правительство сменяет другое, умерают одни, их заменяют другие и т. д., а в стране ничего экстроординарного не происходит. Мир в таких случаях мало знает о талантливых людях и пока что укрытых героях этой нации, которая, как будто бы, таит в себе до поры до времени нужных людей, при чем последние весьма часто и не подозревают, что их ожидает карьера или слава. Но зато когда наступает соответствующая кон'юктура, какое либо из ряда вон выходящее событие, то наступают об'ективные условия для проявления суб'ективных дарований.

Как для подтверждения важности значения личности, так и для доказательства влияния условий на ход и исход исторических событий, можно, ведь, привести достаточное количество примеров. Профессор Гурка справедливо заявляет, что „история не есть той magistra vitae, которая сама по себе дает некие рецепты постоянной и действенной во всех случаях политической акции"... Хочется еще к этому добавить, что и в разбираемом вопросе нельзя преподносить кому либо положений в виде аксиом, имеющих половинчатый характер; ибо примеров можно, повторяю, приводить бесчисленное множество, но нужно при этом помнить, что — „comparaison n'est pas raison". Пишущий эти строки не совсем может согласиться с безапеляционной формой заявления д-ра Гурка, что „момент успеха является наиболее верным показателем при оценке предшествующих политических и военных деяний и починаний". Успех импонирует всегда только толпе, но история-книга весьма часто отказывается от этого мерила и низводит с п'едестала людей, которым из-за их успеха толпа ошибочно воздавала хвалу; с другой стороны, она реабилитировала достойных людей, оклеветанных несправедливо современным им обществом, как виновников той или иной катастрофы. Успех весьма часто гармонирует с суб'ективными качествами его творца, равно как неудачи не менее часто сопутствуют людям, гениальным благодаря об'ективным условиям...

При оценке личностей, ставших после великой войны у аппарата возрождения независимой государственности своих народов, д-р Гурка, по моему мнению, слишком добросовестно пользовался моментом успеха, как „единственным мерилом." Поэтому получается впечатление, что уважаемый автор так заинтересовавшей нас статьи, для подтверждения своей тезы, взял примеры из освободительного движения угнетенных Россией народов, достигших своей цели, а для подкрепления антитезы — примеры неудачной эпопеи кавкасских народов и Украины; при этом автор, откидывая в сторону об'ективные условия, воздал хвалу вождям первых (и по заслугам!), деликатно укоряя вождей других, как не оказавшихся на высоте своего назначения. Подчеркиваю, что этого упрека вожди и правительства кавкасских народов вполне заслуживают, но, ведь, не на этих людях только должна была ограничиться способность народов наших дать для национального дела соответствующих людей? Величайший из римских историков первого столетия, Тацит (Tacitus Cornelius), считал, что боги дают героям для выполнения своей роли всего 15 лет; на много менее короткий срок существования кавкасских республик не дал возможности нашим народам „выцедить" из себя более талантливых людей, успех которых сделался бы более утешительным мерилом наших деяний. Те же люди, которых наши народы успели все-же дать, при этих об'ективных условиях самое большое что могли еще сделать— это создать при защите обретенной свободы и государственности более славную эпопею... своей неудачи. Исход был бы тот-же, но идея независимости при более героической защите политической свободы была бы сильнее внедрена в умах и сердцах наших народов. В сознании их была бы более крепка мысль необходимости дальнейшей борьбы с врагом за народное дело, стоющее уже стольких жертв. Борьба происходит, правда, и сейчас, но не назрела, видимо, та пора, которая должна создать более лучшие условия, более слабую для противника кон'юктуру, которых ждут с нетерпением неизвестные еще никому герои наших народов, а быть может и тот неизвестный, которому суждено сделаться творцом счастливой эры всего Кавказа.

* * *

Желая подчеркнуть свой об'ективный подход к данному вопросу, чистосердечно заявляю, что отнюдь не был бы удивлен, если бы натолкнулся на чье либо безмерно авторитетное мнение, придающее преимущественное значение личности в истории народов, как не тронула бы меня какая нибудь всемирная статистика, подтверждающая факт большего влияния об'ективных условий на ход истории. Подобный свой холодный и инертный об'ективизм могу, однако, оправдать тем, что в истории народов играют роль оба фактора, занимая в зависимости от данного события попеременно первостепенное значение. Английский писатель Карлейль (Carlyle, 1795—1881 г.г.) считал, что „история человечества складывается из

биографий героев"; афоризм, подтверждающий тезу о значении в истории личности, коронную тезу д-ра Гурка; другой писатель—драматург, небезизвестный Ибсен, утверждал, что „великие дела не бывают делом одних рук челевеческих"; французский ученый, Шарль Николь, считал, что „роль случая существенна, но случай обслуживает лишь тех, кто умеет его уловить", а греческий ученый и историк, Tucydides, даже полагал, что „для правления народом самыми подходящими являются люди с умом средней величины." Как видим, наш вопрос не терпит одностороннего подхода, а выдвинутую тезу необходимо было снабдить существенными оговорками. А разве привилось бы людям выражение — „его величество случай", если бы в истории не было достаточного количества фактов, говорящих за то, что подчас простой „случайный случай" может сыграть колоссальную роль?...

Не лишнее было бы ко всему этому добавить, что для того, чтобы сделаться славным, иногда помогает такое „об'ективное" обстоятельство, как быть близким по родству к славным людям; некий Galton подсчитал, например, что 100 знаменитых людей в Англии имели 31 знаменитых отцов, 17 знаменитых дедов, 41 прославившихся сыновей и 14 знаменитых внуков; жаль только, что в этой статистике не перечислены те поприща, на которых эти люди подвизались.

Было бы опрометчивостью также забывать о том, что историей народов руководят еще идеи; следует поспешить оговориться, что всякую идею тоже порождает ум человеческий, и она не бывает ниспослана с неба; но человек делается проводником и реализатором данной идеи лишь тогда, когда она, как говорится, созревает настолько, что ее можно привить или, при меньшем усилии, навязать данному человеческому коллективу или целому народу. Нам, ведь, известно, что ревностные служители какой либо идеи не-раз сменяются в ряде нескольких поколений, не достигая цели, ибо эта идея или еще не в достаточной степени созрела, или не приобрела еще благоприятных условий для своего торжества. Вот почему иногда менее одаренный человек доводит, все-же,— правда, гораздо позднее—до торжества данной идеи, чего не удалось сделать более талантливому человеку в предыдущую эпоху.

В „Мировой угрозе" Ювенала читатель может найти следующие строки: „С полным основанием революционные деятели могут считать началом великой российской революции не дату 27 февраля 1917 года, а день об'явления войны". Это вполне справедливо сказано, ибо война создала для ревнителей революционных идей об'ективные условия, совокупность которых в этом случае сыграла гораздо большую роль, чем весьма сомнительные суб'ективные качества вождей революции и всяческих проходимцев. Ленин двинулся из Цюриха, а Троцкий из Америки в Россию проявить свои „суб'ективные дарования" лишь в апреле 1917 года, когда они убедились, что дождались той „об'ективной" кон'юнктуры, которая только и могла дать им подходящее поле для деятельности. Ленин своевременно умер; суб'ективные качества Троцкого вознесли его, скажем, до зенита славы, но зато позже „об'ективные" условия оказались сильнее личности и он выбрасывается за борт большевистского ковчега, пребывая в настоящее время в Мексике и ожидая с нетерпением лучшей кон'юнктуры для „троцкизма" в Совроссии; если он дождется этого и, чего доброго, захватит власть, то сделается вторично „творцом истории", а если нет, то в Мексике же закончит свою жизнь, унося в могилу все свои старые и вновь приобретенные „суб'ективные" качества...

Нельзя, в ущерб значению личности в истории народов, придавать большее значение об'ективным условиям, равно как не следует умалять значение последних, делая человека непременным и всегдашним виновником исторических событий—полезных или гибельных. Кроме того, как выше уже говорилось, существует еще целый комплекс иных факторов, оказывающих свое влияние на всевозможные исторические сдвиги; а ввиду того, что небесные и природные силы в расчет не берутся, то во всем всегда, говоря просто, замешан человек, которому приписываются всяческие достижения или бедствия. Когда на специально сконструированном аппарате летчик бьет очередной мировой рекорд, то встречающая его тысячная толпа устраивает овацию только ему, как живому существу, в то время как бездушный герой—аппарат и его мотор не вызывают ничьего интереса. Но, ведь, и в жизни человечества имеется много различных „моторов", вплоть до темных сил, вертящих колесо истории.

Выше было упомянуто о значении в истории народов всевозможных идей, но о значении лишь в том случае, когда идеи эти в достаточной мере созревают. Что же касается идеи независимости угнетаемого народа, то подобная идея бывает уже зрела с первых дней наступившего порабощения; так что борцам за возвращение свободы своего народа не приходится ждать созревания идеи, гласящей о так всем понятной и так насущной потребности, обрести вновь потерянную самостоятельно-государственную жизнь. Но хотя порабощенный народ для осуществления этой своей заветной цели не останавливается ни перед какими жертвами, все-же, свою генеральную схватку с врагом он приурачивает к такому моменту, когда обстоятельства, названные нами об'ективными условиями, окажутся для него наиболее благоприятными.

Однако, нужно еще заметить, что эти об'ективные условия при хозяйничании врага-оккупанта тяжелы даже и тогда, когда в известный период они делаются сравнительно подходящими для вооруженного выступления против угнетателя. А потому дело разбития оков неволи с большим основанием можно приписать личным заслугам группы лиц, из числа коих обычно одно лицо выдвигается на первый план. Самыми красноречивыми примерами наших дней в этом смысле являются колоссальные результаты личных качеств и заслуг Юзефа Пилсудского, Масарика и Кемаля Ататюрка.

Что-же касается этого вопроса в связи с последней утратой кавказскими народами своей независимости, то с некоторым основанием можно было бы согласиться с гипотезой: 1) Если бы кавказские

народы проявили полнейшее единство и массово-стихийный энтузиазм в борьбе с красным нашествием, имея во главе себя людей, подобных упомянутым бессмертным народным героям, то они смогли бы удержать свою политическую независимость. Но ввиду того, что этого единства, которое легче проявить монолитной нации, у кавказских народов в этот период не было и принимая во внимание безудержную агрессивность захватнического империализма красной Москвы + всяческие другие об'ективные условия, вызванные поединком белых и красных сил, внесшим разнопевучесть, диссонансы и дифференциацию в среду передовых кавказцев и т. д.,— автор настоящих строк без какого либо научного подхода и не как историк (каковым не являюсь), а как живой и сознательный свидетель наших событий, может себе позволить на следующее заявление: 2) Кто бы в период 1918—1921 г.г. не стоял во главе отдельных кавказских республик или во главе общекавказского штаба обороны от красно-русского нашествия, Кавказ неминуемо подпал бы под эгиду большевистской России.

Таким образом, вся действительная сущность нашей последней трагедии говорит за то, что скорее можно досадовать на весь комплекс неблагоприятных для нас тогда условий, чем негодовать на людей, на долю коих выпала тяжелая и невыполненная задача защиты такой огромной ценности, каковой являлась для кавказских народов государственная и национально-культурная независимость. Еще раз, однако, повторяю, что другие люди с более высокими суб'ективными качествами, при тех же об'ективных условиях, могли бы, все-же, создать более героическую эпопею защиты нашими народами упомянутой выше ценности. Вызвавший нашу весьма полезную полемику, д-р Гурка в своей статье выражает мысль, что, дескать, чье либо высказывание „vae victis" (горе побежденным!) особенно тяжело читателю, происходящему из среды потерпевших поражение народов. На это хочется сказать, что это тяжелое ощущение во многом облегчается сознанием того, что вся история борьбы кавказских народов со своим извечным врагом так была полна яркими примерами героизма, рыцарства и безоглядной жертвенности, что сыны Кавказа вполне заслуживают того, чтобы их мир приветствовал иными словами—„victis honor!" (слава побежденным!)...

Никак не могу согласиться с таким умалением значения об'ективных условий, с каковым согласились некоторые мои соотечественники и которые выражено у д-ра Гурка словами: „...условия не играют решающей роли, а являются *канвой, фоном* (курсив мой—К.), на котором человек сам ведет свою судьбу к победе или поражению"... Читатель наверное заметил, что в настояшей статье я воздержался от конкретной дискуссии с моими сородичами, успевшими тоже высказаться по всему об'ему разбираемого вопроса, ибо сознаю, что у каждого из нас были собственные впечатления, влияющие на оценку тех или иных эпизодов нашей последней трагедии, и поэтому следует уважать мнение каждого. Но чтобы нить моих рассуждений не была, так сказать, оборванной, в заключение скажу еще следующее:

Если историю народов только творят личности или группы лиц высоких суб'ективных качеств, не взирая ни на какие об'ективные условия, то из этого бы вытекало, что в течение этих 20-ти лет 12 миллионов кавказцев не смогли до сих пор осуществить своей заветной цели потому только, что не нашлись еще среди них такая личность или группа лиц, которые бы обладали для этой цели надлежащими суб'ективными свойствами. Это было бы не весьма лестно для нас, если бы мы не согласились с тем, что: *наши народы на родине + их активные представители на чужбине вовсе не ждут нарождения или появления в своей среде какого-то спеца—„творца истории" с необходимыми для него суб'ективными качествами, а ждут с большим нетерпением именно тех об'ективных условий, той кон'юктуры, при которых имеющиеся личные качества сынов многострадального Кавказа оказались бы вполне достаточными для победы над врагом и реализации раз-навсегда нашей святой идеи независимости Кавказа.*

Лишь тогда и никак не раньше мы убедимся в том, что наши народы не терпят недостатка ни в героях, ни в творцах более счастливой своей истории. Когда же наша заветная цель будет достигнута, тогда мы вдоволь наговоримся о том,—который из разбираемых факторов оказался главным залогом нашей победы. Пока же наши времена, чреватые всевозможными неожиданностями и парадоксами, не должны позволять нам упорно держаться всяческих „куцых" формул, как незыблемых аксиом.

Догуж

КОНЕЦ „СТАРОЙ ГВАРДИИ"

Текущая осень ознаменовалась в СССР небывалыми до сих пор массовыми репрессиями против руководящих кадров т. н. национальных парторганизаций. Репрессии эти нашли широкий отклик и на Северном Кавказе. У нас полному разгрому подверглись партийные руководства в Дагестане, Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. В числе „врагов народа" оказались такие видные коммунисты, как Нажмуддин Самурский, первый секретарь дагобкома ВКП(б), Керим Мамедбеков, председатель дагест. совнаркома, Магомет Далгат, председатель дагцика, Горчханов, председатель чеченоингушского исполкома, Данэл Тогоев, председатель североосетинского исполкома, и др. Все они, казалось, верой и правдой служили Сталину и большевизму, и лояльность их в отношении режима до самого последнего времени не возбуждала никаких сомнений.

Правда, на партконференциях весной текущего года в выступлениях многих из них уже чувствовалась некоторая неуверенность и даже страх, но и этой момент, отмеченный нами в прошлом номере,[1]) не предвещал размеров репрессий.

Началось, по обыкновению, с обличительных заметок в „Правде" и „Известиях". Но и здесь сравнительно умеренный тон не грозил ничем из ряда вон выходящим. Однако, отклик на местах, повторяем, прозвучал с ненаблюдаемой до сих пор силой, радикально изменив состав руководящих коммунистических кадров на Северном Кавказе.

Начнем с описания событий в Дагестане.

25 сентября т. г. в „Правде" появилась заметка под заглавием *„Гнилая позиция дагестанского обкома"*, в которой говорилось, что Дагестан в течении ряда лет находился во власти *„буржуазных националистов"* и что и теперь в бюро обкома ВКП(б) пребывают *„матерые националисты"*. В качестве примера упоминались председатель ЦИК Магомет Далгат и председатель сонаркома, б. чекист Керим Мамедбеков. Наряду с этим, перечислялись „контрреволюционные националисты" Коркмасов, Астемиров и Габиев, из которых последние два арестованы несколько месяцев тому назад (может быть и расстреляны; относительно Багау Астемирова это можно утверждать с полной вероятностью), а первый с 1933 года проживал в Москве, работая в т. н. комитете нового латинизированного алфавита. В заключении писалось о первом секретаре дагобкома ВКП(б) Нажмуддине Самурском, который-де, располагая *„всем обличительным материалом"*, *„...странно, непонятно бездействует"*.

Ответ на эти обвинения последовал в „ударном порядке". Уже через день, 27 сентября, бюро дагобкома обсудило заметку и зафиксировало свое решение в особом постановлении. Далгат и Мамедбеков были исключены из партии: первый — как *„контрреволюционный буржуазный националист, выученик и последователь фашиста-националиста Коркмасова"*, второй — как *„покровитель и сообщник буржуазных националистов и троцкистских бандитов".*[2]) Относительно же Самурского постановление гласит, что *„бюро дагобкома не удовлетворяют об'яснения тов. Самурского по целому ряду обвинений, выдвинутых ему на бюро обкома"* и что *„бюро дагобкома считает необходимым эту линию поведения т. Самурского сообщить пленуму обкома и ЦК ВКП(б)"*. Фактически же судьба Самурского предрешалась уже в самом постановлении — характером пред'явленных ему в нем обвинений. В 1934 г. он *„пригласил в Дагестан Томского"*, а еще раньше, в 1924 году, подписал документ, адресованный ЦК, который *„является программой действий буржуазных националистов и пантюркистов"*.[3]) Затем он *„проявлял гнилой либерализм и смыкался с буржуазными националистами"* и поэтому *„несет всю полноту ответственности за ту разрушительную работу, которую враги народа, буржуазные националисты в Дагестане, вели на протяжении ряда лет"*.

Как видим, все это более чем достаточно для того, чтобы и Самурский попал в число „врагов народа". И действительно, еще через два дня, 30 сентября, на собрании махачкалинского (шамилькалинского) партактива, посвященном все той же заметке „Правды", Самурскому был пристегнут не только этой эпитет, но и звание *„идеолога буржуазных националистов"*.

Но прежде чем перейти к рассмотрению собрания махачкалинского партактива, остановимся несколько на судьбе Джелала Коркмасова, имя коего дважды упоминается в постановлении бюро обкома. Коркмасов — единственный среди северокавкасских коммунистов „старый большевик", член партии с 1903 г. и „друг Ленина", как он любил рекомендовать себя, пользуясь тем, что в бытность в эмиграции встречался с основателем большевизма. В постановлении Коркмасов назван *„фашистом- националистом"*. Даже Зиновьев и серия прочих расстрелянных совсановников назывались и называются лишь „агентами фашизма". Кормкасов же в иеррархии „врагов народа" удостоился несомненного повышения. Ясно, конечно, в этих условиях, что и его следует уже исключить из списка живых людей. Расстрел Коркмасова тем более вероятен, что и с целым рядом других видных северокавкасских коммунистов было покончено втихомолку, без шума (Идрис Зязиков, Сахан-Гирей Мансуров, и недавно, Хамшик Камбиев, Курбан Курджиев и др.).

Но вернемся к собранию махачкалинского партактива. На этом собрании был выявлен длинный список „буржуазных националистов", в который вошли: Дж. Коркмасов, Н. Самурский, К. Мамедбеков, М. Далгат, Тахо - Годи, Малачиханов, Темирханов, Ибрагим Алиев, Саид Габиев, Пайзуддин Гаджиев, Дебир Саидов, Хан-Магомедов и др. Большинство из них в той или иной степени способствовали приходу коммунизма на Северный Кавказ и вправе были считать себя, если не „старыми большевиками", то во всяком случае „старой гвардией" северокавказского большевизма. Сейчас, после заметки „Правды" и предыдущих, как равно и последующих „разоблачений", все они арестованы, а многих из них уже нет в живых.

Собрание партактива в Шамиль-Кала довольно подробно выявило содержание пред'явленных всем этим лицам обвинений. Интереснее всего, что многие из обвинений не могли быть неизвестны, задолго до „разоблачений", тем, „кому о том ведать надлежит". Итак, например, не могла быть неизвестна писанина Самурского (ряд книг и брошюр), изданная госиздатом и легально распространяемая, в которой автор, восхваляя советский режим и не забывая при этом и себя, отстаивал, однако, самобытную сущность Дагестана и прочих

[1]) См. статью „О чем говорилось на партконференциях", в которой Д. Тогоев назван был нами „кандидатом в подвалы чека".

[2]) „Даг. пр.", 28-IX-1937.

[3]) Речь идет о протесте видных дагест. коммунистов (43 подписи) против присоединения ДагССР к б. Юго-Восточной области, в которой горское население было майоризировано русским.

горцев и доказывал, что Северный Кавказ требует иных метод советизации, чем русские районы СССР.[4]) Не могло быть неизвестно и упоминаемое выше письмо-протест на имя ЦК партии, в котором дагестанские коммунисты возражали против нахождения ДагССР в составе б. Юго-Восточ. края, равно как нельзя было сокрыть и „социальное происхождение" недавних „вождей". То-же самое можно сказать и о многих других фактах. Но в выступлениях „генеральных обвинителей" на собрании партактива — второго секретаря обкома Сорокина, члена бюро обкома Ломоносова и представителя совконтроля Гуляева[5])—эти данные преподносились как нечто новое, только что открытое благодаря бдительности соответствующих партийных и советских органов. Как особенный курьез, считаем нужным отметить „разоблачения", касающиеся „социального происхождения" Самурского, о котором „только теперь" стало известно, что он *„сын крупного барановода, бывший управляющий у одного из бакинских капиталистов и провокатор".[6])*

Однако, „генеральные обвинители" приводят и несколько новых, или во всяком случае малоизвестных, фактов. Так например, Ломоносов говорит, что

„Магомет Далгат признал, что и документы о выходе из Юго-Восточного края и другие вопросы буржуазные националисты, по инициативе Коркмасова, Самурского, Тахо-Годи и Далгата, всегда обсуждали предварительно нелегальным антипартийным порядком в своем узком кругу, в который допускались только хорошо проверенные буржуазные националисты".

И далее:

„Так создалась тесно спаянная группа буржуазных националистов, замаскировавшихся и ушедших в подполье. Эта группа оформилась организационно в 1922 году, когда она подписала связывающий ее документ, в котором «все нижеподписавшиеся дают клятву в том, что они будут поддерживать друг друга и предварительно разрешать все стоящие в партийных и советских органах вопросы»".[7])

Т. е. все антисоветские акты проводились в организованном порядке. Но это не помешало возникнуть „склоке" среди руководителей дагпарторганизации. Об этом факте, дошедшем до нас частным путем, мы говорили в прошлых своих статьях. Сейчас это подтверждает в своем выступлении и Ломоносов. По его словам, в Дагестане имелись две группы: группа Коркмасова и группа Самурского — Саида Габиева.[8])

„По существу — заявляет Ломоносов — *это была маскировавшаяся групповой борьбой единая буржуазно-националистическая контрреволюционная группа, состоящая из выходцев из буржуазных и помещичьих элементов, по принципиальным вопросам всегда находившая единый язык".*

Итак, например:

„В языковом вопросе все боровшиеся между собой группу сходились на позициях пантюркизма, проповедывали внедрение тюркского языка, тормозили изучение русского языка, закрывая этим самым бедноте ход в среднюю и высшую школу".[9])

И еще:

„Сходились между собой различные группы и по вопросу оценки старой буржуазной интеллигенции. Они всячески лелеяли и приближали к руководству таких людей, как бывший капиталист Абдуллаев, таких людей, как Эмиров, Малачиханов, Темирханов и др. Поддерживали они и помещиков и князей, бежавших в Дагестан из Кабардино-Балкарии и других национальных республик Северного Кавказа—таких, как Дударов, Тавкешев и др. Стараясь закрепить за буржуазными националистами положение, Тахо-Годи и его подручные готовили свои кадры, посылали в вузы и устанавливали повышенные стипендии детям князей и помещиков, детям полковника Алибекова, Донагуева и других врагов дагестанской бедноты".

Все это заставляет Ломоносова считать Самурского лишь *„формальным врагом"* Коркмасова. Но насколько нам известно, между этими двумя лицами существовала действительная и глубокая неприязнь. Мы уже имели случай отметить, что вызов Коркмасова в Москву и полное отрешение его от активной работы было делом рук Самурского, который для этой цели потратил в Москве много усилий. Самурский, использовав прямоту Коркмасова в постановке языкового вопроса (Коркмасов называл русский язык „языком - завоевателем"), требовал даже его ареста. Но заступничество Орджоникидзе спасло на этот раз „друга Ленина". Однако, в конце концов он не избег своей участи, как не избег ее и его „формальный враг".

Рассматриваемое собрание раскрыло нам не только закулисную сторону взаимоотношений среди „старой гвардии" большевиков Дагестана, но и еще один факт, который был также известен, но о котором, как и о „формальной вражде" между Самурским и Коркмасовым, до сих пор открыто не говорилось.

Мы имеем в виду переселенческую политику советской власти. В нашем журнале неоднократно уже писалось, что советская власть, несмотря на

---

[4]) Правда, года 3-4 тому назад „труды" Самурского, в числе многих иных книг северокавказских авторов, были из'яты из обращения. Но и это не могло быть неизвестно органам ОГПУ, а главное, не отразилось на назначении Самурского секретарем обкома ВКП(б), совпавшим по времени, как раз, с из'ятием „неблагонадежных" книг.

[5]) Знаменательно, что большинство „разоблачителей" и почти все авторы печатных доносов, массами появившихся в последнее время в северокавказских советских газетах, являются русскими или носят русские фамилии. Большинство же „разоблачаемых" — горцы.

[6]) „Даг. пр.", 4-X-1937.

[7]) „Даг. пр.", 2-X-1937.

[8]) Ломоносов является первым коммунистом, который говорит явно и в печати об этой вражде.

[9]) Ломоносов не считает нужным сказать, что на Северном Кавказе, в том числе и Дагестане, велась (и ведется) борьба одновременно и за деруссификацию средней и высшей школы. А затем, ведь, здесь-же под боком, в Азербайджане, имеются средние и высшие школы, номинально „тюркизированные".

всяческие уверения, не собирается разрешить земельного вопроса на Северном Кавказе. Переселение из гор на плоскость, проводимое микроскопическими дозами, а в последние годы совершенно прекращенное, мы всегда считали лишь демонстрацией, но не планомерной акцией, способной принять надлежаще широкие формы. Сейчас большевистские водители, сняв и в этом вопросе маску и раскрыв свои карты, всецело подтверждают нашу точку зрения.

Одним из главных обвинений, пред'явленных Сорокиным и Ломоносовым „буржуазным националистам", является их отношение к т. н. земельно-водной реформе. „Буржуазные националисты" считают, что земельную нужду в горах можно разрешить лишь путем переселения излишка населения на плоскость. Самурский в одной из своих брошюр называл горы *„каменным мешком"*, в который завоеватель втиснул автохтонов. Нужно помнить, что в горах земельные наделы составляют десятые и сотые доли гектара на душу. Неудивительно поэтому, что даже твердолобые Коркмасовы и Самурские видели единственный выход из положения в массовом переселении на плоскость. Но, будучи всегда оппортунистами, они не смогли настоять на своем в первые годы большевизма, когда их голос что-то еще значил. В результате, им, как и их товарищам в других „автономиях" Северного Кавказа, удалось переселить лишь незначительную часть населения нагорных районов, что не внесло в земельный вопрос никаких, по существу, изменений.[10])

Но сейчас даже это ставится им в вину. Они— говорит Сорокин — исходили из *„крылатой фразы идеолога буржуазных националистов Самурского о том, что горы — это «каменный мешок» для горца"*. Сорокин же и Ломоносов считают, что земли в горах достаточно и земельная реформа должна свестись только к выселению „кулаков" и передаче земли „бедноте". Выселять, конечно, нужно не на близлежащую плоскость, а в „отдаленные места Советского союза". Таким образом, если мы учтем ничтожные размеры земельных наделов в нагорной полосе, то получим, что для наделения „бедноты" относительно достаточным количеством земли необходимо будет выселить, по меньшей мере, $^4/_5$ населения нагорных районов, причислив его к „кулакам".

Таковы конечные положения, кои должны завершить пресловутую „земельную реформу", бывшую еще недавно одним из главных козырей советской пропаганды на Северном Кавказе.

Резолюция, принятая партактивом после выступлений Сорокина, Ломоносова и др., официально об'явила „врагами народа" не только исключенных из партии бюро обкома Магомета Далгата и Мамедбекова, но и Самурского, Тахо-Годи, И. Алиева, С. Габиева и др., не исключая и отсутствовавшего в Дагестане в течении нескольких лет „фашиста - националиста" Коркмасова.[11]) В этот список вошли все остававшиеся еще у власти представители „старой гвардии", активно содействовавшие большевизму сначала в составе т. н. дагест. социалистической группы, затем „Совета обороны" и, наконец, на различных высоких должностях как в самом Дагестане, так и вне его (Саид Габиев).

Перейдем ныне к событиям в Чечено-Ингушской ССР. Здесь также начало было положено заметкой в „Правде".[12]) Разница только в том, что разоблаченные руководители местной парт. организации и советских учреждений (Горчханов, Вахаев, Окуев и Казалиев) не принадлежали к числу „старой гвардии", которая в Чечне, как знаем, подверглась „ликвидации" уже несколько лет тому назад (Идрис Зязиков, Арсанукаев и др.). В „социалистическом строительстве" они были сравнительно новыми людьми, не исключая и самого старшего из них (по летам) Горчханова, председателя исполкома. Судьба их аналогична судьбе разоблаченных дагестанских коммунистов: сначала осуждение бюро обкома ВКП(б), затем грозненским (сунджкалинским) партактивом, наконец, изгнание из партии и, вероятно, арест, а может быть, и расстрел. Останавливаться на всем этом не будем за неимением места. Зато задержимся несколько на том море доносов, которое появилось после заметки „Правды" на страницах „республиканского органа" на русском языке, газ. „Грозн. рабочий". При чем, характерное явление: „разоблачались" только „буржуазные националисты", а авторами заметок были почти исключительно лица, носящие русские фамилии.[13])

Так, например, был разоблачен блюститель советской справедливости, республиканский прокурор Мехтиев. Автор одного из доносов, Г. Тихонов, называет его *„ставленников Горчханова, Вахаева и Окуева"* и *„буржуазным националистом"*. Мехтиеву вменяется в вину, что он покрывал злоупотребления партийцев-„националов", а русских всячески преследовал. *„Подлец Мехтиев* — пишет Тихонов — *всячески покрывал своих ставленников"*. И здесь эпитет, данный Мехтиеву, свидетельствует по меньшай мере об его отрешении от должности, хотя нигде об этом открыто не говорится и еще в сентябре он руководил прокуратурой.

Затем показателен донос некоего Ал. Череповского на работников и руководителей искусства Чечено-Ингушской ССР.[14]) *„Развитие чечено-ингушского искусства, национального по форме и социалистического по содержанию, подрывала свора буржуазных националистов"*—утверждает Череповский. „Буржуазные националисты", по его словам, ставили на сцене национального театра контрреволюционные пьесы; они всячески мешали *„развитию в республике высокой музыкальной*

[10]) На большинстве т. н. свободных земель советская власть образовала совхозы, продолжая, наряду с этим, колонизаторскую политику царского правительства — т. е. заселяя Северный Кавказ переселенцами из русских областей.

[11]) „Даг. пр.", 5-X-1937.

[12]) См. отдел хроники в предыдущем номере ж. „С. К".

[13]) Авторы доносов: Р. Иванов (несколько заметок), Иванов-Янус, И. Славин, сообщество Гарный и И. Ильский (несколько заметок), Вассунг, Г. Тихонов, А. Антипов и т. д. в том же духе.

[14]) „Гр. раб.", 9-X-1937.

культуры", что выразилось в препятствовании *„внедрению в национальный оркестр европейских инструментов"* (по всей видимости, балалаек, ибо в Чечено-Ингушетии существует только струнный нац. оркестр). Затем 2 года тому назад в Суюндж-Кала прекратил свое недолговечное существование русский драматический театр. *„Такой театр,* — пишет по этому поводу Череповский — *конечно, пришелся не по вкусу буржуазно - националистской своре. Буржуазно-националистские бандиты закрыли театр, сославшись на его убыточность".* Наконец,*„Горчханов и его волчья свора"* отказались субсидировать „казачий хор" ст. Слепцовской, одной из немногочисленных казачьих станиц, оставшихся еще в Чечне.

„Вредительству на фронте искусства — призывает в заключении автор заметки —*пора положить передел. Вредители должны понести суровое наказание. Надо немедленно убрать вражеские рогатки* (т. е. последние остатки подлинно национального искусства — Д.) *на пути развития нашего (?) искусства, выкурить из всех нор и изгнать замаскировавшихся врагов народа и их сподвижников".*

В ряде заметок „разоблачаются": братья Ханиевы, Магомет и Исраил, руководители назрановского района;[15]) Налаев, председатель Ачхой-Мартановского райисполкома, *„сын пристава и крупнейшего торговца, зять муллы Ножаева Ахмеда";* Муссаев Иса, начальник управления местной промышленности в Шатое, *„один из крупных купцов старой Чечни"* и *„родственник буржуазного националиста Окуева";* начальник районной милиции в Шатое Хасаев Джабраил, заведующий торготделом там - же Муссаев Абубакар, брат Иса, и многие другие.

Особо следует остановиться на Арсанукаеве Халиде, заведующим чечингнациздатом, и Арсанове Саиде, директоре научно - исследовательского института.

Первый из них является братом б. председателя исполкома Арсанукаева, умершего несколько лет назад, и Иналука Арсанукаева, „князя Дышнинского", бывшего „великим визирем" у Узум-Хаджи. О втором же газ. „Грозн. раб." (23.IX.1937) пишет:

„По анкетам, он сын старо-юртовского батрака. Однако, в царское время ему удается окончить реальное училище и высшее учебное заведение в Петрограде. История не знает таких примеров, чтобы детям батраков так широко раскрывали двери к учебе царские сатрапы".

И далее:

„Арсанов дважды был в Германии — с 1911 по 1914 год и в 1917-18 г.г. Там он состоял в партии анархистов. В СССР он работал в местах, представляющих особый интерес: Москва, Ленинград, Баку, Одесса, Грозный, Дальний Восток, Арктика. Мы не сомневаемся, что под маской директора научно - исследовательского института Арсанова Саид-Бея скрывается враг".

Таким образом, как видим, авторы заметки (Гарный и А. Ильский) пытаются выставить Арсанова в качестве „шпиона германского фашизма". Наряду с этим, как Арсанов, так и Арсанукаев обвиняются в „буржуазном национализме", в том, что они окружили себя сотрудниками, которые *„являются социально-чуждыми людьми"*,[16]) издавали *„материал явно националистического порядка"*, и т. п. Благодаря деятельности этих „врагов народа", из'яты из обращения, уже изданные, 19 названий политической литературы, 17 учебников и 3 названия художественных произведений. Подлежит из'ятию еще целый ряд книг.

Приводя биографию Халида Арсанукаева, „Грозн. раб." вспоминает и о брате его, Иналуке Арсанукаеве, — *„палаче чечено-ингушского народа — князе Дышнинском, иначе именуемом великим визирем контрреволюционного эмирата Узум - Хаджи"* и добавляет: *„Впоследствии этот враг был расстрелян".*[17])

Эта последняя фраза раскрывает нам еще одно злодеяние чекистских молодцов, вернее официально подтверждает то, о чем говорилось в Чечне втихомолку: смерть Иналука Арсанукаева есть делом рук „чека". Дело в том, что после прихода большевиков Арсанукаев некоторое время скрывался в горах, а затем был „амнистирован" и проживал в Суюндж-Кала. Через некоторое время, возвращаясь ночью на квартиру, он был убит недалеко от своего дома „неизвестными лицами". Убийцы, конечно, не были разысканы. Сейчас И. Славин, автор заметки в „Гр. раб.", не считает уже нужным скрывать их адрес и прямо говорит, что Арсанукаев *„был расстрелян".* Это свидетельствует о том, что чекисты на Северном Кавказе чувствуют себя уже достаточно сильными и находят излишним маскировать не только массовые расстрелы последнего времени, но и свои старые „грехи".

Перейдем ныне к событиям в Северо-Осетинской ССР. Здесь также — подобно Дагестану — „старая гвардия", представляемая последними остатками „керменистов", большевизанствующей группы осетинской интеллигенции, подверглась полному разгрому. О степени этого разгрома говорят следующие строки, взятые нами из газ. „Соц—кая Осетия" от 1.X. 1937:

„Такоев Даукуй и Дзандар — близкие родственники предателя кровных интересов осетинского народа Симона Такоева. Они вместе с дру-

[15]) О Маг. Ханиеве сказано: *„в чине полковника Ханиев пребывал при генеральном штабе правительства Узум-Хаджи, а затем был выдвинут министром торговли".* Он же называется *„личным другом бывшего секретаря ингушского обкома Зязикова".* („Гр. раб.", 15-IX-1937).

[16]) О сотрудниках этих „Грозн. раб." от 16-IX-1937 (автор заметки И. Славин) пишет: *„„Заведующим производственным отделом и заместителем издательства (нациздата — Д.) работал разоблаченный враг народа Шахгиреев. Литературным сотрудником — враг народа Эдиев, зам. ответредактора — враг народа Бектемиров, авторами учебников — Ножаев Ахмат, бывший мулла, Мациев Ахмат — сын крупного торговца, Яндаров Халид — бывший пристав, Закариев Джамал — бывший торговец, Хаджиев Саид Ахмат — заведующий производственным отделом издательства, сын контрреволюционера".* Все эти лица сотрудничали и в научно-исследовательском институте.

[17]) „Гр. раб.", 16-IX-1937.

гими буржуазными националистами: Тогоевым Данилом, Елбаевым Дзандаром, Корнаевым Мусса, Арсаговым Горга, прикрываясь партийными билетами, вели контрреволюционную буржуазно - националистическую работу, создавали в руководящих органах республики безконечную склоку и контрреволюционную групповщину"...

И далее:

„Они — по прямой указке своего вожака Симона Такоева — вели преступную работу, направленную на развал народного хозяйства и культуры республики, задерживали рост преданных партии национальных кадров, насаждали вокруг себя своих близких и родственников — людей, враждебных партии, буржуазных националистов с темным прошлым".

В этой заметке перечислены фактически все те из „старой гвардии", кто еще продолжал играть в советском аппарате какую-либо роль, уцелев во время предыдущих «чисток». Характерно также, что и в Северной Осетии в лоне „старой гвардии" велась борьба между различными группами, процветала „контрреволюционная групповщина". И об этом мы кое - что знаем. Сначала Сахан Гирей Мансуров, виднейший „керменист", „кончил" другого видного „кермениста" Симона Такоева, сплавив его, как Самурский Коркмасова, в Москву. Затем „кончили" и самого Мансурова. В прошлом году „выканчивались" Казбек Бутаев, Гино Бараков, Шамиль Абаев и др. А сейчас, как видим, все — и „победители", и „побежденные", не исключая и „москвича" С. Такоева, — об'явлены „буржуазными националистами" и „предателями кровных интересов осетинского народа". Факт этот говорит о том, что, несмотря на „склоку", коммунисты-„националы" единодушны в одном: в разочаровании по отношении к советской власти и в стремлении умалить, по возможности, влияние Москвы в национальных районах.

Разгром и в Сев. ОсССР происходил по известному уже шаблону: заметка в „Известиях" (28.IX.1937 г.), затем собрание бюро обкома ВКП(б), потом орджоникидзевского (терккалинского) партактива,*) который признал решение бюро слишком мягким, и, наконец, новое решение бюро обкома. В результате, об'явлены „врагами народа" и исключены из партии: Тогоев Данэл— предисполкома, Таболов Г. — зав. сельхозотделом обкома, Елбаев Дзандар — б. зав. облнарздравом, Такоев Даукуй — б. председатель совпрофа, Такоев Дзандар — председатель ушоссдора (управление шосс. дорог), Цаликов Е. — зав. финотделом, Карсанов Хатакцико — зав. отд. электрофикации, Хоранов Ч. — зав. облОНО, Аладжиков А. — зав. торговым отделом, Дзгоев Алибан — зав. коммунхозом Терк-Кала, Корнаев Мусса, Галаев Степан — б. редактор газ. „Растдзинад", и др. *) Конечно, большинство из вошедших в этот список уже „изолированы", хотя советские газеты об этом и не пишут. Не могут же „враги народа" оставаться на свободе и продолжать свою „предательскую" работу...

Заканчивая наш обзор, мы еще раз говорим, что, в итоге арестов и „чисток" последнего года, разгромлены остатки „старой гвардии" северокавкасского большевизма. С арестом Самурского, Мамедбекова, Тогоева и др. сошли со сцены последние „ветераны" активного большевизма на Северном Кавказе — остатки тех, кто сознательно и действенно способствовал приходу к нам советской власти**). Все они получили заслуженное возмездие, став жертвой тех, чье господство всячески по началу старались укрепить. Но наряду с этим, пострадала вообще вся северокавкасская коммунистическая верхушка — руководство партийных организаций всех без исключения республик и областей Северного Кавказа. Великодержавный русский большевизм не может сожительствовать с национальным чувством даже в том случае, если последнее проявляется в минимальной степени. Поэтому конфликты, подобные рассмотренным, неизбежны, и они будут продолжаться до тех пор, пока не будет отстранена их основная причина: господство русскаго большевизма над нерусскими народами.

---

*) В партактивах городов Северного Кавказа представлены, главным образом, русские коммунисты. Таким образом, они по существу являются одной из форм контроля нацпарторганизаций.

*) „Соц. Осетия", 18-X-1937.

**) Исключение составляет Бетал Калмыков, первый секретарь каб.-балк. обкома ВКП(б), ловко лавирующий среди противоречий сталинского режима и не менее ловко приносящий в жертву собственной безопасности подчиненных себе партийных работников (целая серия арестов и расстрелов районных работников в прошлом и текущем году).

А. А.

Турецкий деятель об Азербайджане

Известный турецкий журналист и общественно-политический деятель—господин Мухиддин Бирген— в стамбульской газете „Сон-Поста" (Последняя Почта) опубликовал целую серию статей под общим заглавием „Десять лет в Единение и Прогресс".

„Единение и Прогресс"—это официальное название младотурецкой партии, по турецки: „Иттихад ве Таракки".

Мухиддин Бирген в этих статьях дает подробный очерк своих воспоминаний о названной партии. Надо сказать, что автор долгое время редактировал центральный партийный орган — газету „Танин." Таким образом, его сообщение о жизни и деятельности могущественной организации, в свое время ликвидировавшей деспотию „красного султана", Абдул Хамида, и целых десять лет, в вихре страшных войн и восстаний, управлявшей оттоманской империей—приобретает особенное значение.

Для нас, кавказцев, из этой серии воспоминаний особенно интересны последние две главы: („Унионисты в эмиграции“ и „Последний унионист в Азербайджане“), где автор дает сведения об Азербайджане и в связи с этим высказывает очень ценные взгляды о кавказской политике вообще.

Мухиддин Бирген 1921, 1922 и 1923 г.г. провел на Кавказе и в России, а от 1922 до 1923 года, по приглашению нар. комиссариата просвещения АзССР., служил профессором в Азербайджане, что еще более увеличивает ценность его сообщений и взглядов.

Из всех данных Мухиддина об Азербайджане, охватывающих около 40 фельетонов, мы извлекаем наиболее для нас интересные моменты в нижеследующем порядке:

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА АЗЕРБАЙДЖАНА

Азербайджанская проблема, по взглядам Мухиддина Биргена, связана с кавказской проблемой, а Кавказ „является одним из важнейших перешейков истории“. Тут скрещиваются культуры оттоманов, персов и России. В этой стране, обладающей гораздо большей этнической мозаикой, чем Македония, тюркский элемент имеет громадное значение. Общепринятым международным языком для низов является в ней тюркский язык, в противовес русскому языку, который является таковым для интеллигентных слоев кавказских народов.

„Если в отношении культурных ощущений азербайджанец мало отличается от жителей северной Персии и восточной Анатолии,—говорит Мухиддин—то в отношении политических воззрений он имеет ярко выраженную физиономию. Персидские азербайджанцы имеют особое политическое самосознание, на Кавказе же заметно движение в совершенно ином направлении. Эволюция политической культуры, совершающаяся в пределах трех различных границ и политических условий, способствовала формированию трех различных политических сознаний.“

И далее:

„Современную культуру азербайджанцы восприняли через Россию. Она тут довольно сильна. Особенно сильны азербайджанцы в области социально-политической культуры. В этом отношении азербайджанская интеллигенция гораздо развитее турецкой. Потому у азербайджанской интеллигенции осталось не хорошее впечатление о временах нашей оккупации Кавказа. К сожалению, мы в эту страну вошли в тоге завоевателя. Турецкое командование допустило ряд крупных ошибок, и Стамбул управлял кавказской политикой не разумно.“

Современная культура, проникшая в Азербайджан, имеет глубокое влияние на народные массы, и пусть это не кажется странным,—замечает Мухиддин - если скажу, что вводимые Петром I начала европейской культуры в Азербайджане усвоены в большей степени, чем в некоторых частях самой России. Несмотря на преследования царизма, вследствии экономического развития страны (чему способствовали естественные богатства с бакинской нефтью во главе), в Азербайджане создались демократически-настроенные слои с определенными социально-политическими стремлениями.

Подробно остановившись на анализе национально-культурной деятельности азербайджанцев, М. Бирген дает политическую характеристику страны в период падения царизма.

Несмотря на существующее среди азербайджанских деятелей разномыслие,—повествует он — с 1918 года азербайджанцы сумели постепенно консолидировать национальное государство со всеми его аттрибутами. Образовали полицию, жандармерию и небольшую армию. Страна, экономически весьма богатая, за короткое время сделала большие успехи во всех отраслях государственно-административной жизни.

Но новый Азербайджан в политическом отношении не успел достаточно окрепнуть. С одной стороны он представлен был богатыми людьми, национальность которых определялась деньгами, а с другой—кучкой обрусевшей интеллигенции и маленькой группой поклонников коммунизма. Центральное же место занимала национальная масса, представляемая большой партией „Мусават“, являющейся блоком демократически-настроенной и национально-мыслящей интеллигенции с активными элементами города и деревни. „Блок этот, хотя и не располагал большой головой, не был, однако, и без головы“. Политические идеологи „Мусавата“, исходя из духовной связи Азербайджана с Турцией и общности материальных интересов с Кавказом и в известной степени с Россией, выработали соответствующую политическую программу и тактику борьбы за реализацию этой программы,стремясь использовать благоприятный момент для осуществления национального идеала: независимого тюркского Азербайджана. Лидер партии „Мусават“, Эмин бей Расул-задэ, является одним из знатоков и друзей Турции. Направо от „Мусавата“ стояла т. н. партия „Иттихад“; на лево—малозначущие левые группировки.

ТУРЕЦКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Энвер-паша, потерпев поражение в Стамбуле, замышлял пробраться в Азербайджан и там—как говорит Мухиддин—организовать дальнейшую защиту своей идеи. С этой целью он, по пути из Стамбула в Крым, дважды пытался высадиться у берегов Кавказа, но оба раза безуспешно. „Авантюристические намерения Энвера паши не удались,—говорит Бирген—но азербайджанское движение не могло все же полностью освободиться от турецкого влияния“.

В Азербайджане находились остатки оккупационной турецкой армии, которая в 1918 году пришла на помощь азербайджанцам и спасла их от большевистско-армянского террора. Кроме того, после падения младотурецкой власти в Турции, многие из турецких деятелей эмигрировали в Азербайджан· среди них были офицеры и генералы. Вскоре и Халил паша, дядя Энвер паши, бежавший из английского плена, прибыл в Азербайджан. Тут же находился и Нури паша - брат Энвера — тоже беглец из английской тюрьмы.

Турки в те времена пользовались в Азербайджане громадным влиянием. Они были представителями братской страны, спасшей Азербайджан от

поголовной резни. Азербайджанское правительство оказывало им сверхобыкновенное внимание. Они пользовались небывалым гостеприимством, им предоставлялись особые привиллегии, отводились бесплатные квартиры, определялись пенсии. Они назначались на государственные посты, полиция и жандармерия вверялись им. „Среди бушующего политического моря Баку в те времена являлся для турецких эмигрантов самой надежной и спокойной гаванью“— замечает автор.

Мухиддин Бирген с особенным сожалением говорит о „непристойной“ роли турецкой эмиграции в Азербайджане. Вместе того, чтобы, согласно общепринятым правилам и международной морали, стоять вне политики и не вмешиваться во внутренние дела приютившей их страны, эти эмигранты конспирировали против законного правительства и руководящей национальной партии „Мусават“, сыграв весьма плачевную роль.

Эти „неблагодарные и аморальные люди“, во главе с „авантюристом Халилом пашей“, сыграли „гнусную роль конспираторов в пользу подпольной работы русских большевиков, подготовлявших советизацию Азербайджана.”

Автор обвиняет турецких эмигрантов, большинство коих он причисляет к оттоманской партии „Единение и Прогресс”, в трех грехах: во первых, во вмешательстве во внутренние дела Азербайджана; во вторых, в самозванном вмешательстве во взаимоотношения Азербайджана и Турции; в третьих, в провоцировании всех оппозиционных партий Азербайджана с целью достижения политической изоляции партии „Мусават”.

„Они,—говорит о своих сородичах Мухиддин— будучи чиновниками мусаватского правительства, играли на руку партии „Иттихад”, руководимой политическим шарлатаном и провокатором Карабеком Карабековым, тем самым, который в свое время секретные инструкции, вверенные ему партией „Единение и Прогресс” для организации на Кавказе национального движения, изменнически передал царскому правительству”.

„А наши--подчеркивает он далее—с этим типом и с коммунистами, прибывшими из Туркестана, конспирировали против опекавшего их правительства „Мусавата”, выдвинув против него политическое обвинение в англофильстве”.

Мухиддин, анализируя тогдашнее общественно-политическое положение, вполне оправдывает „англофильство” „Мусавата”. Всякое национальное правительство, ответственное за судьбы своего народа, поступило бы так, как поступило в данном случае мусаватское правительство по отношению к Англии, заменившей турецко-немецкую оккупацию на Кавказе. „По крайней мере,—замечает автор—мусаватское правительство проявило большее мужество и самостоятельность, чем стамбульское правительство и интеллигенция. Во первых, оно оказывало гостеприимство всем туркам, бежавшим от преследования англичан. Во вторых, узнав о действительной нужде турецкого национального движения, оно послало анкарскому правительству денежную помощь. Эта сумма в Анкаре получена и соответствующая квитанция находится в руках ответственных представителей азербайджанской эмиграции” Для Мухиддина является „фактом несомненным” то, что бакинское правительство при всех случаях относилось дружески к анатолийскому движению. Мусаватисты, внешнее ведя „английскую политику”, внутренно желали полного успеха турецкому национальному движению. В ответ же на это „наши всеми силами подрывали основы этого правительства и нападали на партию „Мусават”.”

Далее, со всеми подробностями, автор рассказывает о преступлениях, совершенных турецкими эмигрантами, работавшими в пользу оккупации Азербайджана Советской Россией. Так например, „Халил паша 27-го апреля 1920 года выезжает из Баку, чтобы принять командование красной армией, будто бы идущей на помощь Анатолии, но командование принимает его и отправляет „для об'яснения” в Москву, к т-щу Ленину, и он больше в Баку не возвращается”. Или — когда союзная с Халилом пашой красная армия наступала на Баку, „наши с револьверами в руках, полученными ими от мусаватского правительства, убивали своих благодетелей мусаватистов”.

Далее автором приводятся трагические подробности занятия Баку частями красной армии и рисуются плачевные последствия, вызванные советской оккупацией. Эту часть своих воспоминаний Мухиддин Бирген заканчивает следующими словами: „В качестве турецкого интеллигента, я, желая выполнить моральный долг турка перед азербайджанцами, решил, прежде чем умереть, обо всем этом рассказать публично. История должна знать все. Одновременно с этим я от имени турецкого национализма приношу азербайджанцам глубокое соболезнование и публично прошу у них прощения за те страдания, которые они испытывают благодаря нашим компатриотам.”.

Мухиддин Бирген утешается только тем, что турецкий народ, как таковой, не причастен к этой ответственности и что в этой авантюре вся вина лежит на совести только отдельных политиканов-авантюристов, а также и тем, что новая, кемалистская, Турция совершенно чужда методам авантюристического, безответственного политиканства.

НЕПРИМИРИМЫЙ АЗЕРБАЙДЖАН

Приняв приглашение народного комиссариата просвещения АзССР на должность профессора Азербайджанского университета, Мухиддин Бирген решил не заниматься политикой, но посвятить себя исключительно научной деятельности.

За короткое время своего прибывания в Азербайджане ему удается завоевать общую симпатию и любовь студентов. Он издает ряд научных трудов и вербует в Стамбуле сотрудников, также занимающихся исключительно наукой. Описание всеобщей любви и симпатии, которыми пользовались автор и его друзья, занимает целые восторженные столбцы. Азербайджанские студенты являются для него лучшими из всех тех, с кем ему приходилось встречаться в продолжении десятилетней педагогической деятельности.

Несмотря на абсолютную аполитичность и общее расположение всех комиссаров АзССР к их

деятельности — ни Мухиддин, ни его сотрудники не ускользают от внимания всесильной „че-ка", которая, заподозрив Мухиддина в работе в пользу Анкары, устанавливает над ним и над его сотрудниками слежку, коя кончается обыском в квартире, выемкой бумаг, допросом в здании „че-ка и, наконец, предписанием оставить пределы Азербайджана.

Хотя друзьям Мухиддина удается защитить его и добиться отмены постановления о высылке, однако, благоразумие подсказывает ему „добровольно" выехать из „самостоятельной тюркской страны", где члены правительства, в искренней беседе с ним, сами принуждены были признать свое бессилие перед капризами всесильной „че-ка" — настоящего хозяина положения в Азербайджане, действующего по прямым указаниям Москвы.

Мухиддин уверен, что единственной причиной преследования его и его сотрудников является тюркское происхождение азербайджанского населения.

Большевистские революционеры, по своим основным догмам, должны были уважать азербайджанскую национальность; ибо национальность явление социальное; она разнится от национализма. Если любовь к родному языку, к родной культуре была бы единственным доводом национализма, то на свете не было бы не националистов. Национализм — это политическое сознание. Он усиливается там, где преследуется национальность.

Беда в том — говорит Мухиддин, — что „революция" пришла в Азербайджан извне, на русских штыках и на русском языке. Московские заправилы действуют старыми методами царской России: господство русского языка отождествляется ими с той „святостью", которую они придают „языку октября", а русская культура окрашивается ими лишь в коммунистический цвет.

„Азербайджан, — продолжает Мухиддин — это тюркская страна. Он таковой и хочет остаться. Колесо истории никто не в силах повернуть обратно. Немыслимо, чтобы Азербайджан перестал быть тюркским. Азербайджанцы временами управлялись то персами, то оттоманами, то царизмом, но никогда не переставали быть тюрками".

В смысле любви к родной культуре и своему языку — все азербайджанцы, без исключения, националисты. В отношении же политического национализма—Азербайджан делится на два лагеря: с одной стороны находятся коммунисты—сторонники абсолютного слияния с Россией. Они малочисленны, и шансов на увеличение у них нет. С другой же стороны стоят сторонники независимости и самодеятельности Азербайджана, количество которых, в зависимости от условий, то увеличивается, то уменьшается. Развитие и напряжение этого движения - по мнению Мухиддина — находятся в прямой связи с политикой московских коммунистов и умения их угодить национальным потребностям Азербайджана.

Но события доказали, что пришедшая извне, на русском языке и на русских штыках, „революция" не могла понять душу Азербайджана и пошла протоптанной дорогой царизма —дорогой насилия и принудительной руссификации, что привело—говорит Бирген—к кровавым столкновениям, порою принимавшим вид форменной войны между народными массами Азербайджана и „революционной Россией". Большевистский режим больше, чем царский, привел к „разладу между азербайджанским и русским народами".

Такая политика усиливает базы азербайджанского национализма. „Усиливаются ряды — пишет автор — мусаватской партии, представители которой ведут непримиримую борьбу как там, в подполье, так и заграницей, в эмиграции. Число политических эмигрантов увеличивается с каждым днем. Их много в Турции — здесь они не активны, но весьма активные находятся в Польше и в Германии".

АЗЕРБАЙДЖАН И ТУРЦИЯ

Значительное место в своих воспоминаниях посвящает Мухиддин Бирген очень интересной и актуальной теме: азербайджано-турецким взаимоотношениям.

По мнению Биргена, реальный Азербайджан, несмотря на самые искренние симпатии к Турции, политически присоединиться к ней не хочет. „Со многими представителями азербайджанской интеллигенции и почти со всеми политическими лидерами Азербайджана—говорит Мухиддин—я беседовал в интимной обстановке. Зная меня, как человека уважающего каждое мнение, каково бы оно ни было, они всегда высказывали мне свои сокровенные суждения. Люди, готовые жертвовать собственной жизнью за благоденствие и успех Турции, самым искренним образом высказывались против политической инкорпорации Азербайджана Турцией."

Мухиддин Бирген понимает и оправдывает это мнение. Оно для него является разумным и реальным. Это соответствует тем духовно-материальным условиям, среди которых находится Азербайджан и которые обуславливаются геополитикой Кавказа, частью которого является Азербайджанская республика.

Условия, мешающие Азербайджану присоединится к Турции,—по Мухиддину—троякого порядка: „Во первых, Азербайджан, по сравнению с Турцией, глубже и шире проникнут современной культурой; у нас эта культура, может быть, больше бросается в глаза, но это касается только избранной части — интеллигенции и носит характер больше внешнего лоска, тогда как народные массы в Азербайджане задеты этой культурой глубже и сильнее. В этом смысле Азербайджан выгодно отличается даже от некоторых частей России. Во вторых,—Азербайджан целыми веками находится в особых исторических условиях, образуя совершенно иное, чем Турция, экономическое целое, что создало для него особые бытовые условия и жизненные интересы. В третьих,— Азербайджан на Кавказе не один. Его жизнь тесно связана как с Северным Кавказом, так и с Грузией. Азербайджан не может игнорировать своих соседей и должен считаться с политическими настроениями Грузии. Грузия, окруженная со всех сторон разными народами, в вопросах сохранения своего национального бытия проявляет большую чувствительность. Азербайджан должен быть в согласии и в союзе с Грузией. Грузия не тюркская страна, а поэтому, вполне естественно, присоединится к Турции

не захочет; этот факт играет важную роль в политическом поведении Азербайджана".

Это мнение Азербайджана. Каково же отношение Турции к этому мнению?

Мухиддин Бирген на этот вопрос дает исчерпывающий ответ. Его ответ, собственно, направлен против „подозрительности большевистских политиков, видящих во всех проявлениях азербайджанского „национализма" турецкий подвох". Но формулированные им мысли служат общим ответом также и всем интересующимся этим вопросом. В специальной главе, под заглавием „Азербайджан и Турция", он пишет следующее:

„Было время, когда Турция в азербайджанцах видела только „аджемов" и „шиитов", но с момента, когда обе страны осознали себя национально, они обе познали себя тюрками—родственными народами. Это уже общеизвестно. Но Турция знает еще и то, что политическое об'единение Азербайджана с Турцией не мыслимо. Это было бы актом бессмысленным".

Такое сознание имеет различные мотивы—поясняет автор: Турция—не империалистическая страна; Турция, представляющая самую плодотворную революцию мира, об'явила себя врагом международного империализма. Одно из великих идейных наследий Ататурка — это новое восприятие международных взаимоотношений. „Для чего Ататурк воспитал в нас дух вражды к империализму? Ответ прост: Новая Турция родилась в борьбе с империализмом! Существование ее также находится в прямой связи с ослаблением империалистических начал и с усилением баз международной солидарности. Отвергая империализм в интересах своей страны, не можно его признавать в отношении других стран. Это было бы верхом лжи и лицемерия".

И затем:

„Иностранная политика Турции основана на этом принципе. Подобно другим принципам, установленным железной рукой Ататурка, и этот принцип новой Турции остается незыблемым. Турецкий национализм ограничивается актуальными политическими границами Турции. В нашем новом политическом словаре термин „национализм" имеет совершенно иное значение, чем в европейских языках. Европейский национализм - агрессивен. Это наступательный империализм, а у нас, если можно так выразиться, он—„империализм оборонительный". Для нас национализм — это усиление турецкого духа, очищение турецкой культуры от чуждых элементов. Это — национально - экономическое возрождение. Это — промышленный под'ем. Это — национализм антиимпериалистический. В нем нет ничего сходного с европейским типом агрессивного национализма. Новые идеалы Турции—это любовь к Родине с определенными, исторически установленными границами. Это, в тоже время, является у нас и реакцией национальных сил, долгое время находящихся в плену у космополитических начал — реакция против оттоманизма, долгое время угнетавшего проявления тюркизма...

В силу всех этих соображений в Турции по отношению к Азербайджану никакой мысли империалистического характера не существует. Среди турок я являюсь одним из лучших знатоков Азербайджана и очень люблю азербайджанцев. Пишу вполне искренно: никаких связей, кроме братских и сердечных отношений, между Азербайджаном и Турцией иметь я не желаю. Ибо ход истории Азербайджана, его географическое положение и экономические отношения не позволяют ему стать частью Турции. Самое большое, что мы можем и должны пожелать Азербайджану,—это быть защищенным, как тюркская страна, и жить своей собственной, спокойной и счастливой жизнью".

Мухиддин знает „степень подозрительности политиков, ныне руководящих судьбою Кавказа". Они скажут:—Хорошо поете. Только не под влиянием ли военно-политической мощи Советского союза!! — Нет!—отвечает он: „Ведь мы такую же политику ведем по отношении к персидскому Азербайджану. А ведь по сравнении с Персией, кажется, мы не бессильны. В персидском Азербайджане такие же турки, как и в кавказском. Между персидским Азербайджаном и Анатолией нет даже таких преград, как Грузия и Армения. А ведь мы не только по отношению к кавказскому, но и к персидскому Азербайджану никаких притязаний не имеем. Мы одинаково любим и тех и других азербайджанцев. Но между нами существуют политические границы, которые мы уважаем. Наши взоры и мысли за пределы этих границ направлены только в виде платонической любви!"

Октябрь 1937 г.

НЕОБХОДИМОЕ ПОЯСНЕНИЕ

Заметка в прошлом номере нашего журнала по поводу языковой политики Сталина - Берия в Абхазии вызвала неожиданную для нас по содержанию реплику братского «Дамоукидебели Сакартвело», органа грузинского Национального центра. В ноябрьском номере этого журнала было напечатано следующее:

«Наши читатели уже знают некоторые нетактические выступления ж. «Северный Кавказ», органа горцев Северного Кавказа. Сперва на обложке каждого издаваемого номера помещаема была карта Кавказской Конфедерации, на которой большая часть территории Грузии присоединена к Республике Северного Кавказа. Затем с неудовольствием подчеркивалось, что для лазов издавались книги на их языке и т. д. Сейчас братский орган и защитник единства кавказских народов считает большим несчастием, что абхазцам вместо латинского шрифта дан грузинский. И в этом он видит акт, навязанный свыше, и проявление грузинского шовинизма.

Уже время, чтобы наши уважаемые братья по-

няли, что Абхазия и Грузия — неотделимы. Они соединены узами многовекового исторически-культурного сожительства. Но если бы даже этого не было, то и в таком случае с точки зрения чисто-научной грузинский шрифт более отвечает абхаскому языку, чем латинский».

Реплику эту мы хотим считать плодом недоразумения, ибо в наши намерения никогда не входило желание оскорблять чувства «Дамоукидебели Сакартвело» и, тем более, грузинское национальное чувство вообще. Но раз'яснения, все же, необходимы. К этому нас побуждает не только раздражительный тон нашего грузинского собрата, но и стремление избежать с этой стороны в будущем всяких обвинений, в особенности же таких, какие нам ставятся в цитируемой заметке.

Итак, сначала несколько слов относительно злополучной карты, о которой, к слову, «Д. С.» пишет не впервые. В верхнем левом углу этой карты приведена «легенда», где во второй строке имеется следующая французская надпись: „limite méridionale de la zone habité par les circassiens" — надпись в достаточной мере разборчивая. Она, как видим на карте, поясняет, что абхазцы и юго - осетины принадлежат к черкесам, или иначе, к северокавказцам, кавказским горцам, или еще иначе и как хочет «Д. С.», к «горцам Северного Кавказа». Ибо, как ни сильны «узы многовекового исторически - культурного сожительства» их с Грузией, они, все же, в еще большей степени и исторически, и культурно (но, подчеркиваем, не государственно) связаны со своими единоплеменными братьями на Северном Кавказе. Достаточно сказать, что большая часть абхазцев разделила судьбу своих братьев с севера и сейчас, пребывая в третьем поколении на чужбине, не теряет надежды вернуться на родину отцов.

Но разве можно все это толковать, как желание наше присоединить «большую часть территории Грузии к Республике Северного Кавказа»?!

Да, мы искренно исповедуем идею единства кавказских народов и считаем ее conditio sine qua non не только нашей независимости, но и независимости всего Кавказа. И поэтому именно для нас не существуют никакие территориальные споры между Северным Кавказом и соседними братскими кавказскими республиками. В Конфедеративном Кавказе нет места конфликтам из-за внутренних границ. Но нельзя, как это делает «Д. С.», заглушать в нас совершенно голоса крови...

Второе по порядку обвинение ставится нам в связи с заметкой о большевистской «лазомании», которая была напечатана нами в 1935 году. Для большей наглядности повторяем эту заметку:

«Заря Востока» от 12-VI-1935 пишет, что в Тифлисе при Институте кавказоведения имени академика Н. Я. Марра создана секция лазоведения. Там же мы находим сообщение о том, что в 1928 году (т. е. одновременно с началом перехода Турции на новый алфавит) советскими учеными был создан специальный лазский алфавит (отличный от ново - турецкого), а в 1933—34 упомянутая выше секция выпустила целый ряд учебников на лазском языке и собирается издать ряд произведений лазских писателей (Баниши Мустафы, Лазуриши Иса, Абдулиши Мамеда и др.).

Лазов в пределах Кавказа и СССР нет, если не считать одиночных переселенцев, попавших в порты Черного моря в поисках заработка еще перед мировой войной. В пределах Турции, где лазы живут компактной массой, дружественное Советам правительство рассматривает лазов, как интегральную часть турецкого народа.

Интересно знать в этих условиях — чем вызвана советская «лазомания»? Для кого предназначается агитационная макулатура, печатаемая на лазском языке и советско - лазским алфавитом?!

Может быть, на это ответит нам «товарищ» Карахан?!»

Мы вопрошаем наших уважаемых читателей-грузин: что обидного в этой заметке для грузинского национального самолюбия? И что в ней не соответствует действительности?

Смысл заметки совершенно ясен. Лазский алфавит большевиков (именно большевиков; ведь, в Тифлисе сидит пока что советское правительство) может быть рассматриваем только как советская интрига против Турции. И мы отмечаем лишь этот момент — *момент советской интриги против страны, с которой СССР связан рядом дружественных договоров.*

Мы считаем, что нужно пользоваться всякой возможностью, чтобы пошатнуть международные позиции СССР и открыть глаза тем, кто верит еще в искренность советских дружеских заверений. Нельзя же ставить нам этого в вину, в особенности в данном случае, где дело идет об одном из важнейших для Кавказа участков антисоветской и вообще антирусской работы.

Наконец, третье обвинение. Ясно, конечно, что, если Сталин на Северном Кавказе заменяет латинские алфавиты русским, то этим реализируется еще один этап той руссификаторской работы, которая систематически проводится у нас в области т. н. языкового строительства. Применяя советскую терминологию, мы можем констатировать, что большевистский диктатор поступает в данном случае как «великодержавный шовинист», ибо еще недавно подобные акты определялись в СССР именно этими словами.

Но нам непонятно, почему мы не можем назвать Сталина «местным шовинистом» (тоже советский термин), если он, в сообществе с Берия, *при акомпанементе такой же газетной «кампании», как у нас*),* заменяет в Абхазии латинский алфавит грузинским. Тем более, если он сам себе противоречит: на Северном Кавказе доказывает, что местным языкам наиболее отвечает русский алфавит, а в Абхазии, где язык в звуковом отношении тождественен с иными кавказскими языками, дает предпочтение грузинскому алфавиту.

Мы не против грузинского алфавита и нас не следует убеждать в том, что он более удобен для кавказских языков, в том числе и для абхасского, чем нормальный латинский, хотя бы уже потому,

---

*) См. номера «З. В.» от 8 и 9 окт. с. г.

что сам предназначен для одного из кавказских языков *).

Но этот вопрос ничего общего не имеет с сегодняшней политикой Сталина - Берия в Абхазии— не имеет в такой же степени, в какой большевизм не представляет национальных интересов Грузии. Нельзя приписывать нам того, чего мы не писали.

Для нас важна в данном случае *«логика советской действительности, созидаемой Сталиным»*, как мы отметили это в нашей заметке. А «логика» эта говорит, что, с «точки зрения чистой науки» в советском толковании, на Северном Кавказе «наиболее удобен» русский алфавит, а в Абхазии—грузинский. В такой «ленинско - сталинской национальной политике» далеко не все в порядке, что мы и хотели доказать.

Разве можно это ставить нам в вину и упрекать затем в отсутствии такта?! Ведь так может создаться впечатление, что уважаемый наш собрат решил обидеться за Сталина и Берия...

*) Однако, например, Ялгузидзе, составивший в конце XVIII ст. алфавит для осетинского языка на грузинской основе, должен был ввести в него несколько дополнительных знаков. Но абхасский язык, как знаем, в звуковом отношении более богат, чем осетинский.

Международная женская миссия в национальной Испании

Недавно национальную Испанию, ведущую смертельную борьбу с большевистским варварством, посетила международная женская миссия, обследовавшая освобожденные генералом Франко провинции. В состав миссии входили: основательница женского общественного труда во Франции г-жа Рэнэ Монмор, бывший член городского совета в Хорсенс (Дания) г-жа Дагмара Рунге, видная общественная деятельница в Соединенных Штатах г-жа Хэрриет Кидерлен и предствительница Германии, доктор прав г-жа Адель Петмецки. Миссия издала свои впечатления в виде особого сообщения, которое доставлено для опубликования в нашу редакцию.

Проезжая по областям, — сообщают члены миссии,—освобожденным народными войсками, мы могли установить с исключительной точностью, что гражданская война в Испании облеклась во все московские формы борьбы с культурой, религией и национальной совестью.

Следы жестокости, с которыми мы столкнулись, проезжая через Бильбао, Гернику, вдоль Мадридского фронта и по бесчисленным, недавно отвоеванным селам Астурии, свидетельствуют о том, что у красных большевиков в Валенсии террор является главным средством борьбы с беззащитным населением.

Лишь те, которые могли на месте убедиться, какие методы пыток применяются красными и какое разрушение они сеют просто из свойственной им потребности разрушать, понимают, какая опасность грозит всему миру в случае, если большевизм распространится на все страны.

Ни один общественный класс не мог бы избежать этой яростной жажды полного разрушения, ибо, как мы заметили, в Испании именно рабочий класс был подвергнут самым ужасным пыткам, хотя большевики, будто бы, желают быть его освободителями.

Здесь можно наблюдать те-же методы, что и в Советской России: имущие теряют все, но и мелкие собственники лишаются и того немногого, чем до сих пор владели.

В результате наших непосредственных и личных наблюдений, мы можем утверждать, что и рапорт английской женской комиссии, и заверения кентербэрийского архиепископа относительно красной Испании лишены всяких оснований, т. к. в действительности явные доказательства этой дикой ненависти свидетельствуют о том, что большевизм и христианство не имеют ничего общего.

Но мы видели и созидательную работу Народной Испании, представительницей которой является „Фаланга." Это—работа действенная, одухотворенная и, благодаря общественной помощи, охватившая в короткое время все население, пробуждая в нем веру в социальную справедливость новой Народной Испании.

Итак, с одной стороны, мы видели ужасающие сцены страшных бедствий, а с другой—движение генерала Франко, к которому присоединились выдающиеся люди всех классов общества и который организует, таким образом борьбу против советского господства.

Большевизм пытается всяческими средствами и даже ценой кровавых мук испанского народа захватить новые территории в Европе, где он завтра же сможет установить свою, все возрастающую, гегемонию.

Он всюду ведет свою работу.

Учитывая это, мы находим, что женщины-националистки всех стран должны выступить против этой доктрины ненависти, разрушения всякой нравственности и всех духовных ценностей.

Разве женщины всей Европы не обязаны помешать возможности повторения ужасающего массового избиения мужчин, женщин и детей, повторения картин садистических мучений?

Мы, наочные свидетельницы планового уничтожения Испании, призываем всех женщин мира в ряды единого антибольшевистского фронта—для того, чтобы в будущем рука красной смерти не грозила уже ни одной стране.

Красная опасность—добавим мы к этому призыву Международной женской миссии—будет навсегда отстранена только тогда, когда Россия, источник и опора мирового большевизма, принуждена будет дать свободу угнетаемым ею народам и этим навсегда лишиться базы своего опасного могущества.

Из северокавкасских сказаний

ЛЕСНАЯ ДЕВОЧКА*)

Жили два знаменитых охотника. Одного звали Махош, другого — Мисирук. Они жили в разных краях земли адыге. И если в том крае, где жил Махош, люди хотели похвалить какого-нибудь молодого охотника, то говорили ему: „Ты стреляешь так же метко, как Махош". Это было лучшей похвалой молодому охотнику. Вот каким знаменитым был Махош.

Табий Мисирук, который жил в Чемгуе[1], слышал о славе своего соперника Махоша и стал завидовать ему.

— Я стреляю не хуже Махоша — никогда не выпускал заряд впустую, не знал промаха, но люди говорят только о Махоше, а обо мне даже и не вспоминают, — с досадой думал он и решил погубить Махоша.

— Не потерплю Махоша в живых, убью его, — поклялся себе Мисирук и отправился в ту землю, где жил Махош.

Приехав в аул, где жил Махош, он спросил, где живет Махош, и рано утром, во время сабах-намаза, вошел к нему во двор и стал звать Махоша. А жена Махоша, сгорбленная старушка, была в базу и доила коров.

— Нет его дома! сказала она, выходя из база.

— Куда же он пошел? — спросил Мисирук.

— Пошел туда, куда обыкновенно ходит, — на охоту!— сказала женщина.

— А как бы мне найти его?

— Пойди по следу его коня,— и ты найдешь Махоша,— посоветовала женщина. — След коня хорошо виден на утренней росе.

Так Мисирук и сделал: пошел по следу коня и скоро увидел Махоша, который как раз целился в дикую козу.

Увидев Махоша и не подходя к нему, Мисирук снял с плеча ружье и стал целиться в Махоша.

Махош выстрелил в козу, а Мисирук — в Махоша. Махош убил козу, а Мисирук промахнулся — в первый раз в жизни. Махош, сделав вид, будто ничего не заметил, подошел к Мисируку, приветливо сказал ему „Фэсапши!",[2] поздоровался с ним за руку.

— Пойди прирежь раненую козу! — сказал Махошу Мисирук, когда тот пригласил его к себе в дом.

Махош пошел, прирезал козу, вернулся обратно и опять пригласил Табия Мисирука к себе в дом.

— Хорошо, я пожалую к тебе, только возьми же убитую козу, — напомнил Мисирук.

Махош привязал убитую козу сзади седла и вместе с гостем направился к аулу.

Приехали они в аул, вошли в дом Махоша, а Табий Мисирук не садится и говорит:

— А знаешь ли, ведь я приехал сюда с намерением убить тебя... Ни разу в жизни я не выпустил пули попусту, завидовал твоей славе и поклялся убрать тебя. Но сегодня, стреляя в тебя, я промахнулся и теперь считаю, что тем самым я освободился от своей клятвы.

Махош ничего не ответил и только кивнул головой. Он пригласил гостя к столу и угощал его всю ночь. И так они сидели до утра и дружески разговаривали.

— Наш гость, — сказал Махош, — если ты охотник, значит тебе приходилось пробираться в такие места, где не бывала ни одна живая душа. Расскажи же нам самое удивительное из того, что произошло с тобою на охоте!

— Нет, не гость рассказывает первым, а бысим[3],—отвечал на это Мисирук. — Ты тоже немало видел.

— Передаю тебе это право, наш гость, — сказал Махош.

— Ну, если это дело ты передаешь мне, тогда я расскажу кое-что. Потом и ты что-нибудь расскажешь, — сказал Мисирук и начал:

— Однажды я пошел в отдаленный лес. Придя в лес, выбрал поляну и устроил на ней место для своего ночлега. А поляна находилась поблизости от мрачного, дикого ущелья. И вот, едва зашло солнце, слышу — кто-то ревет в ущелье... Ревет таким отвратительным голосом, какого я никогда раньше не слышал. Уже наступила ночь, а рев не прекращается. Но я решил, что ночью я не пойду туда, откуда доносился рев, — не хотел погибать в темноте и ничего не видя. Но мне стало страшно. „Должно быть, я должен погибнуть от отвратительного животного, которое там ревет", — подумал я и лег спать. Рев не прекращался всю ночь. Утром я встал и зарядил свое ружье на крупного зверя. „Не хочу погибать на голодный желудок", — сказал я себе и, достав еду, хорошенько поел. Потом взял ружье и пошел в ту сторону, откуда доносился рев. Прислушиваюсь и иду в глубь леса. И вот вижу самый большой дуб в том лесу и на нем — огромную змею...

Голова змеи лежит в развилке ветвей, а тело обвилось вокруг ствола дуба и кабана — такого огромного, каких я никогда не видел в лесу... Обвившись хвостом вокруг кабана и дуба, змея будто привязала кабана к дереву, а кабан визжит, стонет, скрежещет зубами, торчащими подобно шашке, и из его пасти падает пена и ложится белыми подушками на землю.

„Кого из них убить? — подумал я. — Оба они — гяуры! Но потом решил, что убью притеснителя. „Притесняемого не убью, а притеснителя убью, — сказал я, — убью змею".

Прицелившись в змею, я выстрелил и отбил ей голову с куском туловища, в аршин длиною. Туловище змеи, которое обвилось вокруг дерева и кабана, стало разжиматься. Рассчитывая, что теперь кабан освободится сам, я повернул обратно, торопясь уйти из этого скверного ущелья. Вдруг позади себя я услышал какой-то шум. Оглянувшись, я увидел, что спасенный мною кабан бежит следом за мной и вот-вот настигнет меня. Я бросился в лес, в сторонку от тропинки, но кабан опередил меня и стал передо мною. Я повернул обратно и бежал так быстро, что, как говорится, совсем потерял свое сердце... А кабан опять обогнал меня и загородил мне дорогу. Я бросился в траву в стороне от дороги и лежу там, а кабан стоит и смотрит на меня.

Так лежал я в траве до тех пор, пока мне надоело там лежать. А потом подумал: „Все равно кабан не выпустит меня и не даст мне уйти". И, поднявшись из травы, я пошел своей дорогой. Увидя это, кабан побежал по тропинке вперед, все дальше и дальше. Я иду за ним: „Все равно пропадать... Пойду, куда он прикажет, на то самое место, где он думает с'есть меня", — решил я.

Кабан привел меня в свое логово, в большую яму под деревом.

Войдя в свою нору, кабан снял со стены висевший на ней меч с поясом, принес его в зубах, положил передо мною и ушел обратно в нору, — закончил свой рассказ Мисирук.

И, встав из-за стола, Мисирук снял с себя позолоченный и будто искрящийся жаром большой меч с поясом и с прочими украшениями и показал его хозяину.

— Погляди — вот и следы кабаньих зубов остались на мече, — пояснил Мисирук. — Вот самое удивительное, что случилось со мною на охоте.

Махош молчал, а потом поднял голову и сказал:

— Да, это удивительный случай...

Махош и его гость ели и разговаривали, а им прислуживала сгорбленная, добрая старушка, жена Махоша. Детей в доме было не видно и не слышно.

„Похоже на то, что у них нет ни сына, ни дочки, — подумал Мисирук о хозяевах. — Сын — это костыль старому человеку, опора под старость, и плохо, если под старость не на кого опереться..."

Но по старым адыгейским обычаям расспрашивать о детях считалось неприличным, и Мисирук, оглянувшись, но ничего не спросив у Махоша, только вопросительно посмотрел на него.

И старый Махош понял его взгляд. Понял, повесил голову и, задумавшись, долго молчал, как бы вспоминая о чем-то...

Потом поднял голову, посмотрел на гостя печальными глазами и, вздохнув, сказал:

— А мы со старухой живем одни: нет у нас ни сына,

---

*) Адыгейская сказка — из сборника „Горские сказки", изд. Советский писатель, 1937.

опоры под старость, ни дочки, которая радовала бы сердце..

— Что так? — участливо спросил гость.

— Если позволишь, расскажу тебе нашу удивительную историю, — сказал хозяин и начал свой рассказ.

— Однажды пошел я в отдаленный, дремучий лес, в котором, должно быть, никогда не были люди и где было очень много дичи. Пришел я в тот лес и, думая, что ни одна живая душа не проникла в него, лег и проспал ночь. А лес — большой и темный. Утром, в пору пробуждения дичи, я поднялся и пошел дальше, в самую чащу. И вдруг я услышал человеческие голоса.

„Что такое? — удивился я. — Откуда здесь человеческие голоса?"

Я пошел на эти голоса и, выйдя на поляну, увидел на ней огороженный баз, полный ланей и оленей. Старик и старуха ходят между ними и доят самок[4]. А в стороне от них сидит маленькая девочка и играет у ведра, в которое старик и старуха сливали молоко олениц. Один олений теленок отбился от матери, старик долго гонялся за ним, но, наконец, устал и махнул рукой.

— Оставь его! — сказала старуха. — Пусть он попадет в руки Махоша! — И как только она сказала это, я прикинул глазом, прицелился и выстрелил в теленка. Но когда пороховой дым рассеялся, передо мной не было ни база, ни старика со старухой. Только лежал, болтая ногами, раненый олений теленок, и возле него стояла та маленькая девочка.

Я взвалил оленьего теленка на плечи, взял девочку за руку и вернулся к своему шалашу. Там я освежевал тушу убитого теленка, взял с собою то, что мог поднять, и вместе с девочкой пошел к себе домой. Вернувшись домой, позвал свою старуху и вручил ей девочку. Детей у нас не было, и мы холили ее, кормили мозгом оленей и мясом леу-чиц[5]. Полюбили ее, как родную дочь, и называли ее „нашей лесной девочкой". Так и выкормили ее. И стала она, как говорится у нас, „отличная девушка": с хорошим характером, живая, не глупая, работящая и хорошая рукодельница. Даже из других аулов приносили ей шитье. И она была очень приветлива ко мне, старику. Бывало, когда я возвращался с охоты, она откладывала шитье в сторону.

— Си-тат[6], ты уже вернулся? — спрашивала она и радостно шла мне навстречу. Оглядывала мое платье, говорила:

— Дай заштопаю, дай постираю.

И хоть этого и не требовалось, она все время хлопотала возле меня.

Так она стала совсем взрослой девушкой. И тут мы со старухой стали задумываться. Хотя мы привыкли к ней и хотели бы, чтобы она постоянно была с нами, но все-таки было нехорошо, что у нее не было сверстников и сверстниц и что ее никто не посещал. И это очень огорчало нас со старухой.

Однажды наша лесная девочка села возле меня, положила руку мне на колени и поглядела мне в глаза.

— Си-тат! — сказала она и подвинулась ко мне еще ближе.

— Что, моя девочка? — спросил я.

— Неужели ты никогда не отведешь меня обратно?

И когда я услышал это — мне стало печально, горько...

Я ушел на охоту и долго бродил по лесу — все надеялся, что, может быть, она забудет об этом.

Но когда я вернулся домой, она опять напомнила мне о том же. Да. Тогда я рассказал об этом своей старухе, и моя старуха заплакала. Заплакал и я и опять ушел на охоту. А когда вернулся, вижу, сидит наша девочка за рукодельем, забылась и понемногу опять поет свои песни. Отлегло у меня от сердца, но она опять подошла ко мне, в третий раз, и спросила меня о том же.

Тогда я понял, что дальше так продолжаться не может, и решил отвести ее туда, откуда привел. Выбрал день, взял дорожную сумку с едой, и мы пошли.

— Как хорошо, си-тат! — говорит она и идет такая, веселая, радостная... Называет по именам встречные деревья и цветы, вспоминает о рукодельи, которое ей приносили из других аулов, и о пошитых ею платьях.. Идет, лепечет, а я молчу, болею сердцем...

Так мы пришли на ту поляну... Я молчу, а она все разговаривает и разговаривает. О лесе говорит, о козах.

— Тат, ты сюда ходишь на охоту? Ты здесь охотился? — спрашивает меня. — Козу ты здесь убил?

А я все молчу — горько, невесело у меня на сердце...

— Си-тат, почему ты не снимешь ту сумку? — вдруг спрашивает у меня моя девочка. — Посмотри: там, на дереве висит сумка.

Я глянул в ту сторону, куда она показала, — и верно, увидел висящую на дереве сумку.

— Что такое? — удивился я и оглянулся. Но моей девочки уже не было..

А сумка — висит. Я подошел и снял ее: она была полна золотом. И если бы я даже перестал охотиться с того дня, то и тогда мне хватило бы того золота до самой смерти. Вот сколько золота дала она мне за свое воспитание. Но я дорожил ею больше золота!

— Вот что случилось со мною на охоте, и вот как мы со старухою потеряли нашу дочку, — закончил Махош и, замолчав, опять повесил голову.

Сгорбленная старушка, жена Махоша, неподвижно стояла у двери и молча вытирала слезы кончиком темного головного платка.

Гость тоже молчал А про себя подумал:

„Большой грех я взял бы на душу, если бы убил этого доброго человека! Очень хорошо, что я промахнулся, когда целился в него..."

Утром Табий Мисирук уехал к себе, в землю Чемгуй.

С тех пор оба знаменитых охотника, Махош и Мисирук, стали друзьями.

---

1 — Чемгуй — иначе, Темиргой — одно из адыгских племен. До 1864 г. темиргои жили между низовьями рек Ляб (Лаба) и Фарс.

2 — Фэсапши — приветствие при встрече гостя, дословно — „с добрым прибытием".

3 — Бысим — хозяин дома, в котором гостит приезжий гость.

4 — Адыге верили, что бог лесов Мезитх собирает на полянах всех лосей и оленей, а лесные девы доят их самок.

5 — Леу-чиц — крупная дичь.

6 — Си-тат — отец мой.

ОБЗОР ПЕЧАТИ

Еще о блоке государств центральной и восточной Европы

В одном из сентябрьских номеров варшавского еженедельника *„Przegląd Katolicki"* г. Чарнецкий, воспользовавшись нашим ответом на статью г. Баммата „Польша и угнетенные народы СССР" (см. „С. К." № 36), возвращается к теме, которая в прошлом году была предметом дискуссии между нами и им („С. К." № 31).

Польша должна, писал тогда наш уважаемый оппонент, прежде всего реализировать блок государств центральной и восточной Европы под своей эгидой, а народы „Прометея", исходя из общности своих интересов с интересами Польши, должны способствовать этой задаче *„своими общественным мнением, настроениями и акцией"*. Если цель будет достигнута Польшей, то народы „Прометея" получат мощного гаранта своей независимости в лице этого „блока государств центральной и восточной Европы".

В ответ мы высказывали большие сомнения относительно реальности таких стремлений, добавив, что, даже в случае осуществления этой мысли, наше отношение к ней должно быть отрицательным, ибо —

„Реализация ее, возможная — даже в наиболее благоприятных условиях — по прошествии десятилетий, означала бы наступление равновесия в международных отношениях на протяжении новых десятков лет, а нам нужна динамика, нужны глубокие международные потрясения, новый 1914 год, ибо только он может вызвать радикальные перемены и способствовать нашему освобождению».

В заключении же мы предлагали путь, обратный концепции г. Чарнецкого: сначала распад СССР, а потом блок государств центральной и восточной Европы в том или ином составе.

Но оказывается полемика уже с самого начала содержала элементы недоразумения, ибо сейчас мы видим у г. Чарнецкого многие из тех положений, которые нами отстаивались. Итак, например, цитируя некоторые места из нашей прошлогодней реплики, г. Чарнецкий отвечает:

„Что же на это можно ответить? Разве редактор „Şimalî Kafkasya“ не замечает, что вот - вот уже появится динамика, несущая возможность трудноуловимых перемен, в особенности в центрально - восточной Европе. Несомненно сейчас мы более близки к войне, чем десять лет тому назад. И вот в этой именно перспективе приобретает актуальность проблема блока центрально- восточной Европы, как генеральная концепция наступательно - оборонительной агломерации государств и народов этой части континента. Ведь, недавний визит короля Карла в Польше вызвал в румынской печати настоящий поток проэктов блока «Польша — Румыния — Украина», а польская печать вспоминала афоризм Маршала Пилсудского, что Румыния является, как бы, продолжением Польши. А сейчас мы снова имеем визит ксендза Хлинка и его почти челобитное обращение (i jego nieomal hołdowniczy adres). И я спрашиваю, как сдисконтировать все это при отсутствии какой либо державной (mocarstwowej) концепции? Только такая концепция — ассоциация государств и народов востока Европы в той или иной форме — может дать также и полякам мощный исходный пункт к проблеме «Прометея».

Здесь, как видим, автор не мыслит создания пропагандируемого им блока без одновременного нарушения сегоднешней констеляции государств в восточной и цетральной Европе. И в этом случае мы с ним вполне согласны.

Но вопрос в том, кто должен начать, откуда должна притти эта ожидаемая нами с нетерпением «динамика»? И должны ли мы приветствовать всякую «динамику» или только ту, которая нам в наиболее совершенной форме благоприятствует?

Наш уважаемый оппонент пишет по этому поводу следующее:

«Возьмем, хотя бы, вспомогательную роль Германии в восточной проблеме. Проф. Смаль - Стоцкий высказал взгляд, что «немцов нельзя считать за возбуждающих среди народов «Прометея» надежду о помощи, так как они не высказали еще своего положения относительно прометейской ирреденты и борятся лишь против коммунистической Москвы». В этом вопросе, кажется, иного взгляда придерживается „Prométhée“, парижский орган под редакцией Г. Гвазава. В статье д-ра Мир Якуба („Expansion japanaise“ № 117, VIII-1937) находим разбор отношения Германии Хитлера к России. Автор утверждает, что политика Хитлера в этом вопросе следует за Бисмарком, который решительно противодействовал идее сотрудничества с российской империей, всегда мечтая о территориальной экспансии за счет России. Результат такого подхода видит автор в сближении Германии с Польшей и предусмотрительно добавляет: «без военного союза с Польшей, марш на Россию есть невозможный». Германия понимает, по мнению автора, что захват (opanowanie) Украины и окружение благодаря этому Польши не возможны без тесного сотрудничества с этой последней. В конце концов автор утверждает, что германская экспансия может совершится — при сегоднешнем состоянии вещей — в экономической форме. Однако, здесь чувствуется живая симпатия к идее германской экспансии, несмотря на то — хочет ли Германия воевать только с Советами или она вообще против каждой России, белой или красной, — лозунг, который провозглашает прежде всего „Şimalî Kafkasya“. Как видим, в прометейской проблеме много еще вопросов, требующих дискуссии».

В этом случае необходимы уже некоторые коррективы. Автор ошибается, усматривая какие то разногласия в нашем отношении, в отношении прометейских авторов, к тем силам, которые сейчас так или иначе стоят на антисоветских позициях. Это — кажущиеся разногласия, разногласия оптические. По существу же, мы только с разных сторон подходим к вопросу, с разных сторон в каждом отдельном из перечисленных г. Чарнецким случаев. В одном случае — подход эмоциональный, со стороны чувств. Ясно, конечно, что общество, для которого зло заключается как в красной, так и белой России, возбуждает в нас больше симпатий и доверия, чем общество, кое видит зло только в красной России. Другое дело при подходе — ну, что - ли — техническом, как в случае с г. Мир Якубом. Здесь мы все в одинаковой степени приветствуем всё то, что может навязать России «динамику», втянуть ее в открытую войну.

При вступлении в мировую войну ни одна из воюющих сторон не предусматривала тех перемен, которые произошли после Версальского конгресса. Однако, Маршал Пилсудский с неменьшим нетерпением, чем мы сейчас, ждал начала войны и, не задумываясь, выступил на стороне центральных держав. У нас же, кавказцев, нет места даже для тех сомнений, которые могли существовать у великого воссоздателя польской государственности, ибо мы имеем одного врага — Россию. Не надо забывать, что результаты будущей войны в значительной степени будут зависеть от нас самих, от нашей организованности и воли к победе, как рав-

но и от той поддержки, которую мы встретим со стороны наших искренних друзей — тех, кто разрешение проблемы востока Европы мыслит в плоскости прометейских чаяний.

И в заключении: обращаем внимание нашего уважаемого собеседника на недавно вышедшую, весьма интересную книгу г. Адольфа Бохеньского. Там он встретит иной подход ко многим из тех сомнений, которые его волнуют.

Постников взволнован

В русском эмигрантском журнале «Современные записки» (№ 64, 1937) появилась статья некоего Постникова, эсерствующего интеллигента старой московской школы, нашедшего приют в пражском «Русском историческом архиве». Статья озаглавлена: «*Литература эмигрантского сепаратизма*». Содержание ее — обычные великодержавные бредни, но имеется и ряд характерных признаний.

«*Российский сепаратизм явление не сегоднешнего дня*» — констатирует г. Постников, «ловко» пристегивая своим определением национальные движения нерусских народов к этому «российскому сепаратизму».

«*Но прежде он не носил* — продолжает глубокомысленно Постников — *сколько нибудь серьезного характера. Это были высказывания чисто теоретического, принципиального характера: так в пятидесятых годах девятнадцатого столетия у петрашевцев уже была мысль об отделении Сибири; молодой Потанин тоже мечтал о сибирской независимой республике. Можно также изредка найти отдельные мысли о сепаратизме и в прежней украинской литературе. Однако идеи сепаратизма не захватывали широких интеллигенческих кругов различных народностей, населяющих Россию. Из всех многочисленных народов Российской империи лишь поляки и финны заявляли свое право на отделение и самостоятельность*».

Таким образом, новоявленный спец от национальной проблемы в б. России датирует возникновение ее 50-ми годами прошлого столетия и... петрашевцами. Ему безразлично, что в 50-тых годах, даже по Иловайскому, Кавказ вел еще вооруженную борьбу за свою независимость, а расширение имперских границ в сторону Туркестана только что начиналось. Мало того, несколько десятков лет перед этим декабристы должны были осудить идею федеративного устройства, учитывая силу центробежных стремлений нерусских народов, т. е. те стремления, которые классифицируются автором как «российский сепаратизм».

Но стремясь умалить органическую сущность национальных движений, автор вынужден, все же, признать их мощь.

«*Без преувеличения можно сказать,* — пишет он — *что теперь проблема межнациональных отношений в России является одной из самых трудных и острых. Если революция 1917 года прошла под знаком разрешения аграрного вопроса, то ближайшее будущее России поидет под знаком вопросов национальных*».

Вполне правильное заключение, свидетельствующее о том, что старое русское «шапками закидаем» не окончательно подавило у автора здравый смысл.

Но далее опять начинается великодержавная дребедень. Оказывается, «*внутри Советской России в этом отношении* (т. е. в отношении национальных проблем) *еще только выкристаллизовываются тенденции нового государственного и межнационального развития*». В эмиграции же, хотя «*все ясно и бесспорно*» и «*теории сепаратизма в эмиграции категоричны и не допускают никаких компромиссов*», однако, и тут не все «в порядке», и здесь, по старому русскому обыкновению, автор ищет прежде всего «коварную англичанку», различных «*покровителей*», которые оказывают «сепаратистам» «*большую моральную поддержку*».

Этой поддержкой он об'ясняет и изобилие «*в литературе сепаратистов*», которое не находится «*ни в каком соответствии с численностью отдельных национальных групп в эмиграции*». Для него «*понятна и неудивительна большая русская зарубежная литература, так как русских живет за рубежом много более миллиона*». По этим же причинам он склонен «понять и неудивляться» наличию в эмиграции украинской и армянской национальных литератур. Но, зато, в его голове не укладывается, как это «*небольшая группа горцев Кавказа, которых можно перечесть по пальцам, в течении девяти лет издает тоже дорого стоющий свой журнал*». И тут то почтенный летами, но не умудренный опытом автор раскрывает нам истинную ценность своих познаний в национальных вопросах. А куда же вы, почтеннейший спец от национальных проблем, запрятали миллионную эмиграцию с Северного Кавказа, которая под давлением беспримерного насилия покинула родину отцов в 1864 году?! Столь же «непонятно» для автора и существование печати других народов.

Изложив все свои сомнения, Постников переходит к перечислению отдельных изданий и к их характеристике. И, нужно признать, здесь он более осведомлен, хотя и тут «Яна Милли Юл» превращается у него в «Ваня милли Вул», «Яш Тюркстан» — в «Вах Туркестан» и т. д. Несколько раз он цитирует и наш журнал, допуская при этом передержки.

Так, например, приписывает нам следующую фразу: «*общечеловеческая ценность русской культуры спорна*». Для нас, должны мы сказать, в этом вопросе ничего спорного нет — вопрос ясен. У нас было сказано: «общечеловеческая ценность русской культуры *относительна*», т. е. относительно Постникова, например, она, вероятно, представляет большую ценность; в отношении же нас ни о какой ценности речи быть не может, она для нас была и есть источником разложения и национальной дегенерации. Тут не о чем спорить!

Заканчивается статья следующим образом:

«*Нормальная государственная жизнь менее всего располагает к каким - либо разрывам и отделениям* (в особенности, добавим, когда ведомство Ежова действует «без перебоев»). *И только в моменты, когда весь сложный государственный*

организм начинает лихорадить, в результате внешней или внутренней гражданской войны, отдельные его части могут отпадать. Особенно, если этому содействуют внешние враги. Именно с этой стороны мы считаем небезинтересным сделать обозрение разнообразной сепаратистской русской литературы. Уже один факт существования этой литературы в течении многих лет заслуживает всяческого внимания и изучения. Рассматривая эту литературу, убеждаешься, что во всем этом движении, на первый взгляд, как бы хаотичном, случайном, полном политических капризов и неожиданностей, в целом есть определенный и выдержанный план, который примерно с 1928 года проводится в жизнь с особой настойчивостью и с затратой немалых средств».

Тут уже мы не можем не согласиться с г. Постниковым. Беспокойство его вполне основательно. Да, мы теперь более опытны и солидно готовимся к окончательной расправе.

Похвала руссификации

Все мы знаем, что ж. «Кавказ» чувствует особый «решпект» перед русской культурой, предпочитая ее иным культурам и предназначая ей в жизни кавкасских народов исключительную роль. Знаем мы также, что русский царь для сотрудников журнала является еще *«Государем Императором»* (обязательно с большой буквы), русская дореволюционная армия — *«Императорской Армией»* (также с большой буквы), хотя как с царем, так и его армией Кавказ связан не меньшей (во всяком случае) цепью кровавых воспоминаний, чем с теперешним советским царем и теперешней русской армией. Знаем мы, наконец, и оригинальную особенность «независимой национальной мысли», репрезентируемой ж. «Кавказ», — особенность, коя проблему борьбы за национальную независимость низводит к проблеме борьбы только с сегодняшним русским режимом. Все это известно и находится между собой в логической связи.

Однако, несмотря на такую осведомленность, то, что мы прочли в октябрьском номере «Кавказа», было даже для нас неожиданностью.

В этом номере почтеннейший проф. Зураб Авалишвили, один из плодовитейших сотрудников журнала, играющий в нем роль радетеля за «кавкасскость» Кавказа, выступил с явной пропагандой... руссификации горцев.

Вдохновила его на это выступление статья некоего Азад бея (псевдоним) в сентябрьском номере «Кавказа» — единственная статья в названном журнале, содержащая в себе проблески понимания того колоссального натиска, той расчитанной до мелочей и последовательной работы, которую ведут большевики в области руссификации нерусских языков.

Профессор Авалишвили старается рассеять тревогу, которая могла возникнуть у читателей после статьи Азад бея. Более того, он считает такую тревогу совершенно необоснованной, он поощряет советскую языковую политику на Северном Кавказе, считает ее явлением положительным.

В туманной аргументации он ссылается на Ллойд - Джорджа и различные лингвистические авторитеты — от Марра, основателя «нового учения о языке», давшего «научные» основы сегодняшней руссификационной политики, до Мейэ, одного из столпов «индоевропеистики», так ненавистной адептам «нового учения».

Проблема общего государственного языка для Северного Кавказа, как равно и сущность, а также цели советской языковой политики у нас и вообще в СССР — неоднократно рассматривались на страницах нашего журнала. Поэтому не будем повторяться и противопоставлять здесь аргументации г. Авалишвили нашу аргументацию. Скажем лишь, что профессорские доводы во многом сходны с теми, которыми оперируют советские руссификаторы. Сходны и конечные выводы. В заключительной части своей статьи проф. Авалишвили пишет:

«Готовиться надо не к идиллии, а к борьбе; и заботиться не о переживании живописного, бытового, традиционного, а о торжестве целесообразного, организованного, современного. И это во всем... не исключая языков».

Т. е., иными словами,—«долой, буржуазный национализм» (лелеющий все «живописное, бытовое, традиционное») и да здравствует «язык октября»...

Одно для нас не совсем понятно: почему г. Авалишвили из всей массы фактов, перечисленных г. Азад беем, остановился только на тех моментах, которые касались Северного Кавказа? Ведь там шла речь и об Азербайджане, который для радетеля о чистоте кавказских риз должен иметь не меньшее значение, чем Северный Кавказ.

Наше недоумение возрастает тем более, что еще два года тому назад почтенный профессор имел иной взгляд на языковую проблему Северного Кавказа. В том же «Кавказе», в № 9—10 за 1935 год, он писал:

«Намечается и усвоение горцами литературного языка турок восточного Кавказа в качестве средства общения между собой и с соседями на юге. Это, однако, не означает грядущей «тюркизации» горского населения, несмотря на доказанную вообще способность турецких языков к экспансии. Потеряет при этом в горах, преимущественно, язык арабский, как в Азербайджане утратил свое былое значение язык персидский (хотя в стране Низами и Хакани возможно и возрождение литературного интереса к последнему). Но вопрос о языках на всем Кавказе — тема особая, о ней следовало бы поговорить отдельно. Есть и здесь не мало нового».

Как видим, намерение свое проф. Авалишвили исполнил. Но как исполнил?! С поворотом на 180^0 от тех положений, которые были им отмечены в 1935 году.

Единственное об'яснение этому мы видим только в том, что шефу «кавказистов» не удалось в конечном итоге усыпить подозрительность профессора и убедить его, что «усвоение горцами языка турок восточного Кавказа» (кумыкского) не означает «тюркизацию», что это естественная мера самозащиты и наиболее удобное разрешение сложной проблемы языка на Северном Кавказе.

Карта разделения Азово-Черноморского края (взята из советских газет).

Sovyetler İttihadı İcra Komitesi'nin kararı mucibince, geçen Eylûl ayının ortalarında Azov-Karadeniz ülkesi, Rostov eyaleti ve Krasnodar ülkesi olmak üzre iki kısma bölünmüştü. Taksimat, sovyet gazetelerinden alarak buraya naklettigimiz haritada gösterildiği gibi yapılmıştır. Yukarıda—Rostov eyaleti, aşağıda da — Krasnodar ülkesi gözükmektedir. Bu suretle, Garbî Adige, şimdi Krasnodar ülkesine dahil bulunmaktadır.

11 сентября т. г. постановлением ЦИК СССР Азово-Черноморский край был разделен на Ростовскую область и Краснодарский край. В состав Ростовской области были выделены 7 городов и 61 район. Все остальные города и районы отошли к Краснодарскому краю. 13 сентября ЦИК еще раз принял постановление о разделении Азово-Черноморского края, при чем в последнем случае число районов, перешедших к Ростовской области, было увеличено до 64. В составе Краснодарского края находятся Адыгейская авт. область и Шапсугский национальный район, а также национальные районы армян, греков и немцев.

KÜÇÜK HABERLER — ХРОНИКА

KAFKASYA HABERLERİ—ВЕСТИ С КАВКАЗА

STALİN — „YERLİ ŞOVİNİST"

Malûm olduğu üzre bolşevizmin galibiyetinden sonra SSSR mahkûmu milletlerin alfabesi—gürcü ve ermeni müstesna—latin alfabesine çevrildi Hatta rus harfleri üzerine yapılmış alfabeler bile latınlaştırıldı. Dahası var: 1928 in 6 ve 7 Son Kânun'unda Lunaçarski, „Krasnaya gazeta" da neşretmiş olduğu bir mekalede rus yazısının da latınlaştırılmasını teklif etmiş ve bu kabil bir islahat zaruretini bizzat Lenin'den işittigini dahi kaydetmişti.

Buna rağmen, iki sene evvelisi Moskva'da ruslaştırma işi kuvvet bulunca, sovyet „lisaniyatçıları" latin alfabesinin yazıyı zorlaştırdığını, latin harflerinin dilin muhtelif seslerini doğru olarak ifade için kâfi gelmedigini ve gayri rus diller için en muvafik alfabenin latin değil de rus alfabesi olacağını isbata çalışıyorlardı. Bunun üzerine bâzi mıntakalarda alfabelerin ruslaştırılmasına başlanıldı. Kabarda ve Çerkes muhtar eyaletlerinde alfabe latıncadan ruscaya çevrildi. Ayni islâhatı Dağıstan'da ve ihtimal ihtilâle kadar arab alfabesi kullanan SSSR in diger mıntakalarında dahi yapacaklardır.

Bu suretle anlaşılıyorki, bolşevikler tarafından tahakkuk ettirilen latınlaştırma işi, bolşevizme kadar arab alfabesi kullanan milletlerin yazısını kolayca ruslaştırmak için düşünelen bir tuzağdır.

Fakat, son hadiseler gösteriyorki, rus dil ve alfabesinden başka, gürcü dili dahi mümtaz bir vaziyette imiş. Abhaz ASSR Merkezî İcra Komitesi reisi A. Agrba'nın çıkışı bu ciheti teyid eder mahiyettedir. 4-VIII-1937 tarihli „Zarya Vostoka" gazetesinde bu çıkışında A. Agrba, kendi selefi M. İcra komitesi reisi müteveffa Nestor Lakoba'ya hücum ederek diyorki;

„N. Lakoba, V. Ladariya ve digerleri gibi alçak halk düşmanlarının ihaneti ve Abhaz emekçilerinin menafiini hayasızca satmak teşebbüsleri olmasaydı Abhaziya'da sovyet hükûmetinin muvaffakieyeti daha fazla olmuş olurdu. Zira muvaffakieyet için her türlü şerait mevc ddır. Yazının son kısmından anlıyoruzki sovyet hükûmetinin „muvaffakıyetleri" meyanına abhaz alfabesinin latıncadan gürcü esasına çevrilmesi işi de dahil bulunuyormnş.

Agrba diyorki:

„Mahellî milliyetçilik ve şovinizm ile zehirlenmiş N. Lakoba ve V. Ladarıya'nin şahsında temsil edilen Abhazya eski rehberligi kendisini mümkün mertebe gürcü kü türünden kardeş sovyet Gürcüstanının yardımından uzak bulundurmak siyasetini takib etmiştir.

Gürcü alfabesini kabul, abhaz edebî dil ve yazısının tanzim ve inkişafı mes'elesini bir defalık hall edebilir. Çünkü abhaz dilinin ses hususiyetini gürcü alfabesi kadar hiç bir alfabe ifade edemez".

Şüphe yoktur ki bu sözler „sovyet halkının atası „Iosif

Stalin Cugaşvili'nin sadık bendesi Lavrenti Beriya'nın müsaadesi ile söylenmiştir. Bu suretle görülüyorki, degil yalnız abhaziyayi gürcüleştiren Beriya, hatta patronu Stalin bile „yerli şovinizm„den kurtulamamıştır.

İşte Stalin tarafından yaratılan sovyet hayatının mantıkı!

ЕЩЕ О „БУРЖУАЗНЫХ НАЦИОНАЛИСТАХ"

Статью г. Догужа в настоящем номере дополняем рядом выдержек, взятых нами из советских газет. При этом считаем нужным отметить, что это лишь незначительная часть того „разоблачительного" материала, который заполняет в последнее время страницы советских газет на Северном Кавказе.

Итак, на собрание махачкалинского партактива, о котором вспоминает в своей статье г. Догуж, некий Мадатов, сам оказавшийся в конце концов „от'явленным вредителем и буржуазным националистом" „(Даг. пр." 3-X-1937), выступил со следующим:

„Тов. Мадатов привел ряд документов, обнаруженных в архивах ДагЦИК, характеризующих подлое вражеское лицо Самурского. В 1926 году Самурский провел на президиуме ДагЦИК решение о том, что Дагестан не в силах освоить добычу нефти, и всю нефтяную промышленность следует сдать в концессию иностранному капиталу.

В том же 1926 году враги народа Коркмасов, Далгат, Тахо-Годи сожгли ряд документов, разоблачавших Самурского, как сына крупного барановода, как управляющего у одного из бакинских капиталистов, как провокатора". („Даг. пр". 4-X-1937).

С подобными „разоблачениями" можно сейчас встретиться на каждом шагу. Конечно, это не значит, что все такого рода факты в свое время не были неизвестны чекистскому надзору, если действительно имели место. Но тогда Самурские были нужны советской власти, время их „ликвидации" еще не наступило. Другое дело сейчас, когда нужда в них прошла. Теперь все действительные и мнимые „грехи" извлекаются из „архивов", чтобы облегчить ту грандиозную „чистку", которую предпринял „отец советского народа" в последнее время.

Подобного характера обвинение было поставлено и некоему Устарханову, секретарю карабудахкентского райкома ВКП (б), о котором „Даг. пр.", называя его „выучеником разоблаченного фашиста Коркмасова", пишет:

„Устарханов по своему происхождению, связям и всей деятельности — чуждый, антисоветский человек, махровый буржуазный националист. Происходит Устарханов из семьи крупного арабиста, кадия из селения Эрпели, Буйнакского района. Его мать вела в ауле контрреволюционную религиозную работу среди женщин. Сам Устарханов получил высшее арабистское воспитание.

Во время гражданской войны Устарханов, совместно со своим старшим братом, был с турецкими интервентами в горах. После победы советской власти, он вернулся в аул, где устроился учителем, затем при помощи матери — активной помощницы муллы — стал председателем эрпелинского сельсовета.

Будучи председателем сельсовета, Устарханов связался с кулачеством, получал от них подарки. При помощи врага народа Коркмасова Устарханов был выдвинут на руководящую работу в районе.

В его бытность секретарем райкома и председателем райисполкома в Буйнакске буквально ожили кулацко-муллыские элементы. С его помощью была выстроена огромная мечеть, и поныне действующая в Буйнакске. Устарханов и Темирбек Темирбеков (работавший до последнего времени в краевой конторе „заготскот") вместе с духовенством города организовали торжественное празднование „Курбан-байрама", мобилизовав для этого оркестр духовой музыки.

Совершенно не считаясь с коммунистами, беднотой, бывшими красными партизанами, Устарханов, Темирбеков и их друзья окружили себя муллами, арабистами, бывшими царскими чиновниками и прочей антисоветской сворой. Виднейшие муллы были постоянными советниками Устарханова. На руководящие работы в сельсоветах были поставлены муталимы, князья, бывшие царские чиновники. В общем, вовсю шло „выдвижение" антисоветских элементов на руководящие работы.

На должность председателя сельхозкооперации „Сабанчи" был выдвинут сын помещика, бывший офицер, родственник жены Устарханова—Магомед Хуршилов. В нижне-казанищенском отделении „Сабанчи" был посажен бывший князь Уллубиев (титулы „князей" советские „разоблачители" раздают не стесняясь — прим. р-ции). Председателем черкейского сельсовета был поставлен крупный арабист, шейх Абдул Хаджи. В Верхнем Каранае советом заправлял кулак Юсуф Алибек.

Вся эта антисоветская свора была принята в партию при содействии Устарханова, его ближайщего помощника, троцкиста Карагишиева, Темирбекова и других". („Даг. пр." 15-IX-1937; авторы заметки — А. Годник и А. Сухоруков).

Красочным дополнением к этому может служит нижеследующее:

„Если в начале 1932 года по Дагестану имелось 843 ячейки союза безбожников, которые об'единяли свыше 40 тысяч членов, то в результате вредительской работы этой банды („банда"—это вспоминаемые в цитируемой статье выше б. председатель союза безбожников Дженгир Измайлов, Ибрагим Алиев и Махмудов, имя которого не приводится — прим. р-ции), сейчас осталось всего лишь 45 ячеек и 963 члена СВБ. Никакой антирелигиозной работы дагсоветом СВБ абсолютно не ведется. Из 16 числящихся на бумаге райсоветов СВБ (на 40 районов!) в действительности не работает ни один, да и само существование их находится под большим сомнением". („Даг. пр." 10-X-1937, передовая статья).

К этому следует лишь добавить, что 40000 „безбожников", бывших якобы членами СВБ в 1932 г., ничто иное, как обыкновенное совранье. Об этом говорит, хотя бы, количество „безбожников" в настоящее время—963 человека. При всех ухищрениях „буржуазных националистов" количество „безбожников" не могло уменьшится за 4 года с 40000 до 963 человек.

Вот еще несколько выдержек из отчета о собрании махачкалинского партактива:

„В заключение тов. Барбашин приводит ряд фактов говорящих о том, что у нас осталось еще много неразоблаченных буржуазных националистов. Они есть в наркомфине, в лице, хотя бы, Омаркадиева, в наркомпросе, наркомхозе, наркомторге и в других учреждениях и организациях.

Людям, истинное лицо которых надо основательно проверить, посвящает свою речь и тов. Гаджиев. Он говорит об Атаеве Джамалутдине, ближайщем друге фашиста Коркмасова, о бывшем князе Шановазове (это тоже „советский князь", он был преемником Астемирова на посту наркома просвещения—прим. р-ции), о крупнейшем помещике Клычеве, о секретаре докузпаринского райкома Набиеве, который всячески продвигал в партию в ауле Куруш некоего Эфендиева—двоюродного брата Самурского, хотя знал, что он ведет в ауле контрреволюционную антисоветскую работу...

..Тов. Схиртладзе привел ряд цитад из антипартийных писаний Самурского, рассказал о том, как этот враг в 1920 году в штыки встречал приезжих людей и всех приезжавших из центральных районов большевиков клеветнически считал виновниками восстания имама Гоцинского...

...Тов. Шмелев рассказывает о том, как буржуазные националисты всячески оберегали своих хозяев—капиталистов и лелеяли свои кадры. В свое время Самурские и Далгаты посылали в Баку особую делегацию и специальный пароход за капиталистом Абдуллаевым, впоследствии расстрелянным, чтобы выдвинуть его на пост руководителя рыбной промышленности Дагестана. Любовное отношение было и к явному врагу, впоследствии умершему Мирзабеку Ахундову. На его похоронах Самурский плакал: „Спи, друг, твое дело мы доведем до конца"... Буржуазные националисты, в частности Тахо-Годи, проводили вредительскую политику в области подготовки кадров. Они посылали в учебные за-

ведения чужих людей, готовили себе надежную смену..." („Даг. пр." 3-Ц-1937).

Наконец, характеристика дербентской парторганизации:

„Буржуазные националисты и троцкистско-бухаринские выродки проникли в дербентскую партийную организацию в значительно большей степени, чем в другие. Известно, что в Дербенте осели остатки двух контрреволюционных национальных комитетов, не мало мусаватистов, дашнаков, иттихадистов и прочей нечисти. Здесь же орудовала в прошлом среди татов шайка сионистов. Наконец, известно, что в Дербенте свили себе гнездо троцкистские бандиты во главе с разоблаченным врагом народа Бозиновским." („Даг. пр." 8-X-1937).

Аналогичные мотивы слышим и на страницах „Грозн. рабочего". Итак:

„Чувствуя действенную помощь со стороны духовенства, буржуазные националисты в угоду им всячески популяризовали работу арабских школ. Одним из таких агитаторов является председатель исполкома Горчханов, который на одном собрании, „раз'ясняя" конституцию, заявил, что как в арабской, так и в советской школе в одинаковой мере изучаются науки. Присутствующие колхозники были чреввычайно удивлены таким раз'яснением. Контрреволюционное духовенство использовало это толкование в своих целях, заявляя колхозникам, что арабские школы узаконены советской властью". („Гр. раб." 15-IX-1937, автор заметки Р. Иванов).

Или, например, несколько фактов из прошлого Окуева Хамида, б. заведующего отделом пропаганды обкома ВКП(б), которому также „удалось скрыть" это прошлое:

„Еще в 1920 году Окуев совершил тягчайшее, чудовищнейшее преступление перед партией, советской властью и чечено-ингушским народом. Это преступление Окуев тщательно скрывал. Стоит об этом вспомнить.

В 1920 году Окуев Х., являясь красноармейцем конного эскадрона чеченского военкомата, стоявшего в ауле Старые Атаги, захватил лошадей и оружие и дезертировал с группой предателей, насильно уведя с собой старшего красноармейца. В дороге дезертиры убили уведенного ими красноармейца. Дезертиры, в том числе и Окуев Хамид, стали заниматься бандитизмом.

В дальнейшем бандиту Окуеву удалось пролезть в партию. Когда в 1929 году его пытались разоблачить, сподвижники Окуева, ныне разоблаченные враги народа Мамаев, Мачукаев, работавшие в областной партийной контрольной комиссии, реабилитировали врага, несмотря на неопровержимые улики и показания свидетелей". („Грозн. раб" 5-X-1937, статья Х. Горева).

Таким образом, и в этом случае „бандит" занимал важный пост в партийной иеррархии и только теперь его сочли нужным „разоблачить".

А вот картина в Ирафском районе (районный центр — аул Чкола) СевОсССР:

„Лучший тракторист Ирафского леспромхоза тов. Русанов подал заявление об уходе с работы. С ним долго беседовали, хотели узнать: почему он уходит с работы. Русанов сперва молчал, а потом заявил: „Тяжело русскому здесь работать."

Всякий здравомыслящий придал бы этому заявлению значение. Не так поступили в леспромхозе. Заявление Русанова было передано в завком. Вместо того, чтобы подробно ознакомиться с делом и привлечь действительных виновников к ответственности, преседатель завкома Кудзоев многозначительно заявил:

— Делать тебе нечего, потому ты с заявлением трясешься...

Подал заявление об уходе десятник т. Суханов. Мотивы увольнения те же, что у тракториста т. Русанова.

Все это не случайно. В леспромхозе крепко окопались и ведут подрывную работу, контрреволюционную работу враги народа, буржуазные националисты. Во главе этой контрреволюционной сволочи стоит некий Тотаонов, обманным путем пробравшийся в партию. Буржуазный националист Тотаонов, работая директором Ирафского леспромхоза, всячески разжигал национальную рознь. На работу в леспромхоз был прислан инженер Беляков Инженер Беляков—честный работник, он много сделал для ликвидации недостатков в леспромхозе. Буржуазный националист Тотаонов открыто издевался над ним, а под конец уволил. Также были уволены Тотаоновым другие специалисты т.т. Сердюков, Салин, Нефедов и Харитонов. Тотаонов открыто заявлял, что он „не может переносить русских".

Далее автор корреспонденции говорит, что все начальство района из осетин поддерживало своего соплеменника

„О контрреволюционной работе Тотаонова хорошо осведомлен ирафский райком ВКП(б) и его секретарь тов. Минзаев. Но райком не борется с буржуазными националистами. Тотаонов был из'ят из леспромхоза и переброшен начальником строительства районной электростанции. Так оберегают в райкоме Тотаонова, сына торговца, младший брат которого, Магомет, воевал против Советов в отрядах средне-азиатских бандитов Эмира Бухарского и теперь находится в эмиграции в Афганистане. Тотаонов держит с ним связь.

А в леспромхозе и до сих пор действуют члены буржуазно-националистической группы Тотаонова. Здесь работают его ставленники — председатель завкома Кудзоев и парторг Годзоев. Да и сам Тотаонов частенько наезжает в леспромхоз. Директором леспромхоза сейчас работает украинец тов. Поляхов, присланный наркомлесом. Буржуазные националисты третируют его".

Затем автор переходит к „непорядкам" в отделе народного образования:

„В Ирафском районе буквально все участки поражены вражеской работой. Банда буржуазных националистов, кулаков, троцкистов и другой контрреволюционной сволочи, действующая в Чкола, принесла и продолжает приносить много вреда трудящимся района. Эти гады завладели и таким ответственным участком в районе, как народное образование".

Автора более всего беспокоит отношение к русскому языку, к которому в Ирафском районе, как видно, не чувствуют особых симпатий.

„У руководства ройонным отделом народного образования — продолжает он—сидит буржуазный националист Албегонов. По вине Албегонова школы до сих пор не обеспечены преподавателями русского языка. В крупнейшей в районе сурх-дигорской средней школе до сих пор отсутствуют два преподавателя русского языка. В Ахсарисаре 5, 6, 7 классы не имеют учителя русского языка, такое же положение и в Лескене. В Чколаевской средней школе 8, 9 и 10 классы только 3 октября получили учителя."

Здесь автор говорит о прошлом Албегонова, которого называет „сыном крупного кулака-торговца", и заключает отсюда: „поэтому нечего удивляться, что Албегонов, до сих пор прикрываясь партийным билетом, всячески засоряет советскую школу контрреволюционной падалью." Среди этой „контрреволюционной падали" не обошлось, конечно, без „агентов фашизма." Итак:

„В прошлом году в этой же чколаевской школе работала в качестве педагога некто Тамара Гулуева. Эта прохвостка пресмыкалась перед главой каннибалов XX века Гитлером, клеветала на испанский народ. Ее братья — враги народа. Один из них был долгое время связан с одним из иностранных государств, другой ее брат в 1919—20 году зверски убил красного партизана Хамикоева. Гулуева была изгнана из школы. Был также изгнан и ее муж Гулуев,—сын кулака. В этом году Албегонов их пригрел и послал работать учителями."

Далее следует еще целый ряд подобных „разоблачений". Заметка эта была напечатана в „Соц. Осетии" от 8-X-1937 г., автор ее — М. Никитин.

Другой Никитин, Никитин Н., разоблачает „буржуазных националистов" в Карачае и вспоминает, между прочим, секретаря обкома ВКП(б) Аппаева, того самого Аппаева, который недавно, на последнем партийном с'езде, сам громил „курджиевщину."

„В Карачаевской области — пишет Н. Никигин — до самых последних дней орудовали ставленники бандита Курджиева буржуазные националисты Гербеков — в

нацииздате, Созоруков — сначала в обкоме ВЛКСМ, а потом в обкоме партии, Биджиев — в Зеленчукском райкоме ВКП (б), Аппаев в Учкулане, Байтоков — в Усть-Джегутинском райисполкоме.

Разоблаченный сейчас как буржуазный националист, бывший секретарь обкома Аппаев продолжал курджиевские дела. Он ловко маскировался, прикидывался непримиримым борцом с врагами. Сейчас установлено, что Аппаев никогда не был батраком, как он себя изображал. На самом деле он является питомцем кулаков и мулл, в годы гражданской войны — активный участник белогвардейских банд, а в 1920 году принимал участие в контрреволюционных заговорах против советской власти".

Аппаев и Гербеков проводили „буржуазно-националистические установки" в издательском деле и в литературе. Гербеков, совместно с рекламируемым еще недавно писателем Уртеновым, написал „буржуазно-националистический" роман „Кара-Кюбюр" („Черный сундук"). Аппаев был соавтором русско-карачаевского словаря, который „целиком пошел в брак как антисоветский". Во всем этом помогал „вредителям" Баташев, б. председатель исполкома.

„Активным помощником во всех враждебных делах Аппаева — пишет Н. Никитин — был Баташев, бывший председатель облисполкома, друг детства и „выдвиженец" Аппаева. Баташев знал о службе у белых, о чуждом социальном происхождении Аппаева, но скрывал это. Умолчал Баташев и о своем отце, который был стражником, выслужившимся до помощника старшины. Неслучайно поэтому в области провалена подготовка к выборам в советы, а советы засорены классово-враждебными элементами". („Ордж. пр." 16-X-1937).

Наконец, ряд фактов касательно Черкесской авт. области:

„Весной этого года — читаем в „Ордж. правде" (16-IX-1937) — в Черкесии была разоблачена контрреволюционная буржуазно-националистическая организация, которую возглавляли быв. председатель облисполкома Камбиев, б. второй секретарь обкома Булатуков и другие. Эти предатели черкесского народа готовили вооруженное восстание против советской власти, разваливали хозяйство, нагло издевались над населением Главари повстанческого заговора разгромлены и арестованы".

Но, оказывается, разгром не был полным, т. к. „буржуазные националисты сохранили и по сей день „про запас" свои кадры, которые сейчас продолжают творить в Черкесии свои гнусные дела". Главарем этих „кадров" является председатель облисполкома Шумахов, преемник на этом посту Камбиева.

„Шумахов, работающий сейчас председателем облисполкома (бывший председатель кувинского рика и зав. облфо), использует те же методы буржуазных националистов, методы насаждения чуждых людей в советский аппарат".

Его ставленники — „Агиров, Шхаев, Паунежев, Такушинов и Напиджев недавно арестованы как участники повстанческого заговора буржуазных националистов". Но несмотря на массовые аресты и расстрелы последнего времени, автор заметки (Б. Шелепов) продолжает считать, что

„Среди вновь выдвинутых на областную руководящую работу есть темные личности. Идеологическая работа в области находится в руках буржуазных националистов. Переводчики издательства, протаскивающие антисоветскую агитацию в брошюрах и распространяющие их в массы, в большинстве случаях — муллы, кулаки, родственники расстрелянных в 1918 году бандитов и т. д."

Автор утверждает, что необходимо „до конца размотать клубок буржуазных националистов, предающих интересы трудящихся Черкесии".

* * *

Из волны последних репрессий, имевших и имеющих место не только на Северном Кавказе, но и в иных национальных областях СССР, можно сделать ряд выводов. Во-первых, они свидетельствуют о том, что сила национального чувства на „окраинах" не ослабевает, но, наоборот, усиливается, захватывая и широкие массы членов коммунистической партии, местных уроженцев. Во-вторых, она говорит о том, что даже умеренный „национализм" партийных руководителей из „националов" (между прочим, слово это уже не в ходу в СССР), не идущий далее „завоеваний октября", уже кажется Москве опасным, и она „в ударном порядке" приступила к „ликвидации" не только этих „завоеваний", но и самых партруководителей из „националов". Следует при этом добавить что сейчас „ликвидируется" наиболее оппортунистический элемент в руководстве нерусских парторганизаций, так как с лицами, отличавшимися большей независимостью, было уже покончено в предшествовавшие годы. Наконец, „темпы" этой „ликвидации", ее „ударность", находятся несомненно в прямой связи со „сталинскими выборами". Если бы не было последних арестов и расстрелов, то мы были бы свидетелями того, как все эти Самурские, Ахунд-Бабаевы, Икрамовы, Тогоевы, Рухулла Ахундовы и т. д., в силу советских общественных взаимоотношений, оказались бы в составе советских „представительных органов" и, несмотря на весь свой оппортунизм, не гармонировали бы с неприкрашенными уже ярко централистическими и русско-великодержавными тенденциями, которые характеризуют политику Сталина в последние годы. Сталин хочет в своем „парламенте" иметь „надежных людей". Поэтому то он и решил „ударно" ликвидировать конкурентов тех „знатных доярок", „орденоносцев-звеньеводов" и прочих „бригадиров", которые в национальных республиках и областях выдвигаются, наряду с русскими служащими НКВД, кандидатами в сталинский „парламент".

ОТКУДА ПРОИЗОШЛО НАЗВАНИЕ ГОР. ЕССЕНТУКИ

В сочинском „Красном знамени" (11-IX-1937) дается следующее об'яснение происхождению названия гор. Ессентуки:

„Рим-гора — место постоянных экскурсий. Говорят, когда то здесь жили римляне, именем которых названа гора. На Рим-горе, говорят старики горцы, стояла раньше крепость знатной и воинственной владетельницы Стан. Неприступна была крепость, как гнездо орлицы. Как когти орлицы, были крепки руки Стан, красотой звездного ночного неба искрились ее прекрасные глаза. Вскоре крепость Стан обложили войска владетеля другой отдаленной крепости — Бурга. Бург захватил крепость и сделал Стан своей женой. В знак этого речку, протекавшую недалеко от Рим-горы, назвали Бургустаном, а окрестности горы — Бургустанскими.

Когда же истекло определенное природой время, у Стан родился сын. Хилым и чахлым было дитя этой любви. Как трава, выросшая в подземельи, был бледен сын Стан. Даже волосы не росли на его голове. И, использовав все лечебные средства, всех знахарей, повезла наконец его Стан к источникам, чудодейственно бившим среди сухой пустынной степи.

Степные источники исцелили ребенка. Стал он наливаться здоровьем и силой. А когда хилый ребенок превратился в ловкого, стройного, курчавого юношу — этот юноша оставил хищных и жестоких владетелей крепости на Рим-горе. Ушел юноша в горы и стал пастухом.

* * *

Вот почему источники, бьющие в степи, и раскинувшийся около них город, стали называться Ессен-тюк или по теперешнему Ессентуки. Ессен, значит — жив, здоров, а тюк — волос. Это по-карачаевски.

Есть иное об'яснение слова Ессентуки: „ессентук-ку" — надежное пристанище."

ЗОЛОТО В КАРАЧАЕ

Добыча золота на Кавказе была известна с древнейших времен. С добычей золота связана несомненно легенда о золотом руне. Массовые нахождения золотых вещей при археологических раскопках, а главное их кавказское происхождение, также свидетельствуют о наличии на Кавказе в древности промышленной разработки золота. При советской власти добыча золота была возобновлена в широких размерах, в особенности на Северном Кавказе. Сейчас Северный Кавказ

является одним из основных поставщиков золота в советскую казну. Особым изобилием отличается Карачай, хотя и в иных районах (Осетия, Каб.-Балкария и Западная Адыгея) добыча золота достигает значительных размеров. О золоте в Карачае и о советских золотоискателях говорит нам следующая заметка в газ. „Красный Карачай" (12-IX-1937):

„В нынешнем году на Кизильчукском и Урупском приисках старатели нашли и сдали государству три больших самородка золота весом по 500—700 грамм каждый.

Это не случайные находки. Старатели ежегодно сдают государству много самородков по 200, 300 и больше грамм, что свидетельствует о расположении на территории Кизильчука и Урупа богатых залежей рудного золота. Поэтому понятно, почему вредители Борисенко, Назаров, Попловухин, Варишкин и другие понижали добычу золота. Они, например, план добычи золота составили с таким расчетом, чтобы основные работы проводились в июне, июле и августе, т. е. в то время, когда бурные реки особенно многоводны. Чтобы отводить русло рек приходится затрачивать много средств и рабочего времени.

Они культивировали на приисках хищнические методы добычи. Русло реки Власничихи, богатое золотом, роется без всякого плана и порядка.

На Кизильчукском и урупском приисках добывают золото только в руслах рек и немного на террасах. Совершенно не проводят геологоразведочные изыскания рудного золота. А как известно, еще в 1915 году, экспедиция американцев обнаружила в этих местах богатую золотоносную жилу.

Управляющий трестом Орджзолото Мериманов прекрасно знает об этом факте, он знает, что в Кизильчукском и Урупском районах залегают богатые золоторудные жилы, однако не включает в план эксплоатации, не производит разведывательных работ. Молодые советские инженеры, работающие на этих приисках, неоднократно требовали от бывших управляющих, Борисенко и Попловухина, организации изыскательных работ. Но эти враги народа все время отказывались что-либо предпринимать в области геолого-разведочных изысканий.

Разведка рудного золота—это сейчас самая основная и самая важная задача руководителей и старателей карачаевских приисков.

Карачаевские золотые прииски считаются самыми богатыми не только в Орджоникидзевском крае, но и на всем Северном Кавказе. Эти богатства, в изобилии залегающие в недрах нашей области, необходимо добыть и использовать для нужд государства."

В миллионах рублей следует исчислять ежегодную добычу золота на Северном Кавказе. И все это идет в карманы Москвы.

ВОСТОЧНАЯ И ЗАПАДНАЯ ИБЕРИИ

Испанские события нашли своеобразный отклик на страницах тифлисской „Зари Востока". Вот что пишет „З. В." (6-VIII-1937):

„Историческое обоснование одноплеменности грузин и басков достаточно известно: баски, как и грузины, считаются потомками сильнейших хетов, суммеров и халдов, создавших великую мировую культуру.

Древние историки придерживались различного мнения о первоначальном местопребывании басков. По словам Плиния, иберы Запада, или испанцы, являются выходцами из азиатской Иберии, т. е. из Грузии. По справке же Диониса, и азиатские иберы—выходцы из Западной Иберии, или Испании.

Интересно, что такие же разноречивые сведения о первоначальном местопребывании басков, по данным древних историков, приводит греческий ученый и эрудит Евгений. Об этом он говорил грузинскому писателю и путешественнику Тимофею Габашвили в бытность его на Афоне в 1754 году.

Не вдаваясь в разбор этого специального вопроса, мы в данном случае интересуемся: были ли в феодальном обществе Грузии интерес к „спанцам"-баскам и чувство родства и одноплеменности?

По историческим сведениям XI века, известный грузинский церковный деятель Иоанн Мтацминдели (Святогорец), преследуемый интригами, решил с сыном своим и учениками спастись бегством в Спанию, которая ему представлялась второй родиной. Он слышал будто бы в Спании живет не мало грузинских племен и поэтому доехал до самого Абидона (древний город на Геллеспонте), чтобы там достать корабль и направиться в сторону Спании, (См. „Рукопись Афонского монастыря 1074 г.", издание 1901 г., стр. 19—20).

Но правитель Абидоса уговорил его вернуться.

Интересно, что в XVII веке, в критический момент своего существования, Грузия обратилась к Испании за помощью. Так, в 1627 году грузинский царь Теймураз I (поэт) отправил в Испанию посла, чтобы вовлечь испанского царя в войну против Персии (М. Тамарашвили „История католицизма в Грузии", стр. 92).

Прибывшего в Мадрит посла Никифора Чолокашвили (1627 г.) испанское правительство приняло с большим почетом в дворцовых палатах, где ему устроена была достойная встреча. И уже оттуда посла отправили в Рим с большой помпой. (Там же, стр. 93).

В 1672 году находившемуся в Тбилиси французскому негоцианту и путешественнику Шардену рассказали, что папа Климент VIII в своих письмах к Теймуразу называет его, Теймураза, родственником Филиппа II, а иберийцев и испанцев — братьями.

Тот же Шарден передает, что в 1672 году, когда грузинский царь Вахтанг V пригласил его во дворец, то он осведомился у него о здоровьи испанского короля — своего родственника—и выпил за его здоровье из чаши, отделанной драгоценными каменьями, и при этом выразил желание, чтобы Шарден и присутствующие капуцины также выпили из этой богатой чаши за предложенный им тост (см. „Путешествие Шардена по Закавказью в 1673 – 73 г.г.". Тифлис, 1902 г., стр. 223 224).

Этот интерес к вопросу о родстве грузин и испанцев не угас и в XVIII столетии.

Таким образом, на протяжении целого ряда веков Грузия проявляла живейший интерес к Испании."

АНАТОРИ — ГОРОД МЕРТВЫХ

В „Изв." от 27-IX-1937 г. напечатано следующее:

„На границе Хевсуретии и Ингушетии, где сливаются реки Аргунь и Ардони, на высокой горной скале стоит мертвый город Анатори. Много десятков лет назад все его население вымерло от какой-то неизвестной болезни. Повесть о конце Анатори рассказал нам 82-летний крестьянин-хевсур Гигил Чиноараули из селения Шатили, что лежит на три километра выше Анатори.

В один особенно неурожайный год в Анатори вспыхнула эпидемия. Заболевшие умирали через несколько дней в страшных мучениях.

Жители соседних селений окружили Анатори постами, никого не выпускали оттуда и никого не впускали туда. Оставленное без помощи население Анатори решило изолировать заболевающих. На противоположном берегу Аргуни соорудили семь каменных хижин. Каждый заболевший обязан был немедленно покинуть город и поселиться в этих хижинах. Выход оттуда был запрещен под страхом смерти. Время от времени больным приносили пищу. Она подавалась через единственное узкое отверстие, имевшееся в каждой хижине и служившее одновременно окном и входом. Но приносившие пищу сами заболевали, и жители Анатори перестали пищу носить для больных.

Внутри хижин больные располагались на каменных лавках, устроенных ярусами вдоль стен. Больные лежали на лавках в ожидании мучительной смерти.

Болезнь не прекращалась. Скоро в хижинах не осталось больше мест. Новые больные сбрасывали умерших на пол и сами занимали лавки. За несколько месяцев Анатори опустел. Умерли все, кто жил в городе. Лишь один юноша-анаторец, бывший в то время в гостях в далекой Душетии, спасся от эпидемии. Возвратившись на родину, юноша не пожелал оставаться один в вымершем городе. Он поднялся вверх по Аргуни и выстроил себе дом в том месте, где теперь располо-

жилось селение Шатили. С тех пор пустым и безжизненным стоит на высокой скале мертвый город Анатори.

Рассказ этот, судя по сохранившимся памятникам, близок к истине. Напротив мертвого города почти нетронутые временем стоят и сейчас хижины, куда эвакуировались больные анаторцы. Мрачный вид их приводит в содрогание. На лавках и на полу лежат человеческие скелеты. На некоторых из них сохранились обрывки полусгнившей одежды."

Автор этого сообщения, некий Доморацкий, не отличается особенными познаниями в кавказоведении. Дело в том, что подобные „города мертвых" можно встретить и во всей нагорной полосе Северного Кавказа. Эти кладбища не обязательно связаны с эпидемиями, хотя, конечно, эпидемии в горах были не раз и предание о печальной судьбе Анатори может иметь под собой почву. Но, повторяем, надземные кладбища не обязательно должны быть результатом эпидемий. В древности такая форма погребения была общепринятой в горах Кавказа. Отголоски этого сохранились до сих пор в осетинском термине u ä l m ä r d t ä — к л а д б и щ е, что в точном переводе на русский язык означает: „мертвые наверху" или, иначе, „надземные мертвые". Из описаний Геродота можно судить, что надземная форма погребения была принята и у скифов, факт, являющийся еще одним свидетельством близкого родства этих последних с древним населением Северного Кавказа. (М. Ковалевский усматривает в этом случае иранское влияние).

Обращает наше внимание и название рек, упоминаемых в заметке: Аргунь и Ардони. Аргунь—это, несомненно, осетинское äragun=бешенный, а Ардони—осетинское „äradon", откуда происходит и название реки Ардон (бешенная река) в Осетии. Эти названия, как и ряд иных (напр., река Савдон в Чечне—по-осет. „sau-don"=черная река или вода, ибо „don" означает и воду—и др.), свидетельствуют о том, что часть осетин в древности размещалась восточнее теперешних своих пределов. Осетинская топонимика сохранилась в некоторых случаях и в Балкарии, и в Карачае.

В МУЗЕЯХ

„Ордж. правда" пишет:

„Среди исторических материалов, поступивших в Ворошиловский краевой музей из музея горских народов, имеется интересный автограф имама Шамиля.

Этот исторический документ представляет из себя сухой листок чинары, на котором черной тушью написано несколько слов на чеченском языке. В переводе на русский язык написанное звучит так:

„Наибу Талхику. Предлагаю тебе завтра быть на условленном месте, где я тебе дам надлежащий ответ. Имам Шамиль".

Этот оригинальный документ сохранился хорошо: листок почти не поврежден, надпись, сделанная арабским алфавитом, вполне разборчива.

Автограф Шамиля будет выставлен в формирующемся сейчас историческом отделе музея вместе с другими предметами той эпохи."

* * *

В „Правде" читаем:

„С 1904 по 1915 год в Тбилиси существовал военно-исторический музей. В нем были собраны ценнейшие исторические экспонаты: знамя Шамиля, значок Хаджи Мурата, польские штандарты, бунчуки турецких пашей 1828—1829 годов, подлинники картин Рубо, редчайшие медали петровских времен, кольчуги и много других исторических экспонатов.

В 1915 году имущество музея было вывезено в Ставрополь, а затем, после революции, снова возвращено в Тбилиси и сдано в государственный архив. Однако руководители архивного управления решили отделаться от этого имущества. Они продали его Госкинпрому Грузии как... театральный реквизит.

Сейчас знамя Шамиля, подлинник известной картины Рубо „Взятие Геок-Тэпе" и прочие экспонаты свалены в подвале здания Госкинпрома Грузии. Исторические ценности, за которыми никто не наблюдает, гниют от сырости, постепенно уничтожаются. Часть имущества музея попала в театры. Многие подлинники картин Рубо совсем исчезли.

О том, что гибнут и расхищаются замечательные памятники старины, знает наркомпрос Грузинской ССР. Однако это, видимо, мало его беспокоит."

Idaremize gelen eserler — Книги, полученные редакцией

— R e v u e d e T u r c o l o g i e. Fondeé à Paris par Riza Nour; tome III, livre 1. Alexandrie, 1937.

— Tadeusz Vetulani — W z d ł u ż A n a t o l i i. Wydawnictwo Instytutu Wschodniego w Warszawie. Warszawa, 1937.

— Włodzimierz Dzwonkowski — „R o s j a-C h i n y-M o n g o l j a w s t o s u n k a c h d z i e j o w y c h". Wydawnictwo Instytutu Wschodniego. Warszawa — 1937.

— Włodzimierz Bączkowski — „G r u n w a l d c z y P i l a w c e?". Wydawnictwo „Myśli Polskiej". Warszawa 1938.

— D. de Souramy, Sirdar de la Géorgie Insurgée—T i f l i s c o n t r e M o s c o u. Bruxelles, 1937.

— Kazimierz Niepokoyczycki — „S ł o w a c y i C z e s i" — zarys stosunków. Wydawnictwo „Myśli Polskiej". Warszawa — 1937.

О П Е Ч А Т К И

В прошлом номере на 9 стр., правый столбец, начиная с 6-ой строки русского текста, напечатано: «*Каковы же итоги и перспективы этой борьбы? Может ли русский империализм в новом издании торжествовать победу или же ожидать ее скорого пришествия? На первое мы уже сейчас можем ответить отрицательно. Итоги шестнадцатилетних усилий не дают большевизму поводов для торжества*». — должно же быть: «*Каковы же итоги и перспективы этой борьбы? Может ли русский империализм в новом издании торжествовать победу или же ожидать ее скорого пришествия? На первое мы уже сейчас можем ответить отрицательно. В т о р о е т а к ж е н е о с у щ е с т в и м о в у с л о в и я х п о в с е м е с т н о г о у с и л е н и я н а ц и о н а л ь н о г о ч у в с т в а. Итоги шестнадцатилетних усилий не дают большевизму поводов для торжества*».

Mecmuanın müdürü: BARASBİ BAYTUGAN — Редактор журнала: БАРАСБИ БАЙТУГАН

Müdürün adresi — Al. Niepodległości 158 m. 6a, Warszawa (12), Pologne — Адрес редактора

Mecmua idarehanesinin adresi — 1, Square Léon Guillot, Paris (15), France — Адрес администрации журнала